

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
STATE
UNIVERSITY
BULLETIN

Linguistics
and Intercultural Communication

Linguistique
et communication interculturelle

Linguistik
und interkulturelle Kommunikation

Lingüística
y Comunicación Intercultural

Linguistica
e comunicazione interculturale

Лингвистика
и меѓукултурна комуникација

Lingvistika
a mezikulturni komunikace

Lingwistyka
i Komunikacja Międzykulturowa

Лингвистика
и междукултурна комуникация

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в 1946 году

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

19

Л
ИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ

№ 4 • 2020

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
факультет иностранных языков и регионоведения МГУ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Геккель Роберт (Goeckel Robert), доктор, профессор политологии и международных отношений, Университет штата Нью-Йорк, Колледж в Дженесео, США; **Илсон Роберт (Ilson Robert)**, профессор, почетный научный сотрудник Университетского колледжа Лондона; Лондон, Великобритания; **Ратмайр Ренате (Rathmayr Renate)**, доктор, профессор в отставке, бывш. зав. кафедрой иностранных языков и деловой коммуникации Института славянских языков Венского университета экономики и бизнеса. Вена, Австрия; **Джек Ричардс (Richards Jack C.)**, доктор наук, почетный профессор факультета педагогики Сиднейского университета (Австралия); почетный профессор факультета педагогики университета Окленда (Новая Зеландия); **Сассекс Роланд (Sussex Roland)**, почетный профессор, кафедра прикладной лингвистики, факультет языков и сравнительно-культурных исследований, Университет Квинслэнда. Брисбан, Австралия; **Чжэн Тиу (Zheng Tiwu)**, директор Института мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков, член президиума МАПРЯЛ, почетный член Союза писателей России, почетный доктор ИДВ РАН. Шанхай, КНР; **Ян Кэ (Yan Ke)**, профессор, директор Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли. Гуанчжоу, КНР

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Тер-Минасова С.Г. (главный редактор), доктор филологических наук, профессор, президент факультета иностранных языков и регионоведения, зав. кафедрой теории преподавания иностранных языков; **Молчанова Г.Г. (зам. главного редактора)**, доктор филологических наук, профессор, и.о. декана факультета иностранных языков и регионоведения, зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Загрязкина Т.Ю. (отв. секретарь)**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка и культуры

Члены редколлегии:

Запольская Н.Н., доктор филологических наук, доцент; **Захаров В.В.**, доктор исторических наук, профессор; **Комарова А.И.**, доктор филологических наук, профессор; **Левицкий А.Э.**, доктор филологических наук, профессор; **Милославский И.Г.**, доктор филологических наук, профессор; **Павловская А.В.**, доктор исторических наук, профессор; **Полубиченко Л.В.**, доктор филологических наук, профессор; **Прошина З.Г.**, доктор филологических наук, профессор; **Раевская М.М.**, доктор филологических наук, доцент; **Робустова В.В.**, кандидат филологических наук, доцент; **Сафонова В.В.**, доктор педагогических наук, профессор; **Шевлякова Д.А.**, доктор культурологии, доцент

Редактор И.В. Краснослободцева

Адрес редакции:

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13/14, корп. В, каб. 238.
Тел.: 8-495-734-03-10. Факс: 8-495-932-88-67. E-mail: vestnik19@yandex.ru
Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации № 016651 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 09.02.2021. Формат 60×90 /16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 13,0. Уч.-изд. л. 12,4. Тираж 160 экз. Изд. № 1154. Заказ №

Издательство Московского университета.
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в типографии ООО «Паблит». 127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1.
Тел.: (495) 230-20-52

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Когнитивные исследования

- Бубнова Г.И.* Лингво-когнитивные стратегии, определяющие трансформации письменного текста в ситуации чтения и говорения 9
- Ilson R.* The Lexicography of Concepts: the Crusades 22

Теория языка и речи

- Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: актуальные направления изучения медиаречи 26
- Gorodetskaya L.A., Kozhevnikova L.A.* Persuasiveness in Academic and Business Writing 39
- Соловьева Ю.О.* Современные методы атрибуции текста в англосаксонской практике автороведческой экспертизы 48

Язык. Познание. Культура

- Раевская М.М., Селиванова И.В.* Прагматический потенциал метафоры в публичном выступлении (На материале рождественских речей испанского монарха Хуана Карлоса I) 57
- Невежина Е.А.* Французский язык в Юго-Восточной Азии: проблемы и тенденции современной языковой политики 65
- Смирнова В.Е.* Динамика смыслового содержания этнонимов России в дискурсе французов XVII–XVIII вв. 80
- Анисимова Е.Е., Финк Т.Е.* Лингвопрагматический аспект публицистического дискурса о здоровом образе жизни (На примере немецкоязычных журналов “Women’s Health” и “Stern. Gesundheit”) 87

Традиции и современные тенденции культуры

- Молчанов Д.В., Шадрин Д.В.* Новые коммуникативные функции культуры во время пандемии COVID-19 99
- Анастасьева И.Л.* Феномен игры в шар как опыт мистической практики движения души к себе (Николай Кузанский) 108

<i>Комков О.А.</i> К вопросу об экзистенциальном статусе культуры в философии истории Карла Ясперса	118
<i>Шолохова Я.П.</i> Человек и пространство в автодокументальном наследии К.С. Петрова-Водкина	127

Региональные исследования

<i>Медведева Е.В.</i> Семиотика достопримечательностей и ее роль в формировании текста города	134
<i>Маринин О.В.</i> Социокультурный аспект изучения деятельности Советской военной администрации в Германии как актуальная проблема регионоведения	143
<i>Зинчук Д.А.</i> О роли социокультурного аспекта в демократизации Германии в американской и советской оккупационных зонах . . .	151

Информационно-коммуникационные технологии в образовании

<i>Назаренко А.Л., Шайхлисламова Л.Ф.</i> Критерии отбора компьютерных игр для обучения диалогической речи на иностранном языке специалистов негуманитарного профиля	157
<i>Харламенко И.В., Фролова Л.В.</i> Экзамен в электронном формате: преимущества, недостатки, возможные перспективы использования	168

Теория и практика обучения иностранным языкам

<i>Маслова А.А., Колесникова А.Н.</i> Требования к произношению преподавателя английского языка: нормативность или фонетическая разборчивость?	176
<i>Гущина Ю.А.</i> Профессиональная лексическая компетенция преподавателя иностранного языка: переосмысление понятия	191

Наша научная жизнь

<i>Молчанова Г.Г., Робустова В.В.</i> Междисциплинарный лингвистический форум ФИЯР-2020	198
<i>Указатель статей и материалов</i> , опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация» в 2020 г.	205

CONTENTS

Cognitive Studies

- Bubnova G.I.* Linguo-cognitive Strategies Defining Transformations of
Written Text in the Process of Reading and Speaking 9
- Ilson R.* The Lexicography of Concepts: the Crusades 22

Language and Speech Theory

- Dobrosklonskaya T.G.* Medialinguistics: Modern Trends in Studying
Language in the Media 26
- Gorodetskaya L.A., Kozhevnikova L.A.* Persuasiveness in Academic and
Business Writing 39
- Solovyeva Yu.O.* Modern Methods of Text Attribution in the Anglo-Saxon
Practice of Authorship Identification 48

Language. Cognition. Culture

- Raevskaya M.M., Selivanova I.V.* The Pragmatic Potential of Metaphor
in Public Speech (A Case Study of Juan Carlos I's Christmas Mes-
sages). 57
- Nevezhina E.A.* French in Southeast Asia: Issues and Trends in Modern
Language Policy 65
- Smirnova V.E.* Dynamics of Semantic Content of Russian Ethnonyms in
the Discourse of the French of the XVII–XVIII Centuries 80
- Anisimova E.E., Fink T.E.* Linguopragmatic Aspect of Media Discourse
on Healthy Lifestyle (A Case Study of German Magazines “Women’s
Health” and “Stern. Gesundleben”) 87

Traditions and Modern Tendencies of Culture

- Molchanov D.V., Shadrina D.V.* New Communicative Function of Culture
in COVID-19 Pandemic 99
- Anastas'eva I.L.* Play As a Mystical Practice of the Soul Moving Toward
Itself in the Writings of Nicolaus Cusanus 108

<i>Komkov O.A.</i> On the Existential Status of Culture in Karl Jaspers' Philosophy of History	118
<i>Sholokhova Ya.P.</i> Man and Space in the Life Writing Texts of K.S. Petrov-Vodkin	127

Area studies

<i>Medvedeva E.V.</i> The Semiotics of Landmarks and Its Role in the Formation of the Urban Text	134
<i>Marinin O.V.</i> Sociocultural Aspect of the Policy of the Soviet Military Administration in Germany as a Topical Issue of Area Studies	143
<i>Zinchuk D.A.</i> On the Role of Sociocultural Aspect in the Process of Democratization in the Zones of American and Soviet Occupation in Germany	151

Information and Communication Technologies in Education

<i>Nazarenko A.L., Shaikhislamova L.F.</i> Computer Games Selection Criteria for Teaching Dialogue Skills in a Foreign Language to Non-Humanities Specialists	157
<i>Kharlamenko I.V., Frolova L.V.</i> Internet-Based Exam: Advantages, Disadvantages, Possible Prospects for Use	168

Theory and Practice of Teaching Foreign Languages

<i>Maslova A.A., Kolesnikova A.A.</i> Pronunciation standards for the teacher of English: Near-Nativeness or Intelligibility?	176
<i>Gushchina Yu.A.</i> “Professional Lexical Competence of a Language Teacher”: Revising the Concept	191

Our Academic Life

<i>Molchanova G.G., Robustova V.V.</i> Interdisciplinary Linguistics Forum FFLR-2020	198
<i>The Index of Articles and Materials</i> Published in the Journal “Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication” in 2020	205

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г.И. Бубнова

ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА В СИТУАЦИИ ЧТЕНИЯ И ГОВОРЕНИЯ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматриваются два варианта, записанные в процессе озвучивания научного письменного текста (далее – ПТ): нейтральное чтение и стилизация устного сообщения, прием, который часто наблюдается в практике научного общения, когда выступающий озвучивает подготовленный письменный текст своего сообщения таким образом, чтобы создать впечатление устного говорения. Для экспериментального корпуса отобраны отрывки из статей французских лингвистов, каждый из которых был озвучен 8 информантами – носителями французского языка – в двух вариантах: нейтральное озвучивание письменного текста (далее – ОПТ) и стилизация устного сообщения (далее – УС). Во втором случае зрительная опора на письменный текст сохраняется, но информанты могут использовать в процессе говорения любые спонтанно необходимые языковые средства для создания эффекта «устности». Изучение реализованных лексическо-грамматических трансформаций проводится в ходе сопоставления ПТ/УС, а просодических – ОПТ/УС. Реализованные информантами трансформации свидетельствуют, что когнитивная стратегия озвучивания ПТ требует подчинения просодии – вторичного актуализатора смысла – синтаксису, что выражается в их однонаправленном взаимодействии; трансформации, наблюдаемые в УС, имеют деструктурирующую направленность как на синтаксическом, так и на просодическом уровнях, обеспечивая просодии равноправное участие в процессе «стилизации» устного сообщения.

Ключевые слова: когнитивная стратегия; синтаксис; паратаксис; просодия; пауза; фонационный период; просодическое квантование; взаимодействие синтаксис-просодия.

Введение. Нейробиологи убедительно показали, что способность к усвоению устной формы языка человек наследует эволюционно: с

Бубнова Галина Ильинична – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: gboubnova@mail.ru).

первых дней жизни ребенок, слыша речь окружающих, активизирует те же зоны головного мозга, что и взрослые говорящие. Левое полушарие, которое выполняет доминирующую роль в регуляции языковой деятельности большинства людей, содержит у новорожденного эволюционно сформированные нейронные сети, которые реагируют на устную речь. Именно поэтому ребенок научается говорить спонтанно и бессознательно.

Овладение письменной речевой деятельностью, в отличие от устной, требует специального обучения. По выражению С. Деана, письменная практика освоена человеком сравнительно недавно и в этой связи не могла оказать влияния на эволюционное изменение мозга, поэтому в структурах мозга отсутствуют инструкции и нейронные сети, специализирующиеся на чтении и письме [Dehaene, 2011: 22].

Таким образом, процесс вербальной коммуникации с необходимостью осуществляется либо в устной, либо в письменной форме. И отношения между ними могут быть охарактеризованы как взаимодопускающие друг друга, а отнюдь не как взаимодействующие [Peytard, 1971].

Исследования устно порождаемой речи (далее – УПР), на сегодняшний день достаточно продвинутые, убедительно показывают, что «присвоение языка» (термин Э. Бенвениста) говорящим в процессе устного порождения осуществляется по иным по сравнению с письменной речью правилам: это нанизывание парцеллятов, «внедрение» говорящего, доминанта глаголов и местоимений по сравнению с именной группой, тематическая «зЫзь», употребление опорных слов и дискурсивных регуляторов и пр. Фонетический компонент УПР также демонстрирует специфику функционирования как на сегментном, так и на супraseгментном уровнях [Blanche-Benveniste, 2010; Deulofeu, 2007; Morel, 2001; Lacheret, 2013; Martin, 2013; Avanzi, 2016; Mertens, 2008; Бубнова, 2008; Бубнова, Гарбовский, 1991].

Переходя к анализу фонетических средств, следует, однако, уточнить, что они участвуют в порождении не только УПР, но и озвученной письменной речи (далее – ОПР), что дает основание рассматривать их как равноправные варианты устной речи. Хотя очевидно, что в каждом из этих вариантов фонетические средства используются для решения разных когнитивных задач. В первом случае они взаимодействуют с лексико-грамматическим компонентом на стадии речевого планирования и означивания смысла, во втором, они являются вторичным и факультативным способом актуализации смысла, изначально созданного письменными средствами.

Задача статьи показать, что фонетический компонент, наличие которого позволяет объединять УПР и ОПР в рамках звучащей или

устной речи, обеспечивает надежное противопоставление этих видов речевой деятельности. Для того чтобы убедительно организовать сопоставление УПР и ОПР требуется наличие у сопоставляемых эмпирических объектов такого свойства, как *tertium comparationis*. При анализе фонетического компонента в качестве такого основания для сравнения используется, как правило, лексико-грамматическая организация высказывания. Понимая, что УПР и ОПР сопоставить, опираясь на это основание, невозможно, я предлагаю привлечь к анализу устную продукцию, которая часто наблюдается в практике научного общения: выступающий озвучивает подготовленный письменный текст своего сообщения таким образом, чтобы создать впечатление устного говорения.

Для корпуса исследования подобраны 20 отрывков объемом в одну страницу из статей французских лингвистов. Звучащий материал записан носителями языка (8 информантов) в возрасте от 25 до 40 лет, имеющими высшее филологическое образование. Длительность полученного звучащего материала – 55 минут.

В результате эксперимента для каждого письменного текста (сокращенно – ПТ) получено два устных варианта:

- нейтральное озвучивание письменного текста (ОПТ)
- «стилизация» устного сообщения (УС).

Во втором случае зрительная опора на письменный текст сохраняется, но информанты могут использовать в процессе говорения любые спонтанно необходимые языковые средства для создания эффекта «устности».

Сопоставление, таким образом, проводится на двух уровнях анализа: ПТ/УС и ОПТ/УС.

В первом случае в центре внимания находится анализ лексических и грамматических трансформаций, которые позволяют говорящему в заданных экспериментом условиях представить ПТ как устно речевое высказывание. Во втором – сравнить просодическую организацию ОПТ и УС, обратив особое внимание на характер взаимодействия лексико-синтаксических и просодических средств в сопоставляемых вариантах, наблюдаемых в ОПТ и УС.

Анализ ПТ и УС на лексико-грамматическом уровне. На этом этапе для всех текстов были составлены частотные словари, в которые методом сплошной выборки вносились полнзначные и грамматические слова по следующим функциональным классам: имя нарицательное и собственное, глагол, прилагательное, наречие, детерминатив (определенный/неопределенный артикль, местоименные прилагательные), предлог, союз. Для глаголов особо отмечались формы употребления: неличная (инфинитив, герундий, причастие) и личная (наклонение, время, залог).

Не вдаваясь в подробности промежуточной обработки количественных показателей, представлю сделанные выводы.

Межфразовая сегментация.

- Сохранение межфразовой сегментации в УС. Фраза остается основной коммуникативной единицей текста.
- Упрощение сложных и длинных предложений ПТ путем их расчленения на несколько более простых. Результат: возрастает употребление глагольной группы (табл. 1).

Таблица 1

Употребление (в %) трех основных функциональных групп в ПТ и УС

Текст	Именная группа	Глагольная группа	Служебная группа
ПТ	49,1	26,5	24,4
УС	45,5	30,4	24,0

- Избыточная маркировка начала фраз операторами контекстуальной связи. Результат: ослабляется межфразовая сегментация, типичная для письменной речи.

ПТ: On observe, en fait, une sur-évaluation de l'écrit (...)

УС: **Car/Par ailleurs** on observe, en fait, une sur-évaluation de l'écrit (...)¹

ПТ: Il s'établit une confusion (...)

УС: **En effet/en fait**, il s'établit **une sorte de** confusion (...)

Внутрифразовые трансформации:

- Замена безличного и пассивного залогов, употребляемых преимущественно в письменной речи на активный залог. Результат: процессуальное присутствие говорящего в реализуемом коммуникативном акте.

Таблица 2

Употребление (в %) глагольных форм в ПТ и УС

Текст	Форма глагола			
	личная	неличная	активная	пассивная
ПТ	75,3	24,7	72,1	27,9
УС	78,5	21,5	87,5	12,5

- Введение опорных слов, повторов, перифраз, автокомментаторов и контакторов. Результат: ослабление синтаксической плавности, тенденция к парцелляции, т.е. синтаксис заменяется на паратаксис + «внедрение» говорящего в коммуникативное пространство речи.

¹ Здесь и далее изменения, реализованные информантами в процессе создания УС, выделены жирным шрифтом.

ПТ: On observe, en fait, une sur-évaluation de l'écrit qui s'explique, pour une large part, par le fait que, dans la communauté française entre autres, sa maîtrise est la condition *sine qua non* d'accès à certains postes de responsabilité mais aussi par la collusion entre l'écrit banal, quotidien et le fait littéraire.

УС: **Car** on observe, en fait, une sur-évaluation de l'écrit qui **je crois** s'explique, pour une large part, par le fait **sans doute** que, dans la communauté française entre autres, **et particulièrement dans la communauté française**, sa maîtrise, **la maîtrise de l'écrit donc**, est la condition **indispensable** d'accès à certains postes de responsabilité. **Mais on observe** aussi **ce phénomène** par la collusion **ou du moins ce phénomène s'explique aussi, devrais-je dire**, par la collusion entre l'écrit banal, quotidien, **d'une part**, et le fait littéraire, **d'autre part**.

Анализ ОПТ и УС на просодическом уровне. Общая цифровая картина функционирования акустических характеристик в ОПТ и УС суммирована в табл. 3, 4, 5, где представлены следующие рассчитанные в ходе интонографического анализа относительные параметры: скорость артикуляции, скорость речи, коэффициент паузации, среднетекстовые величины частоты основного тона (далее – ЧОТ) и интенсивности, средняя длительность паузы и фонационного периода (период фонации, отграниченный воспринимаемыми паузами), а также частота употребления различных по слоговому составу фонационных периодов (далее – ФП), дистрибуция пауз.

Полученные данные показывают, что в УС увеличивается как количество, так и средняя длительность пауз, что суммарно отражается в уменьшении скорости речи. Уменьшение скорости артикуляции, средне текстовые значения ЧОТ и интенсивности свидетельствуют об общем увеличении экспрессивности и обращенности речи в УС по сравнению с ОПТ.

Таблица 3

Акустические параметры: относительные значения

Устный вариант	Средние значения					Скорость (зв/сек)		Коэффициент паузации
	длительность (сек)		кол-во слогов в ФП	ЧОТ текста (Гц)	интенсивность текста (дБ)	речи	артикуляции	
	ФП	пауза						
ОПТ	1.6	0.6	8.8	251.9	18.6	4.02	5.56	0.4
УС	1.2	0.8	6.6	273.4	26.6	3.36	5.29	0.6

Слоговой состав фонационного периода (в %)

Устный вариант	Количество слогов в фонационном периоде				
	1–3	4–6	7–9	10–15	16 и более
ОПТ	8.0	32.4	25.2	25.2	9.2
УС	21.0	33.0	21.9	19.9	4.2

Дистрибуция пауз (в %)

Устный вариант	Пауза		
	Синтаксически связанная		Свободная
	положительная корреляция со знаком препинания	отсутствие корреляции со знаком препинания	
ОПТ	62.2	24.5	13.2
УС	38.5	28.5	33.0

Дистрибуция пауз в целом свидетельствуют об уменьшении детерминирующего влияния формального синтаксиса на просодию в УС, что выражается, с одной стороны, в увеличении количества свободных пауз, а с другой – в изменении функционального статуса ФП. Последнее требует более развернутого комментария и иллюстрации.

Рассмотрим первую фразу ПТ, реализованную информантом К., интерпретация которого может быть квалифицирована по данным аудиторского и интонографического анализов как средне нормативная.

Данные табл. 6 свидетельствуют, что в ОПТ длительность паузы коррелирует с выполняемой ею синтаксической функцией следующим образом:

— межфразовый стык: 0.72 сек.

— сильный внутри фразовый синтаксический стык: 0.60, 0.61 сек.

— внутри фразовый стык: 0.46, 0.37, 0.35, 0.10, 0.27 сек.

В УС такая корреляция отсутствует [Бубнова, 2018].

Тональное оформление, наблюдаемое в терминальном слоге фонационных периодов, как и паузальное квантование, выполняет в ОПТ функцию вторичного актуализатора лексико-синтаксической структуры ПТ. Восходящие контуры (повышение тона разной степени плавности и высотного завершения) маркируют незавершенность и употребляются внутри фразы, нисходящие контуры (плавное понижение тона) – завершенность фразы, обеспечивая, таким образом, внутри фразовую интеграцию ФП и четкость межфразовых границ (графики 1 и 3).

Дистрибуция и длительность пауз в ОПТ и УС

ОПТ пауза (сек)	ОПТ (одна фраза)	УС (две фразы)	УС пауза (сек)
0,61	(1) parmi les difficultés rencontrées dans l'approche de l'oral		0,52
0,46	(2) en premier lieu		0,59
0,37	(3) on observe qu'il est souvent considéré		0,45
0,35	(4) à l'école et ailleurs	(4a) à l'école (4b) mais aussi ailleurs	0,33 0,70
0,60	(5) comme le parent pauvre de l'écrit		0,52
0,10	(6) alors qu'il est	(1) et pourtant	0,60
0,27	(7) génétiquement sur le plan social comme sur le plan individuel	(2) génétiquement il est sur le plan social comme sur le plan individuel	0,24
	(8) prioritaire	(3) prioritaire	
0,72	Конец фразы	Конец 2-й фразы	0,68
2,76	Суммарная длительность внутрифразовых пауз		3,95

В УС доминирующий терминальный контур представлен восходяще-нисходящим тональным движением, его дистрибуция не связана с лексико-синтаксической организацией ПТ (графики 2 и 4). Акустические параметры и перцептивная идентификация этого контура позволяют рассматривать его как вариант контактоустанавливающего контура, широко используемого в устно порождаемой французской речи монологического типа [Бубнова, Гарбовский, 1991] и контура обращенности, наблюдаемого в публичной речи французских политиков [Бубнова, Гладких, 2018]. Следует, однако, подчеркнуть, что в УС восходяще-нисходящий контур употребляется чаще, чем в материале, исследованном в упомянутых выше публикациях. Это свидетельствует, на мой взгляд, о том, что информанты, работая в жестких условиях эксперимента и осознавая невозможность кардинального изменения лексико-синтаксической организации ПТ, компенсировали эти трудности за счет использования просодических средств. Выбор восходяще-нисходящего контура обусловлен, в частности, тем, что он выражает не только обращенность, но работает и как средство сегментации речевого потока. Иначе говоря, он естественно участвует в трансформации синтаксиса в паратаксис, обеспечивая сегментируемым ФП большую информативность и просодическую «независимость» по сравнению с ФП, функционирующими в ОПТ.

Обращенность и экспрессивность УС, в отличие от нейтральности ОПТ, подтверждается результатами, полученными в ходе анализ такого акустического параметра, как значение диапазонов ЧОТ и интенсивности [Потапова, 2012]. Цифровые значения, рассчитанные для фонационных периодов, приведенного выше отрывка, показывают, что средний частотный диапазон в полутонах (ОПТ – 8 пт / УС – 13 пт) и средний диапазон амплитуды интенсивности в децибелах (ОПТ – 22 дБ / УС – 27 дБ) увеличиваются в УС по сравнению с ОПТ.

Итак, если в ОПТ просодическое оформление каждого ФП, входящего во фразу, жестко детерминируется внутри фразовым натяжением, то в УС, несмотря на сохранение межфразовой сегментации, хотя и в ослабленном виде, иерархизирующее влияние целого на часть уменьшается. Просодическое квантование способствует увеличению их информативности и просодической «независимости». В результате ФП интегрируются в речевую последовательность по принципу линейного нанизывания в отличие от иерархического подчинения целому (фразе), доминирующего в ОПТ. Это находит свое выражение в слабой временной упорядоченности пауз, в величинах диапазона ЧОТ и интенсивности, которые стабильно увеличиваются в ФП, наблюдаемых в УС, по сравнению с ОПТ, в смещении просодического центра на конец фонационных периодов, где наблюдается функционирование сильных контактоустанавливающих контуров, выполняющих сегментирующую функцию [Бубнова, Гарбовский, 1991], что практически отсутствует в ОПТ.

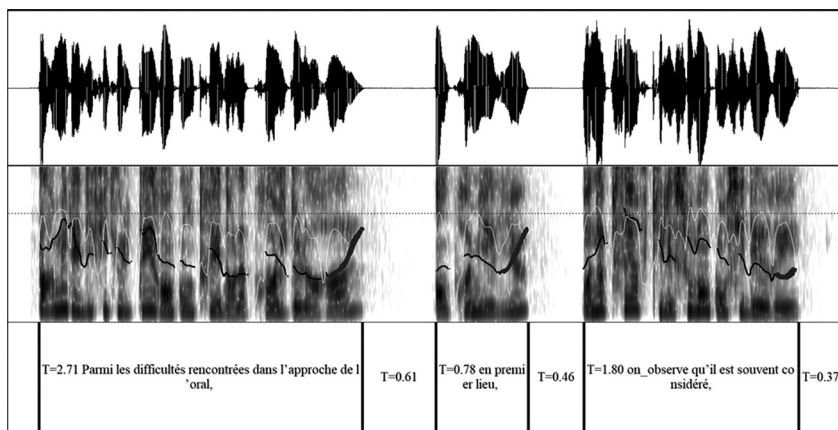

График 1. ОPPER (на всех графиках терминальные контуры показаны жирной линией)

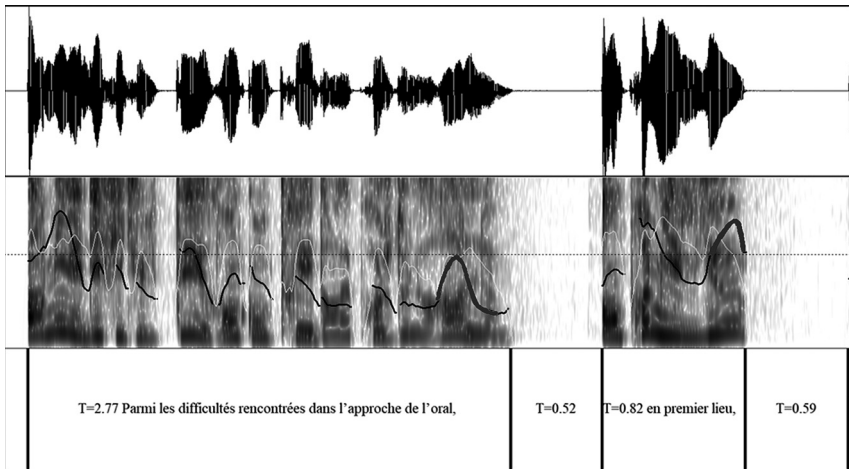

График 2. УС

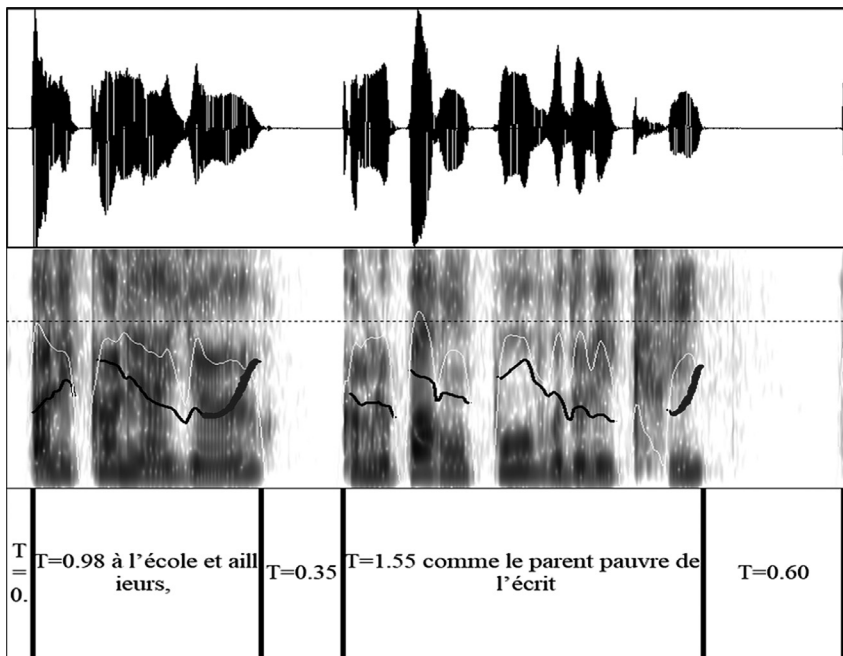

График 3. ОПР

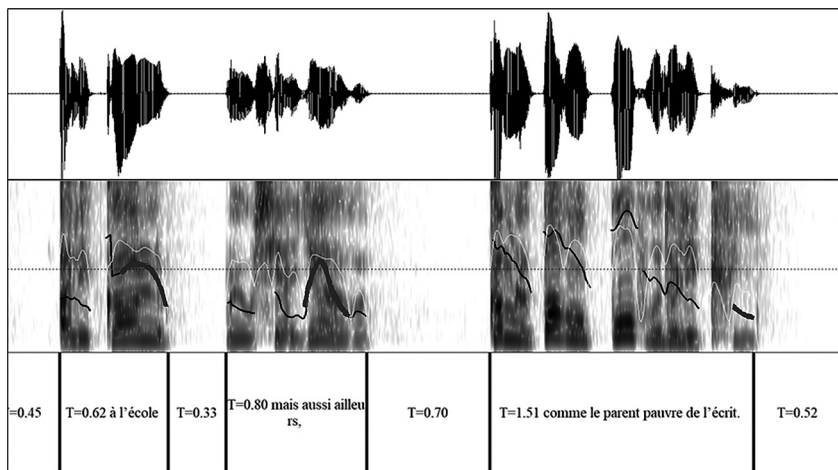

График 4. УС

Таким образом, просодические трансформации, наблюдаемые в УС, имеют, как и на синтаксическом уровне, деструктурирующую направленность, что непосредственно связано с реализацией информантами поставленной в эксперименте задачи. Необходимость процессуального внедрения в ПТ для его перекодирования в УС, активизировала лингво-когнитивные автоматизмы, сформированные практикой устно речевого порождения. В результате даже те сегменты, между которыми сохраняются формальные синтаксические связи, функционируют по принципу «нанизывания» парцеллятов. Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на указанные различия, УС является промежуточным вариантом между ОПТ и устным говорением. Это предопределяет гетерогенность просодической структуры УС, в которой можно обнаружить как устно речевые особенности, так и черты, присущие озвучиванию.

Заключение. Предпринятая в настоящей статье попытка изучения ПТ в «зеркале» устности позволила подтвердить правильность выдвинутого положения об активном деструктурирующем механизме, присущем устной речи [Бубнова, 2008]. В процессе стилизации устного сообщения информанты осуществили целый ряд синтаксических и просодических трансформаций, деструктурирующий характер которых со всей очевидностью вытекает из проведенного выше анализа.

В УС наблюдается ослабление детерминирующего влияния синтаксиса на просодию. Просодия становится равноправным средством, под активным воздействием которого лексико-синтаксическая

структура ПТ претерпевает существенные изменения: диффузность временной архитектоники пауз, функционирование свободной паузы, усиление информативной «достаточности» фонационных периодов. Просодия используется говорящим для усиления своего присутствия в коммуникативном пространстве: его речь приобретает такие свойства, как адресованность и выразительность. Внедрение говорящего, реализуемое через самокомментирование, смысловые уточнения, повторы и аппроксимации, также влияет на паузальное квантование речевого потока, активизируя тенденцию к паратаксису. Все перечисленные трансформации существенно модифицируют просодическую структуру УС по сравнению с ОПТ, разрушая четкую структурированность последней, детерминируемую синтаксисом ПТ.

Способ осуществления речи является важнейшей составляющей когнитивной деятельности человека. В соответствии с процессуальностью, необратимостью, линейностью и многоканальностью устного речепорождения, языковой субъект вырабатывает адекватные этим параметрам способы лингво-когнитивной обработки информации. Проведенный анализ показывает, что в зависимости от выбранной (экспериментально заданной в нашем случае) коммуникативной установки эти стратегии могут быть реализованы в условиях не только спонтанного, но и неспонтанного коммуникативного акта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бубнова Г.И. Лингво-когнитивная специфика монологической речи в условиях озвучивания и спонтанного порождения (на материале французской радиопередачи “La Danse des mots”) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 31–41.
2. Бубнова Г.И. Специфика дискурсивного процесса в условиях устного и письменного порождения речи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 1. С. 23–36.
3. Бубнова Г.И., Гарбовский Н.К. Письменная и устная коммуникация: синтаксис и просодия. М., 1991.
4. Бубнова Г.И., Гладких М.В. Просодия обращенности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 3. С. 46–57.
5. Потапова Р.К., Потапов В.В. Речевая коммуникация. От звука к высказыванию. М., 2012.
6. Avanzi M., Simon A.C., Post B. La prosodie du français : accentuation et phrasé // Langue française. 2016/3. N° 191. P. 5–10. URL: <https://www.cairn.info/revue-langue-francaise-2016-3-page-5.htm>
7. Blanche-Benveniste Cl. Approches de la langue parlée en français. P., 2010.
8. Dehaene S. Apprendre à lire. Des sciences cognitives à la salle de classe. P., 2011.
9. Deulofeu H.J. La greffe d’un énoncé sur une construction: une combinaison originale de parataxe et de rection // Béguelin M.-J., Avanzi M., Corminboef G. (éds.). La parataxe. Entre dépendance et intégration. Vol. 1. Berne, 2007. P. 175–208.

10. *Lacheret A., Simon, A.C., Goldman J.P., Avanzi M.* Prominence perception and accent detection in French: from phonetic processing to grammatical analysis // *Language Science*. 2013. N 39. P. 95–106.
11. *Martin Ph.* La structure prosodique opère-t-elle avant ou après la syntaxe ? // *Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage* [En línea]. 29 | 2013. URL: <http://journals.openedition.org/tipa/943>.
12. *Mertens P.* Syntaxe, prosodie et structure informationnelle : une approche prédictive pour l'analyse de l'intonation dans le discours // *Travaux de linguistique*. 2008/1. N 56. P. 97–124. Article disponible en ligne à l'adresse. URL: <https://www.cairn.info/revue-travaux-de-linguistique-2008-1-page-97.htm>
13. *Morel M.A., Danon-Boileau L.* *Grammaire de l'intonation, l'exemple du français*. P., 2001.
14. *Peytard J.* Pour une typologie des messages oraux // A. Rigault (éd). *La grammaire du français parlé*. P., 1971. P. 161–176.

Galina I. Bubnova

**LINGUO-COGNITIVE STRATEGIES DEFINING
TRANSFORMATIONS OF WRITTEN TEXT
IN THE PROCESS OF READING AND SPEAKING**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article considers two variants recorded in the process of voicing a scientific written text (hereinafter referred to as WT): neutral reading and stylization of an oral message, a technique commonly used in scientific communication, when the speaker voices the prepared written text of his message in order to create the impression of oral speaking. The experimental corpus includes excerpts from articles by French linguists, each voiced by 8 informants (native French speakers) in two variants: neutral voicing of the written text (hereinafter VWT) and stylization of the oral message (hereinafter OM). In the second case, the informants still follow the written text, but they can use any necessary language tools to create the effect of oral speech production. The implemented lexical-grammatical transformations are analyzed by comparing WT/OM, while the prosodic ones are studied by comparing VWT/OM. The transformations implemented by the informants indicate the following: first, the cognitive strategy of voicing WT requires that prosody, being a secondary actualizer of meaning, subordinates to syntax, which is expressed in their unidirectional interaction; second, the transformations observed in the OM are destructive both at the syntactic and prosodic levels, ensuring equal participation of prosody in “stylization” of the oral message.

Key words: cognitive strategy; syntax; parataxis; prosody; pause; phonation period; prosodic quantization; syntax-prosody interaction.

About the author: *Galina I. Bubnova* – Dr.habil in Philology, Professor, Head of the Department of the French Language of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: gboubnova@mail.ru).

REFERENCES

1. Bubnova G.I. 2018. Lingvo-kognitivnaja specifika monologicheskoj rechi v uslovijah ozvuchivanja i spontannogo porozhdenija (na materiale francuzskoj radioperedachi "La Danse des mots"). [Linguo-cognitive Specificity of Monologue Speech under Conditions of Scripted and Spontaneous Production: A Study of the French Radio Broadcast "La Danse des mots"] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 31–41. (In Russ.)
2. Bubnova G.I. 2008. Spetsifika diskursivnogo protsessa v usloviyakh ustnogo i pis'mennogo porozhdeniya rechi. [Specificity of discursive process under conditions of oral and written speech production] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 23–36. (In Russ.)
3. Bubnova G.I., Garbovskij N.K. 1991. *Pis'mennaya i ustnaya kommunikatsiya: sintaksis i prosodiya* [Written and oral communication: syntax and prosody]. Moscow. (In Russ.)
4. Bubnova G.I., Gladkikh M.V. 2018. Prosodija obrashhennosti. [Prosody of the Addressing]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 46–57. (In Russ.)
5. Potapova R.K., Potapov V.V. 2012. *Rechevaya kommunikatsiya. Ot zvuka k vyskazyvaniyu* [Speech communication. From sound to utterance]. Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur. (In Russ.)
6. Avanzi M., Simon A.C., Post B. 2016. La prosodie du français : accentuation et phrasé. [The prosody of French: accentuation and phrasing]. *Langue française*, no. 191, pp. 5–10. URL: <https://www.cairn.info/revue-langue-francaise-2016-3-page-5.htm> (accessed: 03.04.2020). (In French.)
7. Blanche-Benveniste Cl. 2010. *Approches de la langue parlée en français*. [Approaches to the spoken language in French] Paris, Ophrys. (In French.)
8. Dehaene S. 2011. *Apprendre à lire. Des sciences cognitives à la salle de classe*. [Learn to read. Cognitive sciences in the classroom] Paris, Odile Jacob. (In French.)
9. Deulofeu H.J. 2007. *La greffe d'un énoncé sur une construction: une combinaison originale de parataxe et de rection* ["Grafted" constructions: Original combination of parataxis and of "rectional" scheme]. In Béguelin M.-J., Avanzi M., Corminboef G. (eds.) *La parataxe. Entre dépendance et intégration*, vol. 1. Berne, pp. 175–208. (In French.)
10. Lacheret A., Simon A.C., Goldman J.P., Avanzi M. 2013. Prominence perception and accent detection in French: from phonetic processing to grammatical analysis. *Language Science*, no. 39, pp. 95–106.
11. Martin Ph. 2013. La structure prosodique opère-t-elle avant ou après la syntaxe? [Does the prosodic structure operate before or after syntax?] *Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage* [En línea], no. 29. URL: <http://journals.openedition.org/tipa/943> (accessed: 03.04.2020). (In French.)
12. Mertens P. 2008. Syntaxe, prosodie et structure informationnelle: une approche prédictive pour l'analyse de l'intonation dans le discours. [Syntax, prosody and informational structure: a predictive approach to the analysis of intonation in speech] *Travaux de linguistique*, no. 56, pp. 97–124. URL: <https://www.cairn.info/revue-travaux-de-linguistique-2008-1-page-97.htm> (accessed: 03.04.2020). (In French.)
13. Morel M.A., Danon-Boileau L. 2001. *Grammaire de l'intonation, l'exemple du français* [Grammar of intonation, the example of French]. Paris, Ophrys. (In French.)
14. Peytard J. 1971. *Pour une typologie des messages oraux* [For a typology of oral messages]. In A. Rigault (éd) *La grammaire du français parlé*. Paris, Hachette, pp. 161–176. (In French.)

R. Ilson

THE LEXICOGRAPHY OF CONCEPTS: THE CRUSADES

*University College London,
WC1E6BT, Gower Street, London, United Kingdom*

A comparison of the treatment of a culturally significant concept, the Crusades, in dictionaries of several languages, in the hope of learning about dictionaries and the dictionary cultures that produce and use them – and in order to encourage colleagues to undertake such comparisons.

Key words: the Crusades; concept; lexicography.

Introduction:

In an earlier essay, “The Lexicography of Concepts in English, French, and Russian”, I discussed the treatment of various concepts (black/white, dog/cat) in dictionaries of English and Russian – and then climaxed with the treatment in dictionaries of English, French, and Russian of the (Protestant) *Reformation*, *La Réforme*, *реформация*. It seemed (to simplify somewhat) that the English dictionary, the *Concise Oxford English Dictionary*¹, reflected the point of view of a Protestant culture, the French dictionary, *Le Petit Robert*² that of a Catholic culture, and the Russian dictionary, *Ожегов Толковый словарь русского языка*³ that of an Orthodox culture influenced perhaps by historical materialism. Is that surprising? Only if one believes (as I sort of did) that dictionary definitions represent some kind of transcendent culturally independent truth.

I propose now to investigate in the same way another important but controversial item: the *Crusades*. In doing so I shall use the same dictionaries as before, but add to them (for reasons that will become apparent) two dictionaries of Spanish: *Diccionario Manual e Ilustrado de la Lengua Española*⁴ (*Real Academia Española*) and *Diccionario del Español Usual en México*⁵.

Without further ado, let me proceed to the evidence:

Robert Ilson – Honorary Research Fellow of University College London, UK, Honorary Member of the European Association for Lexicography (e-mail: robert.ilson@outlook.com).

¹ COD, 12th edition, Oxford University Press, Oxford, 2011.

² PR, Dictionnaires Le Robert, Paris, 1988.

³ О, Мир и Образование, Москва, 2014.

⁴ RAE, Espasa-Calpe, S.A., Madrid, 1927.

⁵ DEU, El Colegio de México, México D.F., Primera Edición, 1996.

Evidence:

COD: crusade *n*: any of a series of medieval military expeditions made by Europeans to recover the Holy Land from the Muslims.

PR: croisade *n*: *Hist.* Expédition entreprise par les chrétiens coalisés pour délivrer les Lieux saints qu'occupaient les musulmans. "Expedition undertaken by a coalition of the Christians to liberate the Holy Places occupied by the Muslims."

RAE: cruzada *n*: Expedición militar contra los infieles que publicaba el sumo pontifice, concediendo indulgencias a los que a ella concurriesen. "Military expedition against the infidels proclaimed by the Supreme Pontiff, who granted indulgences to those who took part in it."

DEU: cruzada *n*: Cada una de las expediciones de los cristianos durante la Edad Media, con las que buscaban liberar a Palestina de los musulmanes. "Each of the expeditions of the Christians during the Middle Ages, whereby they sought to liberate Palestine from the Muslims."

O: Крестовые походы *n*: походы западноевропейских рыцарей на Восток в XI- XIII вв. [Note that O's entry is in the plural.]

Four call the Crusades "expeditions"; and O calls them "походы", which my Russian-English dictionaries suggest can be either 'expeditions' or 'campaigns'.

What sort of expeditions were they ? Military (COD, RAE), Unspecified (PR, DEU, O)

Who undertook these "expeditions" ? Europeans (COD), Christians (PR, DEU), Knights (O), Unspecified (RAE)

To what end ? To recover the Holy Land (COD), to liberate the Holy Places (PR), to liberate Palestine (DEU), to the East (O), Unspecified (RAE)

Against what enemy ? Muslims (COD, PR, DEU), Infidels (RAE), Unspecified (O)

When ? Medieval (COD), *Hist.* (PR), Middle Ages (DEU), Eleventh-Thirteenth Centuries (O), Unspecified (RAE)

Extra Information: Pope's Role, Indulgences (RAE), West European Knights (O, which makes a similar useful distinction in its treatment of the (Protestant) Reformation)

Commentary:

One is of course struck by the difference between the two Spanish dictionaries, separated by 69 years and the Atlantic. The goal has changed to liberating Palestine from beating infidels in order to gain indulgences. Nor is there any mention in either book of the Holy Land or the Holy Places. Although DEU is PC as RAE is not, RAE might represent more accurately how the Crusades were perceived by those who actually took part in them. By the way, although I'm not sure whether "Holy Places" (self-explanatory ?) needs a dictionary entry of its own, I believe strong-

ly that “Holy Land” does, even (or especially) in a dictionary that does not enter place-names. COD’s 12th edition uses “Holy Land” in its definition of *crusade* but does not grant it own-place entry. Struck by this omission, I looked elsewhere – and found it entered in COD’s Ninth Edition of 1995: “W. Palestine, esp. Judaea.” Another phrase that hovered in my mind whilst writing this essay was “holy war”, an equivalent in some respects of the Arabic “jihad”. Surely a crusade (in its historical sense) is a prime example of one (though if it is to liberate Palestine rather than the Holy Land it may be more political than religious)? To pursue this line of inquiry I endeavoured to find “holy war” in my corpus of five dictionaries. COD has it: “a war waged in support of a religious cause”. PR has *guerre sainte* (under *guerre*): “guerre que mènent les fidèles d’une religion au nom de leur foi” (**V. Croisade**). (PR distinguishes this from “guerre de religion”, as between Catholics and Protestants.) But the equivalent of “holy war” seems not to be in RAE, DEU, or O. Place names are problematic for dictionaries: though O enters *Восток* and *Запад*, it leaves unspecified the boundaries of *Восток* and *Западноевропейский*. Another lacuna is *Edad Media*, entered in neither Spanish dictionary, though *Middle Ages* is in COD, *Moyen Age* is in PR, and both *средневековье* (main entry) and *средне века* (sub-entry at *средний*) are in O. O’s “XI- XIII вв.” circumvents the problem by limiting itself to the dates of the Crusades themselves rather than situating them within a particular epoch of European history.

Conclusion.

It is with considerable trepidation that I conclude my survey with an effort to construct a definition of *crusade* compatible with all those presented above. It may if successful end this discussion; if even more successful, it will prompt still more discussion:

crusade n. any of a series of Holy Wars of the 11th to 13th centuries fought with papal approval by Western European Christians led by noblemen to take back from Muslims control of the Holy Land and its Christian holy places.

REFERENCES

1. Concise Oxford Dictionary. 2011. Oxford.
2. Diccionario del Español Usual en México. 1996. El Colegio de México, México D.F., Primera Edición.
3. Diccionario Manual e Ilustrado de la Lengua Española. 1927. Espasa-Calpe, S.A., Madrid.
4. Le Petit Robert. 1988. Paris.
5. Ozhegov S.I. (ed.) 2015. *Tolkovyi slovar’ russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Pod obshch. red. L.I. Skvortsova. Moscow, Mir i Obrazovanie. (In Russ.)

Р. Илсон

ЛЕКСИКОГРАФИЯ ПОНЯТИЙ: КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

*Университетский Колледж Лондона,
WCEBVT, Великобритания, Лондон, Gower Street*

В статье проводится сравнение трактовки культурно значимого понятия – крестовых походов – в словарях нескольких языков с целью на основе словарных данных рассмотреть отображение в них культуры, а также для того, чтобы вдохновить коллег провести подобные сравнения.

Ключевые слова: Крестовые походы; понятие; лексикография.

Сведения об авторе: *Роберт Илсон* – профессор, почетный научный сотрудник Университетского колледжа Лондона, Лондон, Великобритания, почетный член Европейской ассоциации лексикографии (e-mail: robert.ilson@outlook.com).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ожегов С.И.* (сост.) Толковый словарь русского языка / Под общ. ред. Л.И. Скворцова. М., 2015.
2. Concise Oxford Dictionary. Oxford, 2011.
3. Diccionario del Español Usual en México. El Colegio de México, México D.F., Primera Edición, 1996.
4. Diccionario Manual e Ilustrado de la Lengua Española. Espasa-Calpe, S.A., Madrid, 1927.
5. Le Petit Robert. Paris, 1988.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Т.Г. Добросклонская

МЕДИЛИНГВИСТИКА: АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕДИАРЕЧИ¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье представлен анализ развития медиалингвистики и других актуальных исследований медиаречи в России и за рубежом за прошедшие два десятилетия. С момента образования в 2000 г. медиалингвистика прошла большой путь и получила статус самостоятельного научного направления, обладающего четко сформулированной теорией, устойчивой внутренней структурой, разработанной методологией и терминологическим аппаратом. Статья содержит развернутое описание ключевой для медиалингвистики категории медиатекста, который определяется как актуализированное в определенном медиаформате и объединенное общим смыслом последовательное сочетание знаковых единиц вербального и медийного уровней. Анализируется также динамика лингвоформатных свойств медиатекстов в условиях цифровизации и конвергентных СМИ. Рассматриваются перспективные направления медиалингвистических исследований, включая изучение различных типов массмедийного дискурса (новостной, политический), информационно-вещательных стилей, и сопоставительный анализ речевых практик массмедиа различных стран. Во второй части статьи представлен обзор смежных с медиалингвистикой актуальных направлений исследования медиаречи, к которым относятся медиадискурсология, медиастилистика, медиариторика, интернет-лингвистика, медиатекстология. В завершение делается вывод о том, что в условиях активной медиатизации всех сторон современной жизни и стремительно растущего речеупотребления в СМИ, медиалингвистика служит надежной основой для дальнейшего комплексного изучения медиаречи, интегрируя существующие достижения в данной области и образуя новые векторы исследований.

Ключевые слова: медиалингвистика; медиатекст; медиастилистика; медиадискурсология; медиариторика; сопоставительная медиалингвистика; медиа-

---

Добросклонская Татьяна Георгиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tatdobro@mail.ru).

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

текстология; интернет-лингвистика; массмедийный дискурс; новостной дискурс; конвергентные СМИ; информационное пространство.

За прошедшие два десятилетия *медиалингвистика* [Добросклонская, 2000] успешно преодолела этап становления и продолжает динамично развиваться в качестве самостоятельной научной дисциплины, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, образовательные проекты и научные мероприятия, отражающие ее достижения как в России, так и за рубежом. Среди наиболее значимых можно отметить следующие.

С 2012 г. в Институте «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета функционирует сайт «Медиалингвистика XXI век»², в 2014 г. был учрежден международный научный журнал «Медиалингвистика». В Германии Институтом немецкого языка при университете Мангейма в 2013 г. выпущен сборник “Mediensprache und Medienkommunikation”³, объединивший работы российских и немецких авторов по проблемам медиаречи. С 2010 г. в рамках Международной ассоциации прикладной лингвистики (AILA) работает международная исследовательская группа по медиалингвистике⁴. Заметен рост интереса к медиалингвистике и в Китае, где в 2010 г. в Пекинском университете международного сотрудничества был создан центр анализа зарубежных СМИ⁵.

Начиная с 2016 г. по инициативе медиалингвистической комиссии при Международном комитете славистов регулярно организуются конференции «Язык в координатах массмедиа», первая из которых была проведена в Болгарии на базе Шуменского университета. Заметным итогом в развитии медиалингвистики стал выпуск в 2019 г. словаря-справочника «Медиалингвистика в терминах и понятиях», в котором упорядочены и систематизированы отраженные в современной медиалингвистической литературе ключевые категории и направления медиалингвистики⁶.

Ключевым показателем современного статуса медиалингвистики как самостоятельной дисциплины стало формирование устойчивой

---

² URL: <http://medialing.spbu.ru/> (дата обращения: 04.04.2020).

³ Mediensprache und Medienkommunikation: im interdisziplinären und interkulturellen Vergleich, Institute for Deutsche Sprache Mannheim, Germany, 2013.

⁴ URL: <https://aila.info/research/list-of-researchers/media-linguistics-2/> (дата обращения: 04.04.2020).

⁵ См.: *Добросклонская Т.Г., Чжан Хуэйцин.* Медиалингвистика в России и за рубежом // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 9–19.

⁶ Медиалингвистика в терминах и понятиях: Словарь-справочник / Под ред. Л.Р. Дускаевой. М., 2019.

внутренней структуры, которая включает такие тематические разделы, как:

1) определение статуса языка СМИ, его описание с точки зрения базовой парадигмы язык – речь, текст – дискурс;

2) возможности функционально-стилевой дифференциации медиадискурса, классификация текстов по степени реализации в них основных функций языка и каналу распространения (пресса, радио, телевидение, Интернет);

3) типология медиаречи, диапазон жанрово-видовой классификации текстов массовой информации, выделение основных типов текстов – новости, информационная аналитика и комментарий, публицистика (features), реклама;

4) лингвостилистические особенности основных типов медиатекстов;

5) экстралингвистические составляющие медиадискурса, как-то: производство, распространение и восприятие медиатекстов, социокультурный и идеологический контекст, интерпретационные свойства медиаречи, особенности реализации метасообщения, культуро-специфические признаки;

6) лингвомедийные аспекты технологий воздействия, включая такие, как пропаганда, реклама, новостной менеджмент и связи с общественностью;

7) лингвомедийные способы конструирования событий;

8) сопоставительное изучение лингвомедийных практик различных стран.

При всей широте охвата исследований медиаречи базовой категорией медиалингвистики по-прежнему остается *медиа́тэкст*, понимаемый как сложное многоуровневое явление, основанное на неразрывной связи вербальных и медийных компонентов. Определение медиатекста как актуализированного в определенном медиаформате и объединенного общим смыслом последовательного сочетания знаковых единиц вербального и медийного уровней позволило значительно расширить границы изучения речевых практик массмедиа, естественно отражая динамично меняющуюся природу текстов в условиях конвергентных СМИ [Добросклонская, 2020]. Множащиеся мультимедийные интернет-платформы заметно преобразили саму природу текстовой коммуникации, подтвердив известную формулу канадского социолога Маршалла Макклюза «the medium is the message» и соединив в разных конфигурациях вербальные и медийные компоненты, что привело к появлению целого ряда соответствующих понятий, например «гипертекст» и «сетевой текст» [Рязанцева, 2011].

Необходимость научного осмысления такой «двойственной» вербально-медийной природы текстов массовой информации нашла

отражение в целом ряде публикаций, анализирующих особенности соединения компонентов вербального и медийного уровней. Одна из предлагаемых в рамках медиалингвистики классификаций предусматривает следующие способы сочетания «слова» и «медиа» в текстах массовой информации: *иллюстрация, дополнение, коннотация, ассоциация и контраст*. Вариант «иллюстрация» означает простое сопровождение вербального текста нейтральными по характеру медийными компонентами – фотографиями с места события, изображениями политиков и прочих медийных личностей. В случае «дополнения» информация, содержащаяся в словесном тексте, детализируется за счет таблиц, графиков и прочих дополнительных графически оформленных сведений, включая, например, вставку в текст скриншотов и ссылок на посты в социальных сетях – Facebook, Instagram, Twitter и т.д.

Как ясно из самого названия, тип «коннотация» и «ассоциация» связаны с наличием в медийной части сообщения коннотативных значений или ассоциаций, например, фотография на обложке журнала The Economist с изображением женщины в закрывающем лицо хеджабе на фоне флага Евросоюза мгновенно вызывает у читателей ассоциации с потоком иммигрантов из стран исламского мира в Европу.

И наконец, соединение вербальной и медийной частей по типу «контраст» часто используется журналистами для эмоционального воздействия на аудиторию и создания комического эффекта. Например, телевизионное сообщение о том, что в парламенте конструктивно прошло обсуждение нового законопроекта, сопровождаемое кадрами яростно дерущихся депутатов, естественно вызывает смех.

Развитие Интернета внесло изменения и в традиционную **систему параметров**, разработанную в рамках медиалингвистики для типологического описания медиатекстов и включающая такие критерии, как: способ создания (авторский – корпоративный, устный – письменный); форма создания и форма воспроизведения (устная – письменная); канал распространения (печать, радио, телевидение, Интернет, мобильная телефония); функционально-жанровый тип текста, принадлежность к универсальному медиатопику (политика, бизнес, образование, культура, спорт и т.д.) и тематическая доминанта.

В отличие от «доинтернет» эпохи, когда производство и распространение медиатекстов было исключительно коллегиальной деятельностью, осуществляемой в рамках определенных государственных, коммерческих или общественных структур, сегодня создателем и отправителем медиатекста может быть любой медиаграмотный пользователь сети. В зависимости от того, кем функ-

ционирующие в интернет-пространстве тексты создаются и на каких платформах распространяются их можно разделить на три следующие группы:

1) медиатексты, создаваемые профессиональными журналистами или *медиатексты «первого порядка»*, формирующие базовый сетевой контент, которые можно также назвать стержневыми или структурообразующими. К ним относятся в первую очередь тексты, производимые и распространяемые крупными информационными агентствами, национальными и региональными СМИ и другими имеющими статус официального средства массовой информации медиаплатформами, например ИТАР-ТАСС, Reuters, RT, BBC World News, CCTV;

2) медиатексты, создаваемые и распространяемые так называемыми индивидуальными предпринимателями от СМИ – блогерами, влогерами, или *медиатексты второго порядка*;

3) медиатексты, создаваемые и распространяемые любым индивидуальным пользователем в рамках категории «личный контент», или *медиатексты третьего порядка*. К ним относятся посты в соцсетях, истории, видеоматериалы на различных ресурсах типа YouTube.

Использование для обозначения выделенных групп названий аналогичных математическим – «медиатексты первого, второго и третьего порядка» (десятки, сотни, тысячные) – указывает на внутреннюю структурированность сетевого медиаконтента и позволяет разграничить медиатексты на основе еще одного четко выделяемого критерия – кем создаются и на каких сетевых платформах распространяются.

Однако следует учитывать, что границы между этими тремя группами текстов не абсолютны и в силу объективных факторов, связанных с устройством глобального медиaprостранства, могут нарушаться. Индивидуальное сообщение, или медиатекст третьего порядка может стать текстом первого порядка, если окажется интересным для массовой аудитории, как, например, в случае с видеозаписью выступления депутата от Великобритании Дэниэла Хэннана в Европарламенте в 2009 г. Ни БиБиСи, ни другие официальные СМИ не обратили внимания на трехминутную речь британского политика, которая оказалась настолько яркой и запоминающейся, что выложенная в сеть видеозапись уже за первые 24 часа набрала более 700 тыс. просмотров и на следующее утро стала топовой новостью во всех британских СМИ⁷.

---

⁷ Devalued prime minister of the devalued government. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=94lW6Y4tBXs> (дата обращения: 04.04.2020).

Помимо развития новых направлений внутри самой медиалингвистики, в последнее десятилетие активно формируются смежные языковедческие дисциплины, предметом которых является детальное изучение того или иного аспекта речевых практик массмедиа. Среди наиболее актуальных можно выделить такие, как *медиадискурсология, медиастилистика, медиариторика, интернет-лингвистика, сопоставительная медиалингвистика и медиатекстология*, каждая из которых фокусирует внимание на определенном аспекте медиаречи и представляется весьма перспективной в контексте составления общей комплексной картины современного речепользования в сфере массовой коммуникации. Главной особенностью таких «производных» дисциплин является их интегративный характер, при котором достижения уже существующих дискурсологии, стилистики, риторики, лингвистики, текстологии, сопоставительных исследований соединяются с результатами актуальных речеведческих исследований массмедиа.

Так, сформировавшаяся на основе дискурсологии, *медиадискурсологии* сосредоточена исключительно на дискурсе СМИ, который понимается как *совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации в их актуализации и взаимодействии* [Добросклонская, 2014]. При медиадискурсологическом подходе исследователей прежде всего интересует то, как политико-идеологические взгляды и социокультурные особенности создателей текста и целевой аудитории репрезентируются в его лингвомедийных характеристиках. Например, в приводимом ниже фрагменте сообщения из британской газеты The Guardian выраженные в лексике политико-идеологические акценты безошибочно указывают как на отправителя текста, так и на его целевую аудиторию – британских медиапользователей, для которых негативный образ России превратился в привычный штамп.

Victory Day is the most important public event remaining in Russia's calendar. Western leaders have snubbed the parade since 2014, following Russia's annexation of Crimea from Ukraine. Moscow's alleged meddling in the US presidential elections and the poisoning of Sergei Skripal in Salisbury in 2018 have made relations even chillier.

Активно развивается *медиастилистика* – направление, возникшее на базе теоретико-методологического аппарата функциональной стилистики, предметом изучения которой являются все свойства медиаречи, связанные с понятиями «стиль», «функциональный стиль», а также использованием эмоционально-экспрессивно-оценочных стилистических средств с целью оказания воздействия на аудиторию. Ключевая для медиастилистики категория медиастилия предполагает наличие общей отличительной характеристики тек-

стов, функционирующих в пространстве медиадискурса, которая обеспечивает его связность и когерентность [Клушина, 2019].

Стремительный рост общего объема речепользования в сетевом пространстве дал толчок к появлению *интернет-лингвистики*, предметом которой является функционирование языка в виртуальной среде. Основы интернет-лингвистики, заложенные в 2005 г. известным британским лингвистом Дэвидом Кристаллом [Crystall, 2006] получили дальнейшее развитие в трудах российских и зарубежных ученых, исследования которых множатся вместе с ежедневным приростом совокупного корпуса сетевых текстов [Трофимова, 2004; Ахренова, 2009; Digital Discourse, 2018].

Закономерным результатом синтеза интернет-лингвистики и медиастилистики стало развитие *интернет-стилистики*, предметом которой является изучение экспрессивных, выразительных и функционально-стилевых особенностей письменных и устных текстов, функционирующим исключительно в сети «Интернет». Основные положения и теоретико-методологический аппарат дисциплины изложены в монографии Бранко Тошовича «Интернет-стилистика» [Тошович, 2015].

Еще одним проявлением интегративных тенденций в современном языкознании можно считать *политическую медиалингвистику*, сконструированную на основе медиалингвистики и политической лингвистики [Фу Шэнчжэнь, 2012]. Будучи комплексной дисциплиной, раскрывающей взаимосвязь и взаимовлияние лингвистики, политологии и медиалогии, политическая медиалингвистика ставит своей целью изучение языковых средств репрезентации происходящих в мире событий. Соответственно объектом анализа политической медиалингвистики выступает широкий спектр языков средств, используемых для вербализации информационной картины мира в ее политическом аспекте, – лексико-фразеологические единицы, грамматические формы, стилистика, структурные особенности медиатекстов на политическую тематику, а предметом являются национальные особенности и вербальные способы конструирования политической картины мира в массмедийном дискурсе.

В условиях постоянного совершенствования информационных технологий, когда всё большее значение приобретают устные формы речевого общения, причём не только на радио и телевидении, но и в сети «Интернет», демонстрирующей богатый выбор аудиовизуального контента, весьма перспективным представляются исследования в области *медиариторики* [Аннекова, 2011; Аннушкин, 2019]. Сосредоточенная на всестороннем анализе риторических особенностей звучащей медиаречи, медиариторика, с одной стороны, является частным разделом общей риторики, с другой – активно

развивается как самостоятельная речеведческая дисциплина, что проявляется в растущем числе работ по соответствующей тематике, а также в организации научных мероприятий, объединяющих специалистов в данной области⁸.

Медиариторический подход к анализу звучащей медиаречи предполагает изучение таких стержневых для аудиовизуальной коммуникации понятий, как медиариторический стиль и образ коллективного/индивидуального медиаритора. Под коллективным медиаритором понимается совокупность риторических черт, характерных для того или иного медиаканала (RT, BBC, CNN, Fox etc.), индивидуальный медиаритор представлен ведущими главными новостных телерадиопрограмм и прочими узнаваемыми медиаличностью. Определяя медиариторический стиль как комплекс лингвостилистических, риторических и медийных средств, используемых тем или иным медиаканалом для общения с аудиторией, следует иметь в виду, что в англоязычной традиции для обозначения подобного явления применяется термин *broadcasting style*, или «стиль вещания», который, по сути, означает то же самое, но ассоциируется главным образом с определенным типом медиапродукции, а именно с информационно-новостным вещанием, телевизионными и радионОВОСТЯМИ. Чтобы сохранить указание на наличие информационного компонента в русскоязычном термине, наиболее подходящим вариантом передачи значения “*broadcasting style*” на русском будет термин «информационно-вещательный стиль».

Информационно-вещательный стиль, подобно стилю медиариторическому, представляет собой устойчивый набор риторических, лингвостилистических и медийных средств, который определяет особую тональность общения того или иного СМИ с массовой аудиторией и актуализируется во всех составляющих новостной программы – от тембра голоса и внешнего облика ведущего до манеры общения с репортерами и оформления студии.

Сравнительный анализ информационно-вещательных стилей показывает, что они являются важнейшим показателем динамики медиадискурсивных практик, чутко реагируя на воздействие цело-

---

⁸ Так, в феврале 2020 г. на базе Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ) и Государственного Института русского языка имени А.С. Пушкина состоялась очередная XXIII Международная научная конференция «Риторические традиции и коммуникативные процессы в эпоху цифровизации», участники которой обсудили самый широкий круг вопросов, связанных с риторическим аспектом медиаречи, в том числе такие, как: риторика СМИ и Интернета в свете культуры и оптимизации коммуникативных процессов; слово в эфире: риторическая практика и культура общения на радио и телевидении; медиадискурс в отношении языка и культуры; медиатекст в цифровом пространстве массовой коммуникации; риторические особенности медиатекстов журналистской критики СМИ.

го ряда факторов – исторических, политических, идеологических, лингвокультурных, глобализационных, и могут заметно варьироваться в зависимости от национально-культурных особенностей и социально-политического контекста, что особенно четко просматривается при сопоставлении новостных телепрограмм разных исторических периодов (официально приподнятый тон новостей советского телевидения и нарочитая «разговорность» сегодняшнего), а также при сравнении новостного вещания в различных странах (официальная тональность новостей в Северной Корее и приближенный к разговорному стиль британских ведущих).

Одним из последствий быстрого увеличения общего объема медиаречи является ее интенсивная форматно-жанровая диверсификация, в связи с чем весьма перспективным представляется направление, связанное с детальным изучением форматно-жанровой динамики текстов массовой информации. Необходимость разработки подобного направления обусловлена тем, что, несмотря на внимание специалистов к вопросам типологии, способам классификации и форматно-жанровым свойствам медиатекстов [Горошко, Полякова, 2015], лавинообразный рост общего объема речевых медиaprактик на всех национальных языках позволяет говорить о целесообразности объединения исследований в данной области в единое кластерное направление – *медиатекстологию*, которое позволило бы составить всестороннее структурированное представление о динамике типологических изменений современной медиаречи, в том числе в стремительно развивающемся сетевом пространстве.

Актуальным представляется и сравнительно-сопоставительное изучение речевых практик массмедиа различных стран, или *сопоставительная медиалингвистика*, которая безусловно имеет определенный потенциал для последующего развития, однако еще не получила сколь-либо внятного описания в плане теории и внутренней структуры [Потапенко, 2013]. Вместе с тем в условиях растущей информационной и лингвокультурной глобализации можно ожидать, что интерес к вопросам сопоставительного изучения национальных медиадискурсов и социокультурных особенностей медиаландшафтов разных стран будет неуклонно возрастать.

Завершая обзор актуальных направлений исследований медиаречи, следует подчеркнуть, что в условиях активной медиатизации всех сторон современной жизни и стремительно растущего речепотребления в СМИ, медиалингвистика служит надежной основой для дальнейшего комплексного изучения текстов массовой информации, интегрируя существующие достижения в данной области и образуя новые векторы исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анненкова И.В.* Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. М., 2011.
2. *Анушкин В.И.* Медиариторика: современный статус и важнейшие задачи // Медиариторика и современная культура общения: наука-практика-обучение. М, Институт русского языка имени А.С. Пушкина, 2019. URL: <https://www.pushkin.institute/science/konferencii/ritor/> (дата обращения: 04.04.2020).
3. *Ахренова Н.А.* Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2009.
4. *Горошко Е.И., Полякова Т.Л.* К построению типологии жанров социальных медиа // Жанры речи. 2015. № 2. С. 119–127.
5. *Добросклонская Т.Г.* Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. М., 2000.
6. *Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М., 2008.
7. *Добросклонская Т.Г.* Массмедийный дискурс как объект научного описания // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 181–187.
8. *Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: теория, методы, направления. М., 2020.
9. *Дускаева Л.Р.* Медиалингвистика в России: становление структуры и векторы развития // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2018. № 6. С. 48–74.
10. *Желтухина М.Р.* Медиадискурс // Дискурс-Пи. 2016. № 3–4 (24–25). С. 292–296.
11. *Клушина Н.И.* Медиастилистика: Монография. М., 2019.
12. *Полонский А.В.* Медиа – дискурс – концепт: опыт проблемного осмысления // Современный дискурс-анализ. 2012. № 1 (6). С. 42–56.
13. *Потапенко С.И.* Сопоставительная медиалингвистика: контрастивное изучение средств ориентирования адресата в СМИ // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 94–102.
14. *Рязанцева Т.И.* Гипертекст и электронная коммуникация. М., 2007.
15. *Сиротинина О. Б.* Медиалингвистика или медиастилистика? // Медиалингвистика. 2015. № 2 (8). С. 17–23.
16. *Трофимова Г.Н.* Языковой вкус интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. М., 2004.
17. *Фу Хэчжэнь.* Политическая медиалингвистика: фреймовая методика анализа новостных сообщений // Политическая лингвистика. 2018. № 3. С. 105–113.
18. *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика. М., 2008.
19. *Approaches to Media Discourse / Ed. By Bell A., Garrett P.* Blackwell, 1998.
20. *Crystal D.* Language and The Internet. Cambridge University Press, 2006.
21. *Digital Discourse: Language in the New Media (Oxford Studies in Sociolinguistics) / Ed. By Thurlow Crispin,* 2018.
22. *Dobrosklonskaya T.G.* Media linguistics: theory and methods of studying language in the media // Медиалингвистика. 2014. № 2(5). С. 7–15.
23. *Duskaeva L.* Media Stylistics: The New Concept or New Phenomenon // Russian Journal of Communication. 2011. № 4. P. 229–250.
24. *Faircough N.* Media Discourse. L., 1995.
25. *Matheson D.* Media discourses. L., 2005.
26. *Perrin D.* Medienlinguistik. 3. Aufl. Konstanz. München, 2015.
27. *Talbot M.* Media Discourse: Representation and Interaction. Edinburgh, 2000.

Tatiana G. Dobrosklonskaya

**MEDIALINGUISTICS: MODERN TRENDS
IN STUDYING LANGUAGE IN THE MEDIA**⁹

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article deals with the development of medialogistics and other key trends in media language studies for the past two decades. From the year of its formation in 2000 medialogistics has passed a long way and received the status of a full-fledged academic discipline with a clearly formulated theory, sustainable inner structure, worked out methodology and terminology. The article contains an expanded description of the basic category of medialogistics – media text, which is defined as a combination of verbal and media signs, actualized in a certain media format and united by common message. The author also analyzes the dynamics of language and format characteristics of media texts under the conditions of digitalization and convergent media. The article gives an overview of the most popular branches of medialogistic studies, including the analysis of different types of media discourse (news discourse, political media discourse), the study of broadcasting styles and comparative analysis of media speech practices in different countries. The second part of the article represents an overview of key branches of media language studies closely linked with medialogistics, such as media discourse studies, media stylistics, media rhetoric, internet-linguistics and media textology. In conclusion the author emphasizes that under the conditions of rapid mediatization of all aspects of the contemporary society and dramatic expansion of media speech practices medialogistics serves a reliable basis for further systematic studies of language functioning in mass media, integrating the existing achievements in the field and developing new vectors of research.

Key words: medialogistics; mediatext; mediastylistics; mediadiscourse studies; comparative medialogistics; mediarhetoric; internet-linguistics; mediatextology; news discourse; convergent media; information space.

About the author: *Tatiana G. Dobrosklonskaya* – Dr. habil in Philology, Professor, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tatdobro@mail.ru).

REFERENCES

1. Annenkova I.V. 2011. *Mediadiskurs XXI veka. Lingvofilosovskiy aspect yazyka SMI* [Media discourse of the XXI century. Linguophilosophical aspect of the media language]. Moscow. (In Russ.)

---

⁹ This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

2. Annushkin V.I. 2019. Media ritorika: sovremenniy status I vazhnejshije zadachi. [Media Rhetorics: modern status and key tasks]. *Mediaritorika i sovremennaya kultura obsheniya: nauka, praktika, obuchenije, Pushkin Institut, materialy konferentsii*. URL: <https://www.pushkin.institute/science/konferencii/ritor/> (accessed: 04.04.2020). (In Russ.)
3. Akhrenova N.A. 2009. Internet-diskurs kak globalnoye mezhkulturnoye yavleniye i ego yazykovoye oformleniye [Internet-discourse as a global intercultural phenomenon and its language manifestation]. *Avtoferat doktorskoy dissertatsii*. (In Russ.)
4. Goroshko E.I., Polyakova T.L. 2015. K postroeniyu tipologii zhanrov sotsial'nykh media [Towards the construction of a typology of social media genres]. *Zhany rechy*, no. 2, pp. 119–127. (In Russ.)
5. Dobrosklonskaya T.G. 2000. *Voprosy izucheniya mediatekstov. Opyt issledovaniya sovremennoy angliiskoy mediarechi* [Questions of studying media texts. Research experience of modern English media speech]. Moscow, URSS. (In Russ.)
6. Dobrosklonskaya T.G. 2008. *Medialingvistika: sistemnyi podkhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya angliiskaya mediarech'* [Medialinguistics: a systematic approach to learning the language of the media: modern English media speech]. Moscow. (In Russ.)
7. Dobrosklonskaya T.G. 2014. Massmediyniy diskurs kak ob'ekt nauchnogo opisaniya [Mass media discourse as an object of scientific description]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki*, no. 2, pp. 181–187. (In Russ.)
8. Dobrosklonskaya T.G. 2020. *Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya* [Medialinguistics: theory, methods, directions]. Moscow, KDU, Dobrosvet. (In Russ.)
9. Duskaeva L.R. 2018. Medialingvistika v Rossii: stanovlenie struktury i vektory razvitiya [Medialinguistics in Russia: formation of structure and vectors of development]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Seriya 10. Zhurnalistika*, no. 6, pp. 48–74. (In Russ.)
10. Zheltukhina M.R. 2016. Mediadiskurs [Media discourse]. *Diskurs-Pi*. (In Russ.)
11. Klushina N.I. 2019. *Mediastilistika: monografiya* [Mediastilistics: monograph]. Moscow, Flinta-Nauka, 2019. (In Russ.)
12. Polonskii A.V. 2012. Media – diskurs – kontsept: opyt problemnogo osmysleniya [Media – discourse – concept: the experience of problem comprehension]. *Sovremenniy diskurs-analiz*, no. 1 (6), pp. 42–56. (In Russ.)
13. Potapenko S.I. 2013. Sopostavitel'naya medialingvistika: kontrastivnoe izuchenie sredstv orientirovaniya adresata v SMI. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 94–102. (In Russ.)
14. Ryazantseva T.I. 2007. *Gipertekst i elektronnyaya kommunikatsiya* [Hypertext and electronic communication]. Moscow. (In Russ.)
15. Sirotnina O.B. 2015. Medialingvistika ili mediastilistika? [Medialinguistics or mediastilistics?] *Medialingvistika*, no. 2(8), pp. 17–23. (In Russ.)
16. Trofimova G.N. 2004. *Yazykovo vkus Internet-epokhi v Rossii: Funktsionirovanie russkogo yazyka v Internete: kontseptual'no-sushchnostnye dominanty* [Linguistic taste of the Internet era in Russia: The functioning of the Russian language on the Internet: conceptual and essential dominants]. Moscow. (In Russ.)
17. Fu Khechzhen'. 2018. Politicheskaya mediadingvistika: freimovaya metodika analiza novostnykh soobshchenii [Political media linguistics: a frame method for analyzing news reports]. *Politicheskaya lingvistika*, no. 3, pp. 105–113. (In Russ.)

18. Chudinov A.P. 2008. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Moscow, Flinta-Nauka. (In Russ.)
19. *Approaches to Media Discourse*. 1998. Ed. By Bell A., Garrett P. Blackwell.
20. Crystal D. 2006. *Language and The Internet*. Cambridge University Press.
21. *Digital Discourse: Language in the New Media (Oxford Studies in Sociolinguistics)*. 2018. Ed. By Thurlow Crispin.
22. Dobrosklonskaya T.G. 2014. Media linguistics: theory and methods of studying language in the media. *Medialingvistika*, no. 2(5), pp. 7–15.
23. Duskaeva L. 2011. Media Stylistics: The New Concept or New Phenomenon. *Russian Journal of Communication*, no. 4, pp. 229–250.
24. Faircough N. 1995. *Media Discourse*. London, Arnold.
25. Matheson D. 2005. *Media discourses*. London.
26. Perrin D. 2015. *Medienlinguistik*. 3. Aufl. Konstanz, München.
27. Talbot M. 2000. *Media Discourse: Representation and Interaction*. Edinburgh.

Ludmila A. Gorodetskaya, Ludmila A. Kozhevnikova

PERSUASIVENESS IN ACADEMIC AND BUSINESS WRITING

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

*Samara National Research University
Moskovskoye Hwuy, 34, Samara, Samara Oblast, 443086*

In this paper, academic writing and business writing are compared from the viewpoint of persuasiveness as one of their most important characteristics. Several genres of academic and business writing are considered, and a conclusion is made that students should be taught not only how to write correctly and in accordance with the discussed genres but also how to write persuasively if they are planning to become successful professionals, particularly with the 21st century skills in mind. The roots of persuasiveness are traced back to ancient rhetoric. Apart from traditional arenas of persuasion – courtrooms, political campaigns and commerce, today’s university textbooks on Persuasion consider traditional theories in such contexts as health promotion, advertising, behavioral prediction, social media, individualized tailoring of political messages, and many other issues. Contemporary topics taught today within the realm of the Theory of Persuasion indicate that it is a dynamic discipline with both substantial theoretical background and numerous practical applications. One of such applications is the English language teaching, and two aspects of it – business and academic writing – are looked at in more detail in this paper. Professional functions dependent on persuasiveness are considered, and the causes of the Russian students’ lagging behind in many genres of business and academic writing are revealed.

Key words: theory of persuasion; persuasiveness; rhetoric; academic writing; business writing; 21st century skills.

Some of the principles we rely on in teaching Academic and Business English in higher education in Russia, are as follows:

- the alignment of ELT programmes with Common European Framework of Reference;
- the step-by-step development of writing competence from A1 to C2;
- teaching the genres of writing necessary beyond the classroom, i.e. in real-life professional communication;

Ludmila A. Gorodetskaya – Dr.habil in Cultural Studies, Professor of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: lgorodet@gmail.com).

Ludmila A. Kozhevnikova – PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor of Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev (e-mail: lakovet@mail.ru).

- dealing with the problems learners have at various levels of proficiency, especially at B1, B2 and C1 as most frequently taught in Academic and Business English;
- overcoming these problems with the help of contemporary course books.

Students learning General English may have various aims: furthering their education, taking exams, travelling, reading books and watching films, etc. Unlike them, professional people's aims in learning English may be to: get a better job, advance their career, meet their organisation's targets, manage other people, help their colleagues do their jobs more effectively, advertise or sell their products.

Among the three main purposes of human communication – informing, persuading and entertaining the recipient or the audience – business communication is more dependent on persuasion than on providing information or entertainment. Suffice it to say the following activities are common in business communication: proposing a solution at an in-company meeting, negotiating a deal with a customer and advertising a product. Each of these events is relying on some shared information about the issues discussed: the details of the proposed solution, the advantages of the deal to be agreed on or the description of the advertised product. However, the major aim is to persuade the reader or listener that the proposed solution is worth taking, the deal is worth signing or the advertised product is worth buying. It is clear that in Academic English the major aim of the writer or speaker is to inform the reader or listener about the research results, though this aim can be accompanied by the intention to 'sell' an idea or approach while such intention can be expressed openly or in the form of 'a hidden agenda'.

According to Cambridge Advanced Learner's Dictionary, the verb 'persuade' means to make someone do or believe something by giving them a good reason to do it or by talking to them and making them believe it. The idea of persuasion lies in the basis of ancient rhetoric and dates back to Aristotle, Plato, Isocrates, Cicero, Quintilian and other scholars, thus covering a millennium between 5th century BC and 5th century AD. However, the classical authors were mainly interested in three domains of using persuasion: forensic (courtroom appeals), epideictic (ceremonial occasions) and deliberative speeches (political debate) [Larson, 2012]. Rhetoric was mainly a strategy and an art of persuasion. The fundamental assumptions of Aristotle about rhetoric were: a) it is used for doing something; b) it can be taught; c) it is based on the doctrine of the mean; and d) it helps the truth to win [Aristotle, 2018].

Some contemporary authors distinguish between the terms 'persuasion' and 'persuasive communication', the former being rather an effect while the latter means a process [Stiff, Mongeau, 2016]. Persuasive com-

munication occurs when people intend to affect other people's personal choices related to their ideas or behaviours, hence, the most common arenas of persuasion today are politics and business. Persuasive communication may take place even when the effect has not been achieved. For example, one's proposal may be rejected, the deal may not be agreed on and customers may not buy the advertised product despite the persuaders' efforts.

Apart from traditional arenas of persuasion – courtrooms, political campaigns and commerce, today's theory of persuasion studies broad contexts as health promotion, advertising, public relations and online communication [Perloff, 2016]. They often boldly interfere with such topics as college drinking, attitudes to same-sex marriages, abortions, and other burning issues. New editions of well-known textbooks on persuasion expand discussions to behavioral prediction, the use of guilt appeals, social media, individualized tailoring of political messages, and many other contemporary topics [Stiff, Mongeau, 2016].

Persuasion usually involves influence. However, not all types of influence are based on persuasion. Other forms of influence not covered by the term *persuasion* – and probably the worst of them – are blackmailing, threatening, manipulation and other unethical, forceful or coercive actions. However, many people have been victims of commercial or political dishonesty, which makes them look with suspicion at any form of persuasion in business or politics.

Manipulation is seen today as suggestion, i.e. hidden penetration of ideas, aims and views into the addressee's mind that makes him or her engage in a certain action [Kovshova, 2009]. Unlike manipulation, persuasion relies on argumentation, competition of ideas, comparison of options and free choice.

It is hard to translate the term *persuasion* into Russian as there are several equivalents used by different Russian authors: *убеждение*, *убеждающая коммуникация*, *увещательная коммуникация*, *речевое воздействие*, *коммуникативное воздействие* и другие. Besides, the Russian word *убеждение* also means a system of views and is closer to the word *conviction*, which has little to do with teaching how to write persuasively in professional contexts. To avoid misunderstanding, the authors of this paper prefer to use the term *речевое воздействие* in their publications and lectures in Russian. The same term is used by the previously cited author.

Contemporary programmes for students majoring in Communication in many foreign universities include such compulsory courses as Rhetoric, Theory of Argumentation, Theory of Persuasion, Interpersonal Communication, Organisational Communication, Intercultural Communication, Conflict Management, Leadership, as well as many electives such

as Communication in Medicine, Communication in Education, Public Relations, Advertising, etc. It is not surprising that university course books on Business English may borrow some elements of the above courses and use them in listening and reading materials, communicative activities including role-play, case studies and numerous writing tasks from formal letters to reports and proposals. It is clear, however, that such courses aim at teaching English in the first place, and only then, as a side effect, they develop broader professional competencies referred to as 21st century skills.

Differences between teaching writing in Business English and Academic English are not confined to the role of persuasion in them, but are also determined by the content, functions and genre of communication. Thus, topic areas in Business English Certificate (BEC) tasks do not coincide with those common of Academic Module of IELTS or a content list of any published course in Academic English or ESP. Content areas in Business English often include:

- Personal identification;
- The office, business environment and routines;
- Entertainment of visitors, free time, relationships with colleagues and customers;
- Travel and conference meetings;
- Using the telephone or the Internet;
- Health and safety;
- Buying and selling;
- Company structures, systems, processes.

The management functions discussed at higher levels of Business English materials often include:

- 1) contributing to decision-making processes, explaining, evaluating or modifying decisions;
- 2) communicating needs, changes, news;
- 3) developing relationships with suppliers and customers;
- 4) advertising or publicising the company, its products and services;
- 5) taking care of customer relationships.

The language necessary to carry out these functions in the international contexts is assessed at Business English Certificate Higher¹. As can be seen from the numbered points above, all the managerial functions have a strong reliance on persuasive skills of the manager as a speaker or writer. The reason why we refer to writing skills more frequently than to speaking skills in this paper is not that persuasion is less important in business speaking, but because Russian students are still lagging behind

---

¹ *Brook-Hart G. Business Benchmark Advanced. Cambridge University Press, 2013.*

in writing, which is revealed by international exams: BEC, IELTS or Cambridge Certificates. Their scores are commonly lower for writing than for any other exam paper. The most common reasons for that are:

- lack of knowledge of any business area, which is common with undergraduate students;
- no training in business writing in L1;
- reliance on internal translation from L1 when writing in L2;
- so-called ‘writing block’ – a psychological problem that has to be addressed when noticed – the earlier, the better.

Considering the genres of business writing (i.e. what types of texts people write when they communicate in or about business), these are basically notes, minutes of meetings, formal and semiformal letters (including e-mails), slides for power-point presentations, reports, proposals, advertisements, brochures, leaflets and catalogues. It is worth comparing them with the genres relevant for academic writing. Notes, memos, minutes, letters, presentations, reports and proposals are also important for students of Academic English. However, similarly important or even more important for students of sciences are the skills of writing papers, articles, summaries, abstracts and several other types of texts that seem to be less important in teaching Business English. At the same time, writing advertisements is a more common activity in Business English. As for leaflets, catalogues and brochures, they are too long to be used in a course book, though their elements are sometimes included in writing tasks of Business English course books². In contrast, such texts are unlikely to be found in academic writing materials, as they are often aimed at promoting goods or services. Anyway, ELT courses in higher education should model the content and conditions of the future students’ profession, so it is very important to apply role play, business games and simulations [Kasatkina, Lichak, 2018].

Thinking about persuasion in business writing, it is worth considering a broader question: what makes business people persuasive?

The analysis of Business English published materials shows that this might be a complex of various characteristics:

- Having a good product or service to sell;
- Having an attractive marketing mix (a range of products);
- Having good ‘people skills’ (personality);
- Being expert;
- Being liked;
- Being enthusiastic;
- Having good communicative skills;

---

² Lisboa M., Handford M. et al. Business Advantage. Cambridge University Press, 2013.

- Using language well.

Only the last two features have to do with the skills practiced in a language classroom. Others are either inborn talents ('being liked', which means being charismatic, able to charm people), or the skills acquired in other courses – particularly those students are majoring in ('being expert'). The latter also depends on the professional experience university graduates gain in their jobs. The first two bulleted points refer to objective characteristics of the job former students can get after graduation or when changing jobs and moving forward in their careers.

The third bulleted point has an interesting relation to what Quintilian, ancient Roman rhetorician and author, wrote about a good persuader. He was the first to notice that to succeed in persuasion one has to be a good man, not just a good speaker [Ross, 1990]. This had to do with ethical credibility – the idea of 'ethos', which was considered inseparable from the ideas of 'logos' (the ability to develop argumentation) and 'pathos' (emotional appeal) – the other two basic assets of a good rhetorician [Larson, 2012]. It is very useful to instill these ideas in today's students of Academic and Business English because critical thinking, creativity, collaboration, social responsibility and emotional development are among the skills considered necessary in the 21st century and included in the Cambridge Framework of Life Competencies [Gorodetskaya, 2019]. The course books developing these 'beyond-the-language' competencies within a course of English are becoming more and more popular.

'Being enthusiastic' does not seem to belong to any of the discussed categories, inborn or acquired. It is on the one hand, a personality trait and, in many English-speaking professional environments, it may mean 'being polite'. It is a cultural skill developed within intercultural communication courses, as well as students' mobility programmes and professional training sessions provided by international companies for their employees. Indeed, the careers of many university graduates show that those of them who are emotionally involved in the job they are doing, not necessarily because they love the job but because they dislike doing anything indifferently, get promotion much sooner than their less enthusiastic colleagues.

The success in the last two areas listed above – having good communication skills and using language well – depends a lot on what language teachers do in their classes, how they motivate learners, what methods and materials they use and how effectively they turn their students into good communicators. The latter depends on how much the students have practiced delivering the content in a clearly structured piece of writing, avoiding irrelevant statements, developing persuasive arguments, using suitable register, showing business-like approach to the problems considered or discussed, choosing the right words and demonstrating sufficient

accuracy in grammar and spelling. Writing is the activity that allows students to master the above skills and reveal them in self- and peer-evaluation most conspicuously, while correcting speaking cannot be equally effective. However, writing inevitably influences speaking by providing set models suitable for formal communication in any profession.

The problems many students have to overcome when moving to higher levels of proficiency in academic or business writing are lack of professional experience and, as a result, lack of ideas to write about. Here, good teaching materials and the teacher's tips can help. Some students claim they have no talent for writing. It is hard to deny that some people are more gifted in certain areas, some are less, and teachers can be great motivators as well as great de-motivators depending on their empathy and politeness. A good teacher will always help such a student to raise their self-confidence rather than use direct criticism as a major pedagogical tool. An important role is played by the students' experience in formal writing in their native language: in some countries formal writing is not practiced in secondary schools within the course of L1, at least in a systematic way. University students very rarely have compulsory courses on how to use L1 in academic or professional genres of writing. One more obstacle is that the tradition of such writing may be quite different in the students' native cultures from that of the English-speaking world. All this requires additional effort on the part of the country's educational authorities, university administration and ELT professionals.

According to V.V. Safonova, international professional communication requires that today's students of Russian universities should be involved in communicative and culturally oriented activities aimed at research projects and modelled according to their realistic professional aims [Safonova, 2019].

In terms of mastering a foreign language, a practical consideration for university students is that most of their potential employers prefer the candidates who speak and write in both L1 and L2 not only accurately but also eloquently and persuasively.

REFERENCES

1. Gorodetskaya L.A. 2019. Shkala zhiznennykh kompetentsiy – novyi vzgl'ad na izmeriyemye umenya [Framework of Life Competencies – a New Look at Measurable Skills]. *Scientific Notes of the National Society of Applied Linguistics*, no. 2 (26), pp. 66–73. Electron. ISSN 2305-8838. Moscow. (In Russ.)
2. Kasatkina N.N., Lichak N.A. 2018. Prepodavanie inostrannykh yazykov v n'eyazykovom vuze: kompetentnosnyi podkhod [Teaching Foreign Languages in a Non-language University: Competence Approach]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 102–112. (In Russ.)
3. Kovshova M.L. 2009. Lingvisticheskiy analiz teksta (rechevaya manipul'atsiya) [Linguistic Analysis of Text (Speech Manipulation)]. *Moscow State University*

- Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 46–55.
(In Russ.)
4. Safonova V.V. 2019. Vuzovskiy UMK po inostrannomu yazyku kak instrument dialoga kul'tur v globalizirovannom mire [A FL Tertiary Education Package as a Tool of the Dialogue of Cultures in the Globalized World]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 38–50. (In Russ.)
  5. Aristotle. 2018. *Rhetoric*. Hackett Publishing Company.
  6. Larson Ch. 2012. *Persuasion: Reception and Responsibility*, 13th ed. Wadsworth Publishing.
  7. Perloff R.M. 2016. *The Dynamics of Persuasion: Communication and Attitudes in the 21st Century*, 6th ed. Routledge.
  8. Ross R.S. 1990. *Understanding Persuasion*. 3rd ed. Prentice Hall.
  9. Stiff B.J., Mongeau P.A. 2016. *Persuasive communication*, 3rd ed. The Guilford Press.

Л.А. Городецкая, Л.А. Кожевникова

УБЕДИТЕЛЬНОСТЬ В АКАДЕМИЧЕСКОМ И ДЕЛОВОМ ПИСЬМЕ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
443086, Самара, Московское шоссе, 34*

В данной статье академическая письменная речь и деловая письменная речь сравниваются с точки зрения убедительности как одной из их наиболее важных характеристик. Рассматриваются несколько жанров академического и делового письма и делается вывод о том, что студентов необходимо учить писать не только грамотно и в соответствии с рассмотренными жанрами, но и убедительно, если они планируют стать успешными профессионалами, особенно с учетом навыков XXI в. Речевая убедительность берет начало в античной риторике. Помимо традиционных областей ее применения в суде, политике и торговле, современные университетские курсы по теории убеждения применяют сложившиеся теории к таким областям, как пропаганда здорового образа жизни, реклама, прогнозирование поведения, использование социальных сетей, индивидуализация политических кампаний и многим другим общественно важным вопросам. Современные темы, рассматриваемые сегодня в курсах по теории убеждения, показывают, что это динамично развивающаяся дисциплина, имеющая прочную теоретическую базу и многочисленные практические применения. Одним из ее применений является преподавание английского языка как иностранного, два аспекта которого – деловая и академическая письменная речь – рассматриваются в данной статье

более детально. Анализируются профессиональные функции, зависящие от владения приемами убедительности, и выявляются причины заметного отставания российских студентов в овладении некоторыми жанрами делового и академического письма.

Ключевые слова: убедительность; убеждающая коммуникация; риторика; английский язык для академического / делового общения; навыки XXI в.

Сведения об авторах: *Городецкая Людмила Александровна* – доктор культурологии, профессор факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: lgorodet@gmail.com); *Кожеевникова Людмила Александровна* – кандидат педагогических наук, доцент Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (e-mail: laksvet@mail.ru).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Городецкая Л.А.* Шкала жизненных компетенций – новый взгляд на измеряемые умения // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2019. № 2 (26). Электронная версия (ISSN 2305-8838). С. 66–73.
2. *Касаткина Н.Н., Личак Н.А.* Преподавание иностранных языков в неязыковом вузе: компетентностный подход // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 3. С. 102–112.
3. *Ковшиова М.Л.* Лингвистический анализ текста (речевая манипуляция) // Вестн. Моск. ун-та, Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 46–55.
4. *Сафонова В.В.* Вузовский УМК по иностранному языку как инструмент диалога культур в глобализированном мире // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 38–50.
5. *Aristotle.* Rhetoric. Hackett Publishing Company, 2018.
6. *Larson Ch.* Persuasion: Reception and Responsibility, 13th ed. Wadsworth Publishing, 2012.
7. *Perloff R.M.* The Dynamics of Persuasion: Communication and Attitudes in the 21st Century, 6th ed. Routledge, 2016.
8. *Ross R.S.* Understanding Persuasion. 3rd ed. Prentice Hall, 1990.
9. *Stiff B.J., Mongeau P.A.* Persuasive communication, 3rd ed. The Guilford Press, 2016.

Ю.О. Соловьева

**СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ
АТРИБУЦИИ ТЕКСТА
В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАКТИКЕ
АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматриваются актуальные проблемы атрибуции текста, стоящие перед специалистами в области автороведческой экспертизы. Интеграция смежных дисциплин позволяет успешно сочетать апробированные методики атрибуции текста с использованием современных компьютерных технологий, путем сопоставления текстов с известным авторством с текстом (текстами), авторство которого является предметом спора или объектом экспертизы. Основным методом современной лингвистической экспертизы выступает выявление на разных уровнях индивидуальных отличий, формирующих уникальный идиостиль автора. Проблема применения данного метода заключается в том, что авторский стиль демонстрирует тенденцию к динамичности, меняясь в зависимости от цели коммуникации и жанра произведения. Оставаясь ключевым фактором при определении идиолекта автора, лексикон, тем не менее, во многом диктуется жанром текста. Под жанром автор статьи понимает когнитивную структуру, в основе которой лежат лингвистические, социальные и психологические особенности. Жанровая вариативность является результатом социальных изменений, а также изменчивой сущности языка. Иногда происходит концептуальная перестройка жанров, когда их границы размываются или сливаются, приводя к появлению кросс-жанров или гибридных жанров. При атрибуции текста необходимо принимать в расчет, что и гомогенизирующие свойства жанра, и выраженные индивидуальные черты авторского стиля неизбежно подвержены влиянию социальной и индивидуальной энтропии и эктропии.

Ключевые слова: атрибуция текста; автороведческая экспертиза; жанр; идиостиль; авторское пространство; кросс-жанры/гибридные жанры; энтропия/эктропия; авторское право.

Соловьева Юлия Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: solovieva-julia2009@yandex.ru).

Когда вы заимствуете материал у одного автора, это – плагиат, но когда у многих – это исследование.

Уилсон Мизнер

В 2006 г. в Высоком суде Лондона проходил процесс, получивший широкую огласку в мировых СМИ. Дэн Браун, знаменитый автор «Кода да Винчи» (2003), выступал ответчиком по обвинению в плагиате. Новозеландский автор Майкл Бейджент и британский писатель Ричард Ли обвинили Брауна в «нетекстовом» нарушении прав автора литературного произведения (non-textual infringement in a literary work). По их мнению, автор «Кода да Винчи» заимствовал не конкретные фрагменты текста, но центральную тему их произведения «Святая кровь и святой Грааль» (1982), таким образом, представив вниманию читателей его видоизмененную копию. Истцы утверждали, что писатель воспользовался концепциями и целыми эпизодами из исследования Бейджента и Ли. Признавая тот факт, что законодательство в сфере авторских прав не защищает от заимствования идеи литературного произведения, Бейджент и Ли заявили, что в своей книге они представили индивидуальную трактовку и последовательность событий. В частности, Святой Грааль в ней выступал в качестве метафоры при создании образа Марии Магдалины, а не как некий артефакт. Браун же просто скопировал их гипотезу наряду с 15 ключевыми концепциями, составлявшими центральную тему произведения 1982 г.

Дэн Браун категорически отрицал обвинения и подробно описал, как создавал роман, отдыхая у родителей во Флориде. Газета *Guardian* посвятила целый разворот истории о том, как Браун нашел единственное уединенное место в доме родителей, прачечную, и «творил», используя гладильную доску вместо письменного стола. Защита настаивала на том, что автор «Кода да Винчи» не заимствовал из книги «Святая кровь и святой Грааль» ничего, что можно было бы квалифицировать как плагиат. В вердикте, зачитанном судьей по делу Питером Смитом, говорится, что Браун не нарушил прав авторов «Святой крови и святого Грааля» Майкла Бейджента и Ричарда Ли. В постановлении, занявшем 51 страницу, судья обосновывает свое решение в пользу ответчика тем, что, по его мнению, если сами авторы не могут четко сформулировать, в чем заключается «центральная тема» их произведения, невозможно обвинять кого-то в ее заимствовании. По мнению судьи, не представляется возможным защитить авторов от плагиата фактов, темы и идеи литературного произведения, но можно закрепить за собой авторство их индивидуальной трактовки. В данном случае Бейдженту и Ли не удалось доказать факт заимствования образов или копирования структуры произведения. После продолжительного процесса судья

отказался вынести решение, которое могло стать прецедентом в получении монополии на идеи и исторические факты и выйти за границы защиты авторских прав в области литературы.

Вышеупомянутый процесс – это далеко не единственный в современной правовой истории пример, доказывающий всю сложность и необходимость дальнейшего совершенствования и проработки законодательства в области защиты авторских прав. По мере того, как общество все дальше движется в направлении электронного документооборота, возникает все больше проблем, касающихся определения авторства. В связи с этим деятельность лингвистов в области автороведческой экспертизы становится все более востребованной. Профессиональные судебные лингвисты способны как установить автора текста – объекта экспертизы, так и определить индивидуальный вклад каждого автора в коллективном труде. Сложность атрибуции текста в автороведческой экспертизе состоит в том, что идиостиль как репрезентация языковой личности автора подвержен динамическим изменениям, обусловленным социальными факторами и появлением новых средств коммуникации.

Доктрина авторства в Великобритании формировалась на протяжении нескольких веков под влиянием целого ряда исторических предпосылок. Слово «автор» объединяет несколько архетипических образов, самым распространенным из которых является образ писателя. Многие составляющие концепта «автор» берут начало в романтический период развития литературы, когда писатель / поэт представлялся одиноким, умирающим от голода творцом, создававшим великие произведения на клочке бумаги при свете свечи.

До появления письменности тексты воспроизводились по памяти, что безусловно, отражалось в используемых языковых средствах и структуре, позволявшим оратору запоминать большие текстовые фрагменты. Первые письменные источники, чье появление ознаменовало собой решающий шаг в истории развития человечества, а именно, переход от устной традиции к письменной, служили в большинстве своем для ведения учета и фиксации исторических событий. В основном они представляли собой перечни инвентаря, продовольственных и вещевых запасов, подтверждали нахождение земельных участков в чьей-либо собственности. Очевидно, что установление авторства античных текстов представляется особенно сложным, а порою невозможным, так как они не выступали средством межличностной коммуникации и не содержат особенности индивидуального стиля. Однако с течением времени письменный язык начинает использоваться для личного, художественного

и научного самовыражения, а также как средство коммуникации между людьми на расстоянии.

Постепенно авторы приобретают особый статус в обществе, оценивается их искусство владения письменным языком и индивидуальный стиль выражения. Однако в Средние века определение авторства служило только как средство контроля над публикуемым материалом, а не для защиты авторских прав. В XVI в. в Англии появляется идея о том, что автору должен принадлежать создаваемый им текст, как первая попытка государства ввести некую правовую ответственность. Политическая обстановка в Англии того времени привела к тому, что парламент издал закон, запрещающий публикацию работ без указания авторства. Автор, который преступал закон, публикуя материалы, подстрекавшие к мятежу, подвергался уголовному преследованию. Чтобы недобросовестный издатель не мог опубликовать книгу без ведома автора, Палата общин включила в закон пункт о необходимости получения согласия автора перед публикацией.

Значительно позже появляется мысль о необходимости поощрения авторского труда. Писатели/поэты начинают жаловаться, что их работы часто копируются, а сами они при этом не получают никакого вознаграждения за свой колоссальный труд. В 1703 г. Д. Дефо в сатирической поэме «Чистокровный англичанин» (The True-Born Englishman) пишет: 'if no body will Buy, no body will Write' [Olsson, Luchjenbroers, 2014: 24].

Становится очевидным, что в результате общественных изменений назрела необходимость законодательного закрепления прав авторов. Как следствие, 10 апреля 1710 г. в Великобритании вступил в силу Статут королевы Анны (в царствование которой был принят), считающийся первым законодательным документом в области защиты интеллектуальной собственности. Полное название закона – «Акт о поощрении учености путем наделения авторов и покупателей правами на копирование печатных книг на нижеуказанный период времени». До принятия Статута писатели были вынуждены продавать свои рукописи «почтенной компании книгоиздателей и газетчиков» и после этого теряли какие-либо права на свои произведения, издатель же приобретал бессрочные права на текст. В соответствии с новым законом правом на текст стал обладать непосредственно его автор, который мог продавать это право издателю дважды сроком на 14 лет (всего – 28 лет). После этого текст становился общественным достоянием. Произведение необходимо было зарегистрировать в специальном реестре и в обязательном порядке передать определенное количество экземпляров в некоторые

библиотеки. Таким образом, законодатели, с одной стороны, дали мощный стимул развитию писательской профессии, а с другой – предоставили обществу свободный доступ к знаниям и искусству.

Статут 1710 г. послужил моделью соответствующего законодательства в 13 американских штатах и других англоговорящих странах и официально закрепил понятие авторского использования языка в системе общего права. Необходимо отметить, что понятие авторского права в цивилистских правовых системах отличается тем, что в нем выделяются собственно имущественные права автора интеллектуальной собственности и неимущественные (моральные) права (на имя, защиту репутации и др.).

Вслед за идеями об индивидуальных отличиях авторского стиля и субъективном авторском использовании языка следующим шагом становится оценка таланта писателя, а также того вклада, который он привносит в литературу. Автор начинает восприниматься как романтический герой, отшельник, творящий в одиночестве. Интересно отметить, что подобный образ автора существует и в современной популярной культуре. Исследование Британского национального корпуса (BNC) показывает, что коллокация лексемы 'reclusive' с лексемой 'novelist' является одной из самых распространенных. Возвращаясь к ранее упомянутому в данной статье процессу о плагиате, отметим, что журналисты часто использовали именно слово 'reclusive', характеризуя личность Дэна Брауна: 'the *reclusive* writer Dan Brown' (BBC Radio Profile 4 March 2006), 'the *reclusive* writer prepares to testify in the High court...' (Observer, March 12 2006), 'the *reclusive* Dan Brown' (Guardian 17 May 2006). Как мы видим, современные представления об авторе, его личности и образе жизни незначительно изменились с момента становления писательства как профессионального рода деятельности.

Итак, подводя некоторые итоги небольшому историческому курсу в концепцию авторства, считаем необходимым отметить, что выявление индивидуальных отличий, формирующих уникальный идиостиль автора, становится основным инструментом атрибуции текста в практике автороведческой экспертизы. Проблема применения данного метода заключается в том, что авторский стиль демонстрирует тенденцию к динамичности, меняясь в зависимости от цели коммуникации и жанра произведения. Исследователи установили, что на формирование идиостиля автора влияют его культурная, групповая и семейная идентичность, а также целый ряд лингвистических и социальных факторов. Безошибочно распознать идиостиль конкретного автора бывает довольно сложно, так как при этом необходимо не просто выявить какие-то характерные регуляр-

но повторяющиеся черты и идиоглоссы, но и учесть вариацию и возможную имитацию. Авторы склонны к изменению стиля и заимствованию приемов друг у друга, что осложняет работу эксперта.

Процедура атрибуции в автороведческой экспертизе может проводиться по следующим текстovým параметрам: 1) лексическим (длина слова, слова с непредметным значением); 2) морфологическим (частеречный профиль текстов); 3) синтаксическим (длина предложения, части речи, начинающие предложение); 4) стилистическим (комплексные показатели стиля автора); 5) фоносемантическим (подсознательное восприятие звуковой стороны текста). Интеграция смежных дисциплин позволяет успешно сочетать апробированные методики атрибуции текста с использованием современных компьютерных технологий, путем сопоставления текстов с известным авторством с текстом (текстами), авторство которого является предметом спора/объектом экспертизы. «Ввиду того, что программы используют различные алгоритмы, которые основываются на тех или иных теориях, в исследовании должны применяться различные программные средства там, где это возможно, с целью минимизации погрешностей авторизации» [Красса, 2013: 106].

Некоторые эксперты определяют авторскую принадлежность текста на основе анализа функционирования служебных слов или используя тест на высокую частотность повторяемости слов (High Frequency Lexicon test), проведение которого не представляет особой сложности посредством современного программного обеспечения. Алгоритм данного теста на примере английского языка выглядит следующим образом:

1. Исключить все знаки пунктуации и форматирования, а также названия глав произведения.
2. Исключить все имена собственные.
3. Исключить все служебные слова и все формы, имеющие двойной статус, такие как глаголы *have, be, like*.
4. Вычислить 30 самых употребительных слов в тексте (High Frequency Lexicon).
5. Сравнить два и более текста по параметру частотности употребления данных слов.
6. Подсчитать процентное соотношение слов с высокой повторяемостью в сравниваемых текстах с целью атрибуции данных текстов [Olsson, Luchjenbroers, 2014: 38].

Не стоит, однако, забывать, что, являясь ключевым фактором при определении идиолекта автора, лексикон тем не менее во многом зависит от жанра текста. Под жанром в данном случае нами понимается не традиционная принятая в литературе классификация, но

лингвистические, социальные и психологические предпосылки, лежащие в основе типа текста (жанр – как когнитивная структура). Жанр и тип текста определяют использование лексикона не в меньшей степени, чем индивидуальный стиль автора произведения. Необходимо также принять во внимание, что автор, работающий в каком-либо жанре, наверняка ознакомился с работами (а, соответственно, лексиконом) других авторов данного жанра, что повлияло на индекс HFL его произведения [Olsson, Luchjenbroers, 2014: 36].

Итак, давайте рассмотрим, каким образом жанр влияет на идиостиль писателя. Разумно предположить, что два текста, принадлежащие одному автору и написанные в одном жанре будут иметь большее сходство между собой, чем с работами других авторов, работающих в том же жанре. Неожиданным открытием для исследователей в данной области стало то, что тексты работ двух разных авторов могут иметь больше сходств, чем работы одного автора, если указанные тексты ближе друг к другу хронологически, или если мы имеем дело с плагиатом. Кроме того, случается, что индексы HFL в произведениях двух разных авторов более похожи, чем в двух разных произведениях одного автора, если последние отделяет друг от друга большой промежуток времени, а первые два создавались примерно в одно время.

Жанровые изменения являются результатом социальных изменений, которые оказывают влияние на авторов как членов общества. Авторы стремятся занять определенную позицию в рамках жанра, либо идентифицируя свои работы с работами выдающихся авторов этого жанра, либо становясь в оппозицию по отношению к определенным членам «жанровой группы». Таким образом, каждый автор создает индивидуальное пространство, которое может либо совпадать, либо расходиться с векторами работы других авторов данного жанра. Писатель/поэт может лишь временно занимать какое-либо жанровое пространство единолично, так как оно не закреплено постоянно за одним автором, который обладал бы исключительным правом на него, и является результатом сочетания целого ряда сознательных и неосознанных факторов и социальных детерминант, выходящих за пределы авторского контроля [Olsson, Luchjenbroers, 2014: 36].

Естественно также предположить, что произведения одного жанра будут иметь больше сходств между собой, чем с произведениями других жанров. Но это не всегда так в силу мутабельности самих жанров. Иногда происходит концептуальная перестройка жанров, когда их границы размываются или сливаются. Так появляются кросс-жанры или гибридные жанры. Еще одной причиной

может быть то, что автор произведения пробует себя в разных жанрах, соответственно, используя их характерные черты, что значительно осложняет работу эксперта.

Интересно отметить, что фактор времени не является непосредственной причиной жанровой вариативности. Данная вариативность обусловлена заложенной в самой сущности языка изменчивости, а именно тенденции к энтропии и эктропии. Языковая энтропия имеет место, когда те или иные языковые единицы (лексемы, служебные слова, конструкции) выходят из употребления на продолжительный период времени. Противоположное этому явление – языковая эктропия или регенерация, при которой вышедшие из употребления единицы снова возвращаются в лексикон (что происходит достаточно редко), либо он пополняется новыми единицами, вытесняющими функционировавшие ранее. Язык как система находится в процессе постоянных изменений. В связи с этим, чем больший отрезок времени отделяет одно авторское произведение от другого, тем выше вероятность их жанровой вариативности, так как продолжительные периоды времени демонстрируют больший потенциал к изменениям [Olsson, Luchjenbroers, 2014: 47].

В заключение хотелось бы отметить, что в настоящее время в практике автороведческой экспертизы применяется большое количество методов и эффективных инструментов, позволяющих установить авторство. Но в используемых методах, при всей их точности и разработанности есть ряд недочетов, в частности, по-прежнему нерешенной остается проблема определения «нетекстового нарушения авторских прав», упоминаемая в самом начале данной статьи. Кроме того, любой тест, используемый для атрибуции текста, должен принимать в расчет, что и гомогенизирующие свойства жанра как проводника интертекстуальности, и выраженные индивидуальные черты авторского стиля неизбежно подвержены влиянию социальной и индивидуальной энтропии и эктропии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аратова М.А.* Речевой портрет как важный элемент формирования кинообраза современного ученого // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 156–163.
2. *Красца С.И.* Методика и инструментарий атрибуции текста в автороведческой экспертизе // Альманах современной науки и образования. 2013. № 10. С. 106–108.
3. *Kennedy M.* The day Dan Brown struggled to follow the high court plot. Guardian, 2006. URL: <https://www.guardian.co.uk/uk/2006/mar/14/books.danbrown> (accessed: 25.02.2020).
4. *Olsson J., Luchjenbroers J.* Forensic linguistics. Bloomsbury Academic Publishing, 2014. P. 13–47.

Yuliya O. Solovyeva

**MODERN METHODS OF TEXT ATTRIBUTION
IN THE ANGLO-SAXON PRACTICE OF AUTHORSHIP
IDENTIFICATION**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

As our society moves further into the age of digital document production, more issues will arise as to textual and non-textual infringement of copyright. The author of this article, which is dedicated to authorship attribution in the forensic context, believes that it is necessary to situate the very idea of *author*, which involves a number of archetypal images, with *novelist* being the most notable one. The populist conception of the author stems from the romantic period and seems to have changed little from that time. Apparent success of current author matching methods (such as the High Frequency Lexicon test, different computational methods) hides a number of defects because the author's space is a public one and prone to occupation by other genre authors. Authors can either identify their work with the works of prominent same-genre authors, or stand in opposition to particular members of the genre group. Authors themselves can demonstrate inconsistency in their idiolects under the influence of social changes. Genre is viewed as a cognitive schema with underlying linguistic, sociological, and psychological assumptions. The boundaries between genres can be fluid with cross-genres or hybrid genres emerging as a result. Both the homogenizing nature of genre and individualistic features of the author style yield to the inevitable forces of social and personal entropy (decay) and ectropy (growth).

Key words: authorship attribution; textual/non-textual infringement of copyright; author matching methods/tools; High Frequency Lexicon test; author space; idiolect; genre; cross-genres / hybrid genres; entropy / ectropy.

About the author: *Yuliya O. Solovyeva* – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: solovieva-julia2009@yandex.ru).

REFERENCES

1. Arapova M.A. 2019. Rechevoi portret kak vazhnyi ehlement formirovaniya kino-obraza sovremennogo uchenogo [Speech portrait as an important element that helps to create the image of a scientist in the contemporary TV series]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 156–163. (In Russ.)
2. Krassa S.I. 2013. Metodika i instrumentarii atributsii teksta v avtorovedcheskoi ehkspertize [Methodology and tools of text attribution in forensic linguistics]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*. Vol. 10, pp. 106–108. (In Russ.)
3. Kennedy M. 2006. The day Dan Brown struggled to follow the high court plot. *Guardian*. URL: <https://www.guardian.co.uk/uk/2006/mar/14/books.danbrown> (accessed:25.02.2020).
4. Olsson J., Luchjenbroers J. 2014. *Forensic linguistics*. Bloomsbury Academic Publishing, pp. 13–47.

ЯЗЫК. ПОЗНАНИЕ. КУЛЬТУРА

М.М. Раевская, И.В. Селиванова

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАФОРЫ В ПУБЛИЧНОМ ВЫСТУПЛЕНИИ

**(НА МАТЕРИАЛЕ РОЖДЕСТВЕНСКИХ РЕЧЕЙ ИСПАНСКОГО МОНАРХА
ХУАНА КАРЛОСА I)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Интерес к изучению метафоры в политической коммуникации со стороны лингвистов обусловлен ее способностью воздействовать на сознание адресата, влиять на ценностные установки и менять восприятие действительности. Цель настоящей статьи заключается в раскрытии сущности прагматического потенциала трех метафорических моделей («Война», «Путь» и «Строительство») в рождественских обращениях испанского монарха Хуана Карлоса I с 1975 по 2013 г., которые представляют собой традиционное событие общественно-политической жизни страны и один из немногих случаев прямого обращения главы государства к своему народу. Решение существующих в испанском обществе проблем связывается с идеей единства нации, являющейся лейтмотивом всех рассматриваемых посланий. Метафорическая модель «Война» призывает к объединению против общих «врагов», в роли которых выступают безработица и терроризм; метафорическая модель «Путь» убеждает аудиторию в правильности выбранного политического курса, который ведет к процветанию страны; метафорическая модель «Строительство» употребляется с целью показать необходимость участия каждого гражданина в развитии государства, фундаментом которого предстают демократические ценности и идеалы, и отметить важную роль Испании в процессе европейской интеграции.

Ключевые слова: политический дискурс; метафоры; публичное выступление; рождественское послание; испанская монархия; испанский монарх; Хуан Карлос I.

Раевская Марина Михайловна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой испанского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: mraevskaya@gmail.com, infospanish@yandex.ru).

Селиванова Ирина Владимировна – аспирант факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: selivanova-irina@inbox.ru).

Исследование средств речевого воздействия в политическом дискурсе является актуальным направлением современного языкознания [см.: Михалева, 2009; Casado Velarde, 2010; Ventero Velasco, 2010; Чудинов, 2013; Полубиченко, 2016; Medina López, 2016; Копнина, 2018; Селиванова, 2019b; Иссерс, 2020 и др.]. Истинная цель политической коммуникации заключается в том, чтобы изменить убеждения адресата и побудить его к необходимым оратору действиям. К числу языковых средств выразительности, наиболее часто используемых с целью манипуляции общественным сознанием, принадлежит метафора, которая активно изучается отечественными и зарубежными исследователями на протяжении нескольких десятилетий [Lakoff, Johnson, 1980; Musolff, 2000; Чудинов, Будаев, 2006; Андреев, 2011; Чудинов, 2013; Дорофеева, 2014; Бондаренко, 2019; Воронцова, 2019 и др.]. Семантическая емкость метафоры наряду с ее эмоциональной окрашенностью создают необходимые условия для ее использования в ходе целенаправленного воздействия на адресата. С ее помощью ораторы имеют возможность убеждать аудиторию в правильности своей точки зрения, предлагаемых оценок и решений, описывать непопулярные меры образными наименованиями, объяснять сложные для понимания процессы общественно-политической жизни, скрывать реальное состояние дел и вызывать необходимую реакцию у публики [Бондаренко, 2019].

Объектом настоящего исследования являются 39 рождественских обращений Хуана Карлоса I с 1975 по 2013 г. В качестве предмета анализа выступают метафорические модели «Война», «Строительство» и «Путь» в указанных текстах в силу частотности их употребления. Сфера-источник «Война» относится к наиболее популярным исходным понятийным областям в «метафорическом конструировании мира политики» [Будаев, 2008; Эргашев 2015; Селиванова 2019a]. Э.В. Будаев объясняет причины активного использования лексических единиц из данной понятийной области агональным характером политической деятельности, богатым военным опытом человечества и доминированием в политике мужчин [Будаев, 2008: 29]. Метафорические модели «Строительство» и «Путь» также часто встречаются в речи политиков в силу своей способности более четко обозначить позицию оратора и убедить адресата в правильности предлагаемой точки зрения [Musolff, 2000].

Рождественские обращения Хуана Карлоса I подчиняются строгим законам классической риторики, обладают своими собственными языковыми особенностями и несут особую смысловую нагрузку, поскольку глава государства обращается к народу не только в качестве должностного лица, но и в качестве друга и соотечественника

[Фадеева, 2016; Раевская, Селиванова, 2020]. Используемые в них метафорические модели способствуют упрощению восприятия сложных феноменов общественно-политической жизни, а также служат инструментом пропаганды государственной идеологии и базовых ценностей (сохранение института монархии, солидарность, взаимопонимание, мирное сосуществование и пр.).

Метафоры со сферой-источником «Война» в рождественских обращениях монарха служат для обозначения ценностных ориентиров, в соответствии с которыми должен действовать каждый гражданин (неустанная борьба с насущными проблемами, непреклонное следование избранному курсу, национальное единство и пр.):

*Porque los españoles sabemos **luchar** para conseguir lo que deseamos, y nada que merezca la pena se consigue sin **lucha**... Потому что мы умеем **бороться**, чтобы прийти к желаемым результатам, ведь достойную цель невозможно достичь без **борьбы**... (1979)*

*Pero a pesar de cuanto hemos avanzado, aún es necesario **vencer** los obstáculos y las dificultades... Несмотря на наши достижения, необходимо **одержать победу** над препятствиями и трудностями... (1980)*

*[...] cuando los españoles nos sentimos unidos somos **invencibles**... [...] когда мы едины, мы **непобедимы**... (1982)*

Репертуар заимствований из исходной понятийной сферы «Война» в рождественских речах испанского монарха чрезвычайно широк, что обусловлено ее способностью к моделированию действительности с помощью привычных и знакомых всем формул [Селиванова, 2019а]. Примечательно, что в рождественских посланиях испанского монарха в роли врага выступают лишь социально-экономические проблемы (безработица и терроризм):

*[...] **lograremos vencer la batalla del desempleo**... [...] мы сможем **одержать победу** над безработицей... (1988)*

*Es imprescindible que sigamos firmemente unidos para **combatir** con eficacia la violencia terrorista. Нам необходимо вместе **эффективно бороться** с терроризмом (1994).*

Метафоры со сферой-источником «Путь» имеют особое значение в рождественских речах, поскольку призваны подчеркнуть необходимость следования по намеченному пути к прогрессу и всеобщему благосостоянию. Среди наиболее частотных лексических единиц из данной понятийной области следует выделить такие, как существительное *camino* («дорога», «путь»), глаголы *recorrer* («пройти», «проехать»), *caminar* или *marchar* («идти») и *avanzar* («продвигаться вперед»):

*[...] nos permitirá **marchar hacia adelante**... [...] позволит нам **идти вперед**... (1975)*

[...] nos encontramos en el **camino adecuado**... [...] мы находимся на правильном **пути**... (1982)

*Terminamos un año en el que la democracia española **ha seguido avanzando**. Мы завершаем год, в котором испанская демократия продолжила **свое движение вперед** (1985).*

*Hacia esos objetivos hemos de **caminar unidos**. К этим целям мы должны **идти вместе** (1986).*

Метафоры со сферой-источником «Строительство» обычно используются для концептуализации интеграционного процесса [Будаев, Чудинов, 2006]. Среди лексических единиц из данной понятийной области можно выделить глаголы *construir* («строить»), *edificar* («воздвигнуть»), *fortalecer* («укреплять») в различных формах и существительное *construcción* («строительство»):

*La **construcción** europea sigue avanzando y España participa activamente en este proceso. Продолжается **строительство** Европы, и Испания принимает активное участие в этом процессе (1996).*

***Estamos construyendo** nuestro futuro con la Unión Europea. Мы **строим** наше будущее вместе с Европейским Союзом (1997).*

*España aspira a **construir** una sociedad económica y socialmente avanzada. Испания желает **построить** развитое в экономическом и социальном плане общество (1999).*

Таким образом, в политическом дискурсе, отличающемся образностью и особой выразительностью, метафора, воспринимаемая как когнитивно значимая единица, средство познания действительности, инструмент организации опыта человека и структурирования его знаний об окружающей действительности (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Н.Д. Арутюнова, А.П. Чудинов и др.), занимает лидирующие позиции по частотности употребления ввиду своей пригодности «для серьезного политического разговора» [Бондаренко, 2019: 58]. Вместе с тем предлагаемые политическими и государственными лидерами метафоры лишены аргументативной силы, если они не соотносятся с концептуальными прототипами определенного общества [Будаев, Чудинов, 2006: 60]. Иными словами, используемые метафорические модели должны соответствовать характерным для конкретного социума реалиям – в противном случае оратор не сможет добиться поставленной цели. Как показывает исследование, в рождественских обращениях Хуана Карлоса I частое позиционирование стоящих перед испанцами политических, социальных и экономических задач при помощи метафорических моделей «Война», «Путь» и «Строительство» напрямую связано с наиболее острыми проблемами общества – достижением единства нации и мирного сосуществования в рамках демократического строя, борьбой с внутренним терроризмом и необходимостью экономического подъема

страны, что было особенно актуально в постфранкистской Испании, в которой были сильны центробежные силы и националистические настроения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреев Н.И.* Особенности метафоры в немецком политическом дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2011. № 3. С. 70–81.
2. *Бондаренко И.В.* Лингвопрагматический потенциал метафоры в политическом выступлении // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2019. № 2. С. 52–60.
3. *Будаев Э.В.* Военная метафорика в дискурсе СМИ // Acta Linguistica. Sofia. 2008. № 2 (1). С. 29–36.
4. *Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Концептуальная метафора в политическом дискурсе: американский, европейский и российский варианты исследования // Политическая лингвистика. 2006. № 17. С. 35–77.
5. *Воронцова И.С.* Концептуальная метафора в аргентинском политическом дискурсе (на примере выступления президента Аргентины К. Фернандес де Киршнер на 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Ибероамериканские тетради. 2019. Вып. 1 (23). С. 80–88.
6. *Дорофеева А.А.* Что скрывается в тайне метафоры? (О подходах к изучению метафоры западными учеными в XX в.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. С. 155–160.
7. *Иссерс О.С.* Речевое воздействие. М., 2020.
8. *Копнина Г.А.* Речевое манипулирование. М., 2018.
9. *Михалева О.Л.* Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М., 2009.
10. *Полубиченко Л.В.* К вопросу о цитатной речи во взаимном межкультурном общении американских и советских/постсоветских политиков // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 47–61.
11. *Раевская М.М., Селиванова И.В.* Рождественские речи испанских монархов как ритуальный жанр институционального дискурса в сопоставительном аспекте // Вестник НГУ. 2020. Т. 18. № 1. С. 57–70.
12. *Селиванова И.В.* Военные метафоры в рождественских обращениях короля Испании // Политическая лингвистика. 2019а. № 4 (76). С. 61–65.
13. *Селиванова И.В.* Эвфемизмы как отражение социально-экономических проблем современного испанского общества (на материале прессы) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019б. № 4. С. 156–162.
14. *Фадеева Г.М.* Рождественское телеобращение главы государства как медиасобытие // Вестник МГЛУ. 2016. Вып. 7 (746). С. 273–285.
15. *Чудинов А.П.* Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург, 2013.
16. *Эргашев А.А.* Отражение общественных и политических процессов в США в военных метафорах Барака Обамы // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2015. № 393. С. 48–54.
17. *Casado Velarde M.* Lenguaje, valores y manipulación. Pamplona, 2010.
18. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. Chicago, 1980.
19. *Medina López J.* Discurso institucional e imagen en los mensajes de Navidad del rey de España (1975–2013) // Pragmática Sociocultural. 2016. № 4 (1). P. 25–73.

20. *Musolff A.* Political imagery of Europe: a house without exit doors? // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2000. Vol. 21. № 3. P. 216–229.
21. *Ventero Velasco M.* Los mensajes de Navidad del Rey. Madrid, 2010.

Marina M. Raevskaya, Irina V. Selivanova

THE PRAGMATIC POTENTIAL OF METAPHOR IN PUBLIC SPEECH

(A CASE STUDY OF JUAN CARLOS I'S CHRISTMAS MESSAGES)

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Metaphor functioning in political communication is a widely investigated scientific field as this rhetorical device is able to influence the addressee's opinions and attitudes and change the perception of reality. The purpose of this paper is to describe the pragmatic potential of metaphors in Christmas messages (which are considered the main instrument of communication of the Head of State with his citizens) made by Juan Carlos I from 1975 to 2013, analyzing three metaphorical models ("War", "Construction", and "Way"). The solution to the current problems of Spanish society is associated with national unity, which is the leitmotif of all the analyzed Christmas messages. The metaphorical model "War" calls for fighting against common "enemies" (unemployment and terrorism); the metaphorical model "Way" convinces the audience of the correctness of the chosen political course, which leads to the country's prosperity; the metaphorical model "Construction" shows that every citizen needs to participate in the development of the state, based on democratic values, and to underscore the important role of Spain in the European integration process.

Key words: political discourse; metaphors; public speech; Christmas message; Spanish monarchy; Spanish monarch; Juan Carlos I.

About the authors: *Marina M. Raevskaya* – PhD in Philology, Professor, Head of Department of Spanish Language, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mraevskaya@gmail.com, info-spanish@yandex.ru); *Irina V. Selivanova* – Postgraduate Student, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: selivanova-irina@inbox.ru).

REFERENCES

1. Andreyev N.I. 2011. Osobennosti metafory v nemeckom politicheskom diskurse [Distinctive features of metaphor in German political discourse]. *Moscow University Herald. Series 22: Translation theory*, no. 3, pp. 70–81. (In Russ.)
2. Bondarenko I.V. 2019. Lingvopragmaticheskij potencial metafory v politicheskom vystuplenii [Metaphor pragmatic potential in a political speech]. *Bulletin of the Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, no. 2, pp. 52–60. (In Russ.)

3. Budaev E.V. 2008. Voennaya metaforika v diskurse SMI [Military metaphor in media discourse]. *Acta Linguistica. Sofia*, vol. 2, no. 1, pp. 29–36. (In Russ.)
4. Budaev E.V., Chudinov A.P. 2006. Konceptual'naya metafora v politicheskom diskurse: amerikanskij, evropejskij i rossijskij varianty issledovaniya [Conceptual metaphor in political discourse: American, European and Russian approaches]. *Political linguistics*, no. 17, pp. 35–77. (In Russ.)
5. Vorontsova I.S. 2019. Konceptual'naya metafora v argentinskom politicheskom diskurse (na primere vystupleniya prezidenta Argentiny K. Fernandes de Kirshner na 69-j sessii General'noj Assamblei OON) [Conceptual metaphor in Argentinian political discourse (based on the speech of the Argentinean President (2007–2015) C. Fernández de Kirchner during the 69th session of the UN General Assembly)]. *Journal of Ibero-American notebooks*, no. 1 (23), pp. 80–88. (In Russ.)
6. Dorofeyeva A.A. 2014. What is the mystery of metaphor? (On the approaches to the metaphor study among European scientists of the 20th century). *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 155–160. (In Russ.)
7. Issers O.S. 2020. *Rechevoe vozdejstvie* [Linguistic manipulation]. Moscow, Flinta. (In Russ.)
8. Kopnina G.A. 2018. *Rechevoe manipulirovanie* [Linguistic manipulation]. Moscow, Flinta. (In Russ.)
9. Mikhaleva O.L. 2009. *Politicheskij diskurs: specifika manipulyativnogo vozdejstviya* [Political discourse: features of linguistic manipulation]. Moscow, Librokom. (In Russ.)
10. Pulibichenko L.V. 2016. K voprosu o citatnoj rechi vo vzaimnom mezhkul'turnom obshchenii amerikanskih i sovetskih/postsovetskih politikov [On the problem of quotations in mutual intercultural communication between US and Soviet/post-Soviet politicians]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 67–76. (In Russ.)
11. Raevskaya M.M., Selivanova I.V. 2020. Rozhdestvenskie rechi ispanskikh monarhov kak ritual'nyj zhanr institucional'nogo diskursa v sopostavitel'nom aspekte [The Spanish King's Christmas messages as a ritual genre of institutional discourse: a comparative study]. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, vol. 18, no. 1, pp. 57–70.
12. Selivanova I.V. 2019a. Voennye metafory v rozhdestvenskih obrashcheniyah korolya Ispanii [War metaphors in the Christmas messages of the Spanish King]. *Political Linguistics*, no. 4 (76), pp. 61–65.
13. Selivanova I.V. 2019b. Evfemizmy kak otrazhenie social'no-ekonomicheskikh problem sovremennogo ispanskogo obshchestva (na materiale pressy) [Euphemism as a reflection of the social and economic problems of modern Spanish society (a case study of the Spanish press)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 156–162. (In Russ.)
14. Fadeeva G.M. 2016. Rozhdestvenskoe teleobrashchenie glavy gosudarstva kak mediasobytie [Christmas television address of the Head of State as a media event]. *MOSLU Bulletin*, no. 7 (746), pp. 273–285. (In Russ.)
15. Chudinov A.P. 2013. *Ocherki po sovremennoj politicheskoj metaforologii* [Essays on contemporary political metaphorology]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University. (In Russ.)
16. Ergashev A.A. 2015. Otrazhenie obshchestvennyh i politicheskikh processov v SSHA v voennyh metaforah Baraka Obamy [Reflection of social and political processes in the USA in military metaphors of Barack Obama]. *Tomsk State University Journal*, no. 393, pp. 48–54. (In Russ.)

17. Lakoff G., Johnson M. 1980. *Metaphors we live by*. Chicago, University of Chicago Press.
18. Musolf A. 2000. Political imagery of Europe: a house without exit doors? *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, vol. 21, no. 3, pp. 216–229.
19. Casado Velarde M. 2010. *Lenguaje, valores y manipulación* [Language, values and manipulation]. Pamplona, Eunsa. (In Span.)
20. Ventero Velasco M. 2010. *Los mensajes de Navidad del Rey* [The King's Christmas messages]. Madrid, La Ley. (In Span.)
21. Medina López J. 2016. Discurso institucional e imagen en los mensajes de Navidad del rey de España (1975–2013) [Institutional discourse and face in the King's Christmas messages (Spain, 1975–2013)]. *Pragmática Sociocultural*, no. 4 (1), pp. 25–73. (In Span.)

Е.А. Невежина

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В рамках исследований пространства Франкофонии в отечественной науке незаслуженно упускают из виду регион Юго-Восточной Азии – бывшего Индокитая. Французский язык используется и преподается почти во всех странах региона, из которых для данного исследования были выбраны четыре страны – Камбоджа, Лаос, Вьетнам и Таиланд – по принципу их включенности в Международную организацию Франкофонии (МОФ). Актуальность статьи обусловлена тем, что показатели темпов развития французского языка в азиатском регионе падают ввиду многих факторов, среди которых: укрепление позиций английского и китайского языков, отсутствие четких стратегий языковой политики, завершение финансирования по программам поддержки преподавания французского языка, и как следствие – нехватка ресурсов. Материалы, использованные для подготовки статьи, – статистические данные разных лет, отчеты деятельности просветительских организаций для оценки динамики, франкоязычная пресса Вьетнама, блоги, высказывания местных представителей политической и интеллектуальной элиты для анализа языковой ситуации в регионе. Оказывается, что перед франкоязычным азиатским обществом стоит ряд вызовов: улучшение имиджа французского языка, увеличение темпов распространения языка, разработка грамотной языковой политики, рассчитанной на продвижение языка, привлечение инвестирования. Выявляются приоритеты азиатского франкоязычного сообщества, в том числе: повышение мотивации к изучению французского языка; определение статуса и функций французского языка в регионе; координация действий инстанций, занимающихся продвижением и преподаванием французского языка; инициирование программ поддержки преподавателей и развития ИКТ.

Ключевые слова: французский язык; Юго-Восточная Азия; языковая политика; языковая ситуация; Франкофония.

Регион Юго-Восточной Азии является объектом плюридисциплинарных исследований. В рамках лингвистики, социолингвисти-

---

Невежина Елизавета Андреевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: liza031190@rambler.ru).

ки и лингвокультурологии существует немало исследований, выполненных иностранными учеными [Daniel, 1992; Durand, 2012; Journoud, 2013; Llorca, 2014–2015; Marcoux, Harton, 2012; Phoeurng, 2010; Trang, 2005; Van Dinh, 2010; и др.], значительно меньше – отечественных трудов в указанной области [Гак, Мурадова, 2016; Моисеева, 2011; Смирнова, Золина, 2012; Лаврова, 2004; Золина, 2009; Чернов, 2006; и др.]. Эти исследования показали, что в Юго-Восточной Азии французский язык не имеет статуса языка администрации, юридической сферы, религии, но он воспринимается населением как язык культуры и пропуск к элитному образованию и высоким должностям. Мы будем придерживаться терминологии В.Г. Гака и Л.А. Мурадовой, по которой состояние и функции французского языка в Азии относятся к следующим типам: а) средство бытового общения, родной для населения всей страны или ее части; б) средство международного общения [Гак, Мурадова, 2016: 42].

Анализ актуального языкового пейзажа франкоязычной Азии невозможен без обращения к историческим вехам развития региона. Так, пик колонизаторской политики Франции в азиатском регионе пришелся на XIX в.¹; после Второй мировой войны начался процесс деколонизации, который сопровождался многочисленными жертвами. После борьбы за независимость в 1945 г. была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам во главе с Хо Ши Мином², но в 1946 г. Франция начала войну за возвращение Вьетнама под свое управление. В 1954 г. после выведения войск Франции Вьетнам разделился на Северный (при поддержке СССР) и Южный (при поддержке США). В 1953 г. независимыми стали Лаос и Камбоджа.

Деколонизация повлияла на развитие французского языка в регионе, культурная и идентифицирующая роль которого ослабевала [Гак, Мурадова, 2016: 16–17]. Имидж французского языка в XXI в. не был полностью восстановлен. В начале 1990-х годов начался процесс реставрации образа Франции в бывшем Индокитае: французские культура и язык стали восприниматься как одно из составляющих культурной идентичности Вьетнама. Движение в поддержку архитектурного, литературного, научного, языкового наследия поддерживалось местными интеллектуалами, среди которых писатель Ху Нгок и историк Фан Хюи Ле, а также в научной литературе и прессе [Journoud, 2013: 53]: «По мере того, как все начинают гово-

---

¹ Вьетнам был в статусе колонии, Камбоджа и Вьетнам – протектората, Таиланд не был колонией.

² Хо Ши Мин – политический деятель, философ, поэт, ценитель французской литературы XIX в., чьим любимым произведением был роман «Отверженные» В. Гюго (*Dang Thi Hanh, Dang Anh Dao. La réception de Victor Hugo au Vietnam // Victor Hugo en Extrême-Orient. P., 2001. P. 64.*)

речь по-английски, – подчеркивает Оливье Гарро, региональный директор Агентства Университетов Франкофонии (далее – АУФ) в Азиатско-Тихоокеанском регионе, – французский приобретает облик языка различия. Наши франкофоны на самом деле трилингвы, они говорят на родном, французском и английском языках. Поэтому они и ценятся в экономическом мире» [Цит. по: Journaud, 2013: 64–65]. Франкоговорящие служащие работают в административных организациях Камбоджи, Лаоса и Вьетнама, но они находятся на пороге пенсионного возраста; они получили образование на французском языке в 1960-х годах. В Камбодже таких франкофонов 2–3% от всего населения, в Лаосе – 1 %, во Вьетнаме – 0,5% [Phoeurng, 2010: 74].

О перспективах развития региона исследователи имеют различные, даже полярные, мнения: авторы позитивного сценария называют цифру в 700 млн человек в постоянном контакте с языком к 2050 г. [Phoeurng, 2010: 74]. Негативный сценарий предполагает, что из-за растущей разницы между числом желающих изучать французский язык и количеством преподавателей число франкофонов к 2050 г. может быть равно 200 миллионам, из которых реальных франкофонов будет 130 миллионов [Llorca, 2014-2015; Marcoux, Harton, 2012]. Престиж французского языка в мире может быть ухудшен также из-за обострения чувства языковой неуверенности³. В 2015 г. бельгийский лингвист М. Франкар, рассуждая о будущем французского языка, одним из условий существования языка вне метрополии назвал принятие решительных мер: разработка грамотной языковой политики, недопущение потери языком своих позиций, поддержка преподавателей французского языка. При этом важно направить языковую политику и в поддержку тех, кто изучает или собирается изучать французский язык, поскольку они лучшие «амбассадоры» в продвижении языка в мире [Francard, 2015].

Для создания благоприятных условий развития французского языка в мире была разработана стратегия по его продвижению и защите, озвученная Э. Макроном 20 марта 2018 г. Политика предполагает осуществление 30 мер в сферах образования, коммуникации и творчества на французском языке, особое внимание в программе обращено на преподавательскую деятельность и политическое содружество стран-членов МОФ⁴. В рамках реализации задач по продвижению и

---

³ См. о влиянии комплекса неуверенности на имидж языка: *Невежина Е.А.* Имидж вариантов французского языка за пределами метрополии // Франкофония: рациональное и эмоциональное в развитии языков и культур / Под ред. Т.Ю. Загряжиной. М., 2019. С. 31–48.

⁴ Э. Макрон представил план по защите французского языка // RFI. 20.03.2018. URL: <http://www.rfi.fr/ru/frantsiya/20180320-makron-predstavil-plan-pozashchite-frantsuzskogo-yazyka> (дата обращения: 04.06.2020).

распространению языка 25 ноября 2019 г. по всему миру впервые был проведен день преподавателя французского языка⁵.

В Азиатском регионе продвижением языка занимаются следующие организации: Альянс Франсэз (*Alliance Française*), BELC (*Bureau pour l'enseignement de la langue et de la civilisation françaises à l'étranger* – методическая помощь преподавателям); FIPF (*Fédération internationale des professeurs de français* – крупная организация для преподавателей, ежегодно проводит конгрессы); Французский Институт (*Institut Français*); AEFЕ (*Agence pour l'Enseignement Français à l'Etranger*); социальная сеть *IFprofs*; онлайн-платформа *France Université Numérique*; фонд *Hachette*; канал *TV5 Monde*; радио *RFI*. Для поддержания позиций французского языка в Юго-Восточной Азии в 2006 г. была начата программа VALOFRASE (*Valorisation de français en Asie du Sud-Est*) при поддержке АУФ, МОФ, Квебека и Бельгии. Французская Ассоциация исследований Юго-Восточной Азии (AFRASE) каждый год издает несколько выпусков журнала *La lettre de l'AFRASE*. Так, летом 2017 г. увидел свет номер о малых языках Юго-Восточной Азии⁶, в 2018 г. номер был посвящен франкоязычному кинематографу региона. На эту тему в январе 2018 г. прошел семинар в Национальном институте восточных языков и цивилизаций в Париже и весь год проводились круглые столы.

Институт исследований Юго-Восточной Азии (IRASEC), по словам Клер Тран Ти Лин, директора института, – «самый новый из 27 Французских Институтов Исследований за границей Франции»⁷, созданный в 2001 г. Он работает в сотрудничестве с CNRS, способствует развитию франкоязычных исследований в гуманитарной и социальной сферах; его миссия – развить научную деятельность в современной Юго-Восточной Азии, а также расширять контакты и сотрудничество с другими исследовательскими учреждениями региона. Ежегодно Институт выпускает сборник *Asie du Sud-Est: bilan, enjeux, perspectives*, доступный в электронной версии⁸. Как AFRASE, так и IRASEC признают, что самым большим препятствием для развития французского языка в регионе является

---

⁵ День преподавателя французского языка. URL: <https://www.lejourduprof.com/> (дата обращения: 04.06.2020)

⁶ La lettre de l'AFRASE. 2017. № 93-94. Corpus et langues d'Aise du Sud-Est. Traitement et exploitation numériques. URL: <http://www.afrase.org/la-lettre/les-anciennes-lettres/> (дата обращения: 04.06.2020).

⁷ L'IRASEC: Un centre de recherche français sur et en Asie Sud'Est // La lettre de l'AFRASE. 2017. № 93–94. Corpus et langues d'Aise du Sud-Est. Traitement et exploitation numériques. P. 29–35.

⁸ L'Asie du Sud-Est 2020. Bilan, enjeux et perspectives / Dir. C. Cabasset, C. Thi-Liên Tran. Paris: Irasec et Les Indes Savantes, 2020. URL: <http://www.irasec.com/ouvrage149> (дата обращения: 02.06.2020).

отсутствие финансирования: об этом речь шла в выпуске 2017 г. журнала *La lettre de l'AFRASE*: «Финансовая ситуация в Ассоциации особенно критична в этом году»⁹, а также в ежегодном отчете за 2018 г.¹⁰

В 2018 г. увидел свет журнал *La Francophonie en Asie-Pacifique*, цель которого – создать научный междисциплинарный форум в франкоязычном сообществе Азиатско-Тихоокеанского региона. В связи с этим была организована конференция «Франкофонные исследования в Азии: задачи и перспективы». В ходе конференции приняли участие ученые Франции, Вьетнама и России, были представлены исследовательские перспективы в рамках Франкофонии¹¹. В июне 2020 г. в Государственном университете Ханоя прошла встреча франкоязычных студентов, организованная Комиссией в Азии и Тихоокеанском регионе (*Bureau pour l'Asie et le Pacifique*) при МОФ¹². В июле 2020 г. открылся круглый стол «Франкофония будущего» при участии франкоязычной молодежи для обсуждения перспектив развития языка в азиатском регионе, идентитарных установок говорящих [см. Загряжкина, 2018; Крюкова, 2019] (круглый стол под названием «Быть франкофоном») и для выработки очередных мер по продвижению французского языка – «Строить вместе во франкофонном пространстве»¹³.

Азиатский регион можно характеризовать как наименее динамичный в мире по изучению французского языка: в нем живет 3% от общего числа франкофонов в мировом масштабе, с ежегодным сокращением числа изучающих язык на 34% в начальной и средней школе, несмотря на высокий темп развития высшего образования¹⁴. Еще в конце XIX в. географ Онезим Реклю, автор термина «франкофония», писал так: «Мы видели, как Черные, Красные переняли язык завоевателей... без единства, без патриотизма, без истории, без

---

⁹ *La lettre de l'AFRASE*. 2017. № 93–94. Corpus et langues d'Aise du Sud-Est. Traitement et exploitation numériques. P. 48.

¹⁰ Rapport d'activités et financier de l'Institut de Recherche sur l'Asie du Sud-Est Contemporaine / Dir. C. Tran. Bangkok, 2018.

¹¹ Международная конференция о франкоязычных исследованиях в Азии // *Le Courrier (Vietnam)*. URL: <https://www.lecourrier.vn/une-conference-internationale-sur-les-etudes-francophones-en-asie/533304.html> (дата обращения: 02.06.2020).

¹² Встречи с франкоязычными студентами // *Le Courrier (Vietnam)*. URL: <https://www.lecourrier.vn/rencontres-avec-les-etudiants-francophones/779673.html> (дата обращения: 02.06.2020).

¹³ Встреча молодежи по вопросам о будущем Франкофонии // *Le Courrier (Vietnam)*. URL: <https://www.lecourrier.vn/consultation-des-jeunes-sur-la-francophonie-de-lavenir/779190.html> (дата обращения: 02.06.2020).

¹⁴ Французский язык в мире. Краткое изложение книги 2018 г., издательство Gallimard. URL: <http://observatoire.francophonie.org/wp-content/uploads/2019/02/LFDM-Synthese-Russe.pdf> (дата обращения: 04.02.2020).

искусства, без литературы. Жители Индокитая обладают традициями, письменным языком, энтузиазмом, они полагаются на 500 миллионов братьев, китайцев, которые говорят на похожем языке. Наши 1 550 000 индокитайцев... вероятно, никогда не будут говорить на французском как национальном языке; скорее им станет китайский»¹⁵. Так, Реклю предсказал невозможность унификации французского языка на территории Индокитая и успех китайского языка в регионе. Однако французский язык в регионе присутствует, и благодаря работе просветительских организаций есть некоторые успехи. Остановимся подробнее на странах, входящих в списки МОФ.

Вьетнам. Исторический фактор негативно сказался на развитии французского языка на территории Вьетнама. Например, после битвы при Дьенбьенфу в 1954 г. преподавание французского языка практически сошло на нет в Северном Вьетнаме. В Южном Вьетнаме насаждался английский язык, США пытались искоренить влияние Франции [Durand, 2012]. До той степени, что в библиотеках избавлялись от книг на французском языке, заменяли их на англоязычную литературу. На севере в течение 35 лет преподавание иностранных языков сконцентрировалось на русском и китайском. В 1980-е русский язык считался «стратегически приоритетным» языком [Journaud, 2013: 53]. В 1990–2000-е годы Министерство образования Вьетнама заменило преподавание русского и отчасти китайского на английский ввиду требований США по экономическим и политическим причинам [Durand, 2012].

С 1986 г. Вьетнам принимал участие в первой Конференции Глав Государств и правительств, которые используют французский язык, в Версале. С тех пор французский язык активно продвигался во Вьетнаме и использовался в обсуждениях экономического и политического характера [Daniel, 1992: 22; Trang, 2005: 117]. Для Вьетнама французский язык в 1990-е годы был одним из средств выхода из политической и экономической изоляции, в которой эти страны оказались после крушения советского блока.

Во Вьетнаме сохранились следы французской культуры: собор Сайгонской Богоматери в г. Хошимин (быш. Сайгон), внешне схожий с Нотр Дам де Пари. Центральное отделение почты, которое «напоминает музей Орсэ» [Моисеева, 2011: 221], над ним работал Густав Эйфель; местные блюда носят черты французской высокой кухни. В регионе и о регионе были сняты французские картины «Индокитай» (Режи Ванье, 1992), «Дьенбьенфу» (Пьер Шёндрёффер, 1992), «Любовник» (Жан-Жак Анно, 1992). После визита во Вьетнам французского писателя и журналиста Алена Деко (1989) и Франсуа Мит-

---

¹⁵ Reclus O. France, Algérie et colonies. P., 1886. P. 418.

терана («встреча после разлуки Франции и Вьетнама» [Journoud, 2013: 57], 1992) были озвучены стратегии по развитию преподавания языка. Именно во Вьетнаме зародилась идея билингвальных школ (вьетнамский и французский языки), ее реализовали в 1992 г., затем внедрили в Лаосе, Камбодже и Таиланде. Из 40 учебных часов в неделю 10 были посвящены изучению французского языка и предметов на французском. Были налажены торговые контакты с Францией и Бельгией.

Знаковым событием для Вьетнама и франкоязычной Азии было проведение Саммита МОФ в 1997 г. в Ханое. Во время этого мероприятия был избран первый Генеральный секретарь МОФ, египтянин Бутрос Бутрос-Гали, определено место Вьетнама в Организации, намечены стратегии на будущее [Phoeurng, 2010: 73]. Так, к 2015 г. число говорящих на французском языке во Вьетнаме достигло 654 000 человек, что составляло 0,7% из всего населения страны¹⁶. К 2017 г. во Вьетнаме насчитывалось 113 667 студентов, выбравших для изучения французский язык [Тхе, 2017]. 40 провинций из 64 предлагают курсы изучения французского в школе. П. Журну, французский исследователь стратегий политики во Вьетнаме, отмечает, что в колониальную эпоху число изучающих французский язык было меньше, чем в XXI в. [Journoud, 2013: 50].

В 2012 г. после почти 20-летнего перерыва вышел *Le Courrier du Vietnam*, франкоязычная газета, выходящая еженедельно в печати и ежедневно в онлайн формате. В Камбодже публиковали еженедельник *Cambodge Soir*, но ввиду отсутствия финансирования и доминирования английского языка издание закрыли¹⁷. В 2012 г. прошел Саммит в Киншасе: Вьетнам показал свое намерение продвигать французский язык и стал первой азиатской страной, которая подписала конвенцию о французском языке в дипломатии и в публичной сфере [Journoud, 2013: 63].

Во Вьетнаме спрос на французский язык выше, чем в остальных регионах Юго-Восточной Азии. Это можно проследить по активности просветительских организаций: например, *Institut d'échanges culturels avec la France* (IDECAF) регулярно организывает мероприятия, посвященные французскому языку: кинопоказы, выставки, курсы¹⁸. Вместе с Французским Институтом ежегодно он набирает

¹⁶ La langue française dans le monde. P., 2014.

¹⁷ Yann C. Le principal média francophone du Cambodge ferme ses portes // *Nouvel Observateur*. 21 décembre 2010. URL: <https://www.nouvelobs.com/rue89/rue89-medias/20101221.RUE0009/le-principal-media-francophone-du-cambodge-ferme-ses-portes.html> (дата обращения: 02.06.2020).

¹⁸ IDECAF, культурные события. URL: <http://www.idecaf.gov.vn/fr/item/activites-culturelles/evenements-culturels/festival-vietnam-france.html> (дата обращения: 02.06.2020).

3000 учащихся и предлагает курсы повышения квалификации для преподавателей. В 2019 г. Министерство просвещения Вьетнама и АУФ подписали соглашение об укреплении сотрудничества: в сфере образования, науки, общества¹⁹. В том же году прошла неделя Франкофонии, к которой был приурочен финал конкурса на лучший диктант на французском языке, организованы выставки, презентации книг, круглые столы, концерты, спортивные и кулинарные мероприятия²⁰.

С 2010 г. начата программа “*Plan 2020*”, переименованная на “*Plan 2025*”, она определяет место иностранных языков в образовательной системе Вьетнама (статус, количество часов, лет и т.д.). Французский представлен как первый иностранный язык в средней школе, как факультатив и как второй иностранный (37 000 человек в 2009 г., 26 000 – в 2016 г.), он преподается в билингвальных классах. Из статистических выкладок, представленных в отчете Информационного Центра МОФ (*Observatoire de la langue française*), видно, что темпы развития французского языка на разных уровнях образования и в различных функциях резко идут на спад²¹.

В XXI в. регион страдает от нехватки преподавателей французского языка. В частности, во Вьетнаме в билингвальных классах число изучающих французский падало: в 2006 – 16 951 учащихся, в 2011 – 14 056, как и число преподавателей: 433 человека в 2006 г., 303 – в 2011 г. [Journaud, 2013: 63] В 2011 г. число преподавателей снизилось на 26.89%, что объясняется недостаточным педагогическим образованием, отсутствием программ поддержки преподавателей, нагрузкой сверх нормы (минимум 50 учеников в классе) [Van Dinh, 2010]. Из данных о повседневном бытовании французского языка, например, из блога преподавателя-экспата 2011 г. известно, что франкофония «почти невидима»: в объявлениях во время полета в кампании *Vietnam Airlines* до Парижа не звучит французский язык²².

---

¹⁹ La francophonie, passeport pour l’avenir // Le Courrier du Vietnam. URL: <https://www.lecourrier.vn/la-francophonie-passeport-pour-lavenir/660351.html> (дата обращения: 02.06.2020).

²⁰ Там же.

²¹ L’enseignement du et en français dans les pays d’Asie de l’Est et du Sud-Est. Etude de David Bel. Pour l’Observatoire de la langue française de l’OIF. 2018. URL: <http://observatoire.francophonie.org/wp-content/uploads/2018/11/Etude-Apprentissage-francais-Asie-SE-D-Bel.pdf> (дата обращения: 02.06.2020).

²² Ф. Гаран. Блог преподавателя французского языка. Voici un témoignage d’un jeune français qui voudrait travailler pour la Francophonie, mais... URL: https://www.francophonie-avenir.com/Archives/Index_FG_Temoignage_d-un_expatrie_de_la_langue_francaise.htm (дата обращения: 02.06.2020).

Это очень яркий пример, который приводят многие путешественники²³.

Камбоджа, Лаос и Таиланд. «Говорить об Азии – значит рассуждать одновременно о прошлом и о будущем»²⁴, – писал в 1997 г. бельгийский политолог Р. Женнар. Вспоминая историю французского языка в Камбодже, он отмечает, что этот язык преподавался, использовался чиновниками, политиками, бизнесменами, существовало несколько журналов на французском, но французский не является больше языком-посредником ни в одной из сфер²⁵. Автор связывает его регресс с доминирующей ролью английского языка в регионе ввиду административных, экономических и военных факторов: в 1970-х годах гражданская война и режим красных кхмеров привели к гибели 1 500 000 человек, из них 90% были образованными гражданами, большинство из которых говорили по-французски. Из оставшихся в живых малый процент владел французским языком, по свидетельствам министра культуры и искусств, ученого Сакони Фурнг [Phoeurng, 2010: 75]. В 1990-е годы в Камбодже появился Альянс Франсэз. В 1991 г. в Камбодже было вновь открыто посольство Франции. Конституция 21 сентября 1993 г. вернула в школьные программы изучение любых иностранных языков. Сотрудничество с Францией помогло привезти в страну учебники по французскому языку, организовать стажировки для преподавателей. В том же 1993 г. МОФ выделила значительные средства для возобновления присутствия франкофонии в Камбодже²⁶. К 1994–1995 гг. изучающих французский насчитывалось 227 000 человек [там же]. 12 марта 2008 г. министр образования Камбоджи выпустил директиву о преподавании французского языка как второго в семи провинциях (из 24), где есть двуязычные классы, выделив на французский язык два часа в неделю [Phoeurng, 2010: 76]. Ограничение количества часов было связано с малым количеством преподавателей. Однако к 2015 г. на французском языке в Камбодже говорило уже 423 000 человек.

К 2019 г. французский язык является языком преподавания в Технологическом Институте Камбоджи, Университете Наук и Здо-

---

²³ Например: *Nga Ph.Th.A.* “La présence de la langue française au Vietnam, entre rêve et opportunités”, blog personnel. 02.08.2011. URL: <http://phamthianhnga.blogspot.fr/2011/08/la-presence-de-la-langue-francaise-au.html> (дата обращения: 01.06.2020).

²⁴ *Jennar R.* La francophonie en Asie: Cambodge, Laos et Viêtنام // *Politique et Sociétés.* 1997. № 16 (1). P. 119. URL: <https://doi.org/10.7202/040052ar> (дата обращения: 04.02.2020).

²⁵ Там же. P. 220.

²⁶ *Situation de la langue française au Vietnam, au Cambodge et au Laos.* URL: <https://www.senat.fr/questions/base/1993/qSEQ931003389.html> (дата обращения: 04.02.2020).

ровья, Королевском Университете Пном Пен, Королевском Университете Агрономии, Университете изящных искусств, Королевской Школе администрирования, что открывает для французского языка различные области применения. Ежегодно два вуза выпускают 85 преподавателей: Королевский Университет Пном Пен и Государственный Институт Образования.

Преподаватели объединены соответствующей Ассоциацией (*Association des professeurs de français du Cambodge*), которая является членом FIPF (Международная федерация преподавателей французского языка). Но Камбодже, как и всему юго-восточному региону, недостает преподавателей: в 2018 г. нехватка оценивалась в 1000 человек²⁷; иностранное инвестирование было приостановлено в 2015 г., после чего число преподавателей резко сократилось.

Несколько лет назад Камбоджа выработала языковую политику, нацеленную на внедрение французского языка как одного из двух преподаваемых иностранных языков, а также на вхождение во франкоязычный мир. Поскольку в регионе сильно влияние китайского языка, объяснить населению необходимость изучать французский – непростая задача. Даже при наличии политической франкоязычной элиты это крайне сложно: возраст приближается к пенсионному²⁸, и семейные связи с Францией уже теряются в поколениях.

В 1974 г. в Лаосе на законодательном уровне предпочтение было отдано лаосскому языку²⁹, до этого периода французский имел статус языка образования в средней школе, работы и дипломатии. В 1990 г. языковой пейзаж изменился: французский язык был введен как язык для изучения, опередив английский³⁰. В 2009 г. был выпущен закон, вводящий в школьную систему обязательное изучение двух иностранных языков: английского и на выбор – французского, китайского, японского и вьетнамского.

В пяти университетах, входящих в АУФ, доступно образование на французском языке: например, в Государственном Университете Лаоса, где была открыта первая кафедра французского языка в 1996 г. (к 2017 г. в нем работает 17 преподавателей французского³¹) и Университете Саваннакхет.

Лаос страдает не только от нехватки преподавателей, но и низкого уровня их подготовки – средний уровень определен как А2 по шкале Европейских компетенций владения иностранным

---

²⁷ L'enseignement du et en français... Op. cit.

²⁸ Там же.

²⁹ Jennar R. Op. cit. P. 124.

³⁰ Situation de la langue française au Vietnam... Op. cit.

³¹ Там же.

языком³². При конкуренции с английским и китайским языками французский проигрывает.

Французский язык популярен в Таиланде, это объясняется привязанностью к нему королевской семьи: бывший король Рама IX и его сестра Принцесса Галяни владели французским языком, большую часть детства они провели в романской Швейцарии. В 1977 г. принцесса создала Таиландскую Ассоциацию Преподавателей французского языка (*Association Thaïlandaise des Professeurs de français*). К 2019 г. в нее входили 530–550 преподавателей, большая часть из которых предпенсионного возраста. Дочь короля, принцессу Сиридон, называют «крестной» Альянс Франсэз в Бангкоке, учитывая ее роль в продвижении французского языка в регионе. В Таиланде существует четыре университета, являющихся частью АУФ³³. Однако из отчетов о французском языке в Таиланде складывается отнюдь не оптимистичная картина франкофонного присутствия.

Заключение. Обобщим данные, собранные путем анализа отчетов³⁴, в сравнительную таблицу с числом изучающих французский язык в ряде стран Юго-Восточной Азии за последние 20 лет. Из приведенной таблицы напрашивается вывод о том, что кульминация популярности французского языка пришлась на середину 1990-х и начало 2000-х годов.

Таблица

Количество изучающих французский язык в Юго-Восточной Азии

1991	1994	2001	2013	2018
Вьетнам – 63 253 тыс. человек	Камбоджа – 176 000	Вьетнам – 123 539	Вьетнам – 145 000; Камбоджа – 100 000; Лаос – 40 000; Таиланд – 50 000 [Journoud, 2013: 50]; средний показатель: 83 750	Вьетнам – 70 000; Камбоджа – 45 000; Лаос – 70 000; Таиланд – 35 000; средний показатель: 55 000

Как было отмечено в статье, проблемы и спад интереса к французскому языку связаны с отсутствием четко структурированной языковой политики (хотя французский язык доступен к изучению на всех ступенях образования), а также с нехваткой финансирования,

³² Там же.

³³ L'enseignement du et en français... Op. cit.

³⁴ Situation de la langue française au Vietnam... Op. cit.; L'enseignement du et en français... Op.cit.; [Journoud, 2013: 58].

а следовательно, кадров или их компетентности. Тем не менее французский язык воспринимается как язык культуры и доступ к элитному образованию. В подтверждение предсказания Реклю можно сделать вывод, что французский язык на территории бывшего Индокитаея не унифицирован, поэтому является в большей степени языком социального и культурного различия.

Присутствие французского языка в Юго-Восточной Азии в будущем зависит от действий франкофонных организаций и желания иностранных партнеров вкладывать средства в развитие языка на исследуемой территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гак В.Г., Мурадова Л.А.* Введение во французскую филологию: Учебник и практикум для академического бакалавриата. М., 2016.
2. *Едличко А.И.* Коммерциализация языка в аспекте языковой политики государства // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2017. № 4. С. 118–127.
3. *Загряжкина Т.Ю.* Центр и периферия Франкофонии: франкоязычная Африка и роль чувства в защите языка // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2018. № 4. С. 48–59.
4. *Золина Д.М.* Французский язык как фактор распространения французского влияния в мире (на примере Канады, Ближнего Востока и Азии) // *Язык и культура. Материалы международной научной конференции.* Киев, 2009. С. 54–63.
5. *Крюкова О.А.* Эпилингвистическая составляющая политического дискурса (на примере выступлений франкоязычных политиков) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2019. № 2. С. 36–44.
6. *Лаврова Е.В.* Франкофония: история и современность // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения.* 2004. № 1. С. 149–155.
7. *Моисеева Д.П.* «Восточный Париж» Вьетнама // *Франкоязычные культуры: проблемы языка и общества / Под ред. Т.Ю. Загряжковой.* М., 2011. С. 220–222.
8. *Смирнова О.А., Золина Д.М.* Международная организация Франкофония – вектор влияния и инструмент солидарности // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения.* 2012. № 1. С. 106–111.
9. *Тхе Т.* Чтобы французский язык развивался, необходимы изменения // *Нянзан.* 2017. 18 нояб. URL: <https://ru.nhandan.com.vn/nhipcauhungghi/item/714650> (дата обращения: 04.02.2020).
10. *Чернов И.В.* Международная организация Франкофония: лингвистическое измерение мировой политики. СПб., 2006.
11. *Daniel V.* La francophonie au Vietnam. Paris, 1992.
12. *Durand Ch.* Avenir de la langue française. 2012. 6 мая. URL: <http://www.avenir-langue-francaise.fr/articles.php?lng=fr&pg=840&tconfig=0> (дата обращения: 02.06.2020).
13. *Francard M.* Quelle(s) francophonie(s) pour quels francophones? // *Anadis. Discours et identité(s).* 2015. № 19. Suceava: Tipografia Universității Suceava. P. 211–224.
14. *Journoud P.* Stratégies francophones au Vietnam // *Francophonie et profondeur stratégique / Dir. N. Bagayoko, F. Rameil. Etudes de l'IRSEM.* 2013. № 26. P. 50–67.

15. *Llorca R.* La Francophonie, élément d'influence de la France pour le XXIe siècle. 2014–2015. URL: https://www.academia.edu/21056991/La_Francophonie_%C3%A9l%C3%A9ment_dinfluence_de_la_France_pour_le_XXI_si%C3%A8cle (дата обращения: 02.06.2020).
16. *Marcoux R., Harton M.-E.* Et demain la francophonie : essai de mesure démographique à l'horizon 2060 // Cahiers de l'ODSEF. 2012. URL : http://observatoire.francophonie.org/wp-content/uploads/2016/11/odsef_cahiers_marcoux_web.pdf (дата обращения: 02.06.2020).
17. *Phoeurng S.* La Francophonie, cela existe-t-il encore en Asie? // *Géoéconomie*. 2010. № 55. Editions Choiseul. P. 71–79.
18. *Trang Ph.Th.H.* La francophonie au Vietnam, du fait colonial à la mondialisation: un enjeu identitaire: thèse de sciences politiques sous la direction des professeurs Jean-Paul Joubert et Tran Van Minh, Université Jean-Moulin Lyon 3, 2005.
19. *Van Dinh V.* L'enseignement du français au Vietnam: état des lieux, défis et opportunités // *Le français et la diversité francophone en Asie-Pacifique*. 2ème Congrès de la CAP-FIPF. Sydney, 2010. P. 319–326.

Elizaveta A. Nevezhina

**FRENCH IN SOUTHEAST ASIA:
ISSUES AND TRENDS IN MODERN LANGUAGE POLICY**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article deals with the region of Southeast Asia – the former Indochina as part of the research of the Francophonie area. French is used and taught in almost all countries in the region, of which four countries – Cambodia, Laos, Vietnam and Thailand – were selected for this study in accordance with their membership in the International Organization of Francophonie (OIF). The relevance of the article is due to the fact that the rates of development of the French language in the Asian region are falling because of many factors, including the domination of the English and Chinese languages, the lack of clear language policy strategies, the closure of programs which support teaching French, and as a result – a lack of resources. The materials used for the article are statistical data from different years, reports of the activities of educational organizations to assess the dynamics, the French-speaking mass media of Vietnam, blogs, statements by local representatives of the political and intellectual elite to analyze the linguistic situation in the region. It turns out that the French-speaking Asian society faces a number of challenges: improving the image of the French language, increasing the rate of spread of the language, developing a language policy designed to promote the language, and searching for investment. The priorities of the Asian French-speaking community are identified, including: increasing motivation to learn French; determination of the status and functions of the French language in the region; coordination of the actions of the authorities involved in the promotion of the French language; initiation of teacher support and ICT programs.

Key words: French; Southeast Asia; language policy; language situation; Francophonie.

About the author: *Elizaveta A. Nevezhina* – PhD in Philology, Assistant Professor at Department of French Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: liza031190@rambler.ru).

REFERENCES

1. Gak V.G., Muradova L.A. 2016. *Vvedenie vo frantsuzskuyu filologiyu: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata* [Introduction to French Philology: Textbook and Workshop for Academic Bachelor's Degree]. Moscow, Yurait. (In Russ.)
2. Edlichko A.I. 2017. Kommertsializatsiya yazyka v aspekte yazykovoi politiki gosudarstva [The commercialization of language in the context of state language policy]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 118–127. (In Russ.)
3. Zagryazkina T.Yu. 2018. Tsentri i periferiya Frankofonii: frankoyazychnaya Afrika i rol' chuvstva v zashchite yazyka [The center and the periphery of Francophonie: french-speaking Africa and the role of feeling in the protection of language]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 48–59. (In Russ.)
4. Zolina D.M. 2009. Frantsuzskii yazyk kak faktor rasprostraneniya frantsuzskogo vliyaniya v mire (na primere Kanady, Blizhnego Vostoka i Azii) [French as a factor in the spread of French influence in the world (on the example of Canada, the Middle East and Asia)]. *Yazyk i kul'tura. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Language and culture. Materials of the international scientific conference]. Kiev, NANU, pp. 54–63. (In Russ.)
5. Kryukova O.A. 2019. Epilingvisticheskaya sostavlyayushchaya politicheskogo diskursa (na primere vystuplenii frankoyazychnykh politikov) [Epilinguistics in political discourse – a case study of French politicians performances]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 36–44. (In Russ.)
6. Lavrova E.V. 2004. Frankofoniya: istoriya i sovremennost' [Francophonie: history and modernity]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [RUDN Bulletin. Series: International Relations], no. 1, pp. 149–155. (In Russ.)
7. Moiseeva D.P. 2011. "Vostochnyi Parizh" V'etnama ["East Paris" of Vietnam]. In T.Yu. Zagryazkina (ed.) *Frankoyazychnye kul'tury: problemy yazyka i obshchestva* [Francophone cultures: problems of language and society]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 220–222. (In Russ.)
8. Smirnova O.A., Zolina D.M. 2012. Mezhdunarodnaya organizatsiya Frankofoniya – vektor vliyaniya i instrument solidarnosti [International organization Francophonie – a vector of influence and an instrument of solidarity]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional studies. International relationships], no. 1, pp. 106–111. (In Russ.)
9. Tkhe T. 2017. Chtoby frantsuzskii yazyk razvivalsya, neobkhodimy izmeneniya [Changes are needed for the French language to develop]. *«Nyanzan» Newspaper*. URL: <https://ru.nhandan.com.vn/nhipcauhungghi/item/714650> (accessed: 04.02.2020).
10. Chernov I.V. 2006. *Mezhdunarodnaya organizatsiya Frankofoniya: lingvisticheskoe izmerenie mirovoi politiki* [International Organization Francophonie: the linguistic dimension of world politics]. Saint-Petersburg, SPbGU. (In Russ.)
11. Daniel V. 1992. *La francophonie au Vietnam*. Paris, L'Harmattan.

12. Durand Ch. 2012. *Avenir de la langue française*. URL: <http://www.avenir-langue-francaise.fr/articles.php?lng=fr&pg=840&tconfig=0> (accessed: 02.06.2020).
13. Francard M. 2015. Quelle(s) francophonie(s) pour quels francophones? *Anadis. Discours et identité(s)*, no. 19. Suceava, Tipografia Universității Suceava, pp. 211–224.
14. Journoud P. 2013. *Stratégies francophones au Vietnam*. In N. Bagayoko, F. Rameil (eds.) *Francophonie et profondeur stratégique*. Etudes de l'IRSEM, no. 26, pp. 50–67.
15. Llorca R. 2014–2015. *La Francophonie, élément d'influence de la France pour le XXIe siècle*. URL : https://www.academia.edu/21056991/La_Francophonie_%C3%A9l%C3%A9ment_dinfluence_de_la_France_pour_le_XXI_si%C3%A8cle (accessed: 02.06.2020)
16. Marcoux R., Harton M.-E. 2012. Et demain la francophonie : essai de mesure démographique à l'horizon 2060. *Cahiers de l'ODSEF*. URL : http://observatoire.francophonie.org/wp-content/uploads/2016/11/odsef_cahiers_marcoux_web.pdf (accessed: 02.06.2020)
17. Phoeurng S. 2010. La Francophonie, cela existe-t-il encore en Asie? *Géoéconomie*, no. 55. Editions Choiseul, pp. 71–79.
18. Trang Ph.Th.H. 2005. *La francophonie au Vietnam, du fait colonial à la mondialisation: un enjeu identitaire*: thèse de sciences politiques sous la direction des professeurs Jean-Paul Joubert et Tran Van Minh, Université Jean-Moulin Lyon 3.
19. Van Dinh V. 2010. L'enseignement du français au Vietnam: état des lieux, défis et opportunités. *Le français et la diversité francophone en Asie-Pacifique. 2ème Congrès de la CAP-FIPF*. Sydney, pp. 319–326.

В.Е. Смирнова

**ДИНАМИКА СМЫСЛОВОГО СОДЕРЖАНИЯ
ЭТНОНИМОВ РОССИИ В ДИСКУРСЕ ФРАНЦУЗОВ
XVII–XVIII вв.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена изучению смыслового содержания этнонимов России в письменном дискурсе французов, начиная с XVII в. и до периода активных культурных контактов. Объект исследования – этнонимическая лексема Tartare(s), которая является константой франкоязычных свидетельств, поэтому ее содержание может рассматриваться как часть культурных представлений французов об этническом составе России на данном историческом этапе. Смысловое содержание анализируется с учетом концепции российского лингвиста В.А. Никонова, согласно которой в названии этнических общностей можно выделить несколько планов значений: доэтнонимическое или этимологическое значение; отэтнонимическое, которое может и не развиваться; и собственно этнонимическое, соотнесенное с обозначаемым объектом. Проблемным аспектом определения смыслового содержания этнонимов является неоднозначность соотнесенности названия и обозначаемого им объекта. В результате исследования были выделены основные составляющие смыслового содержания этнонима Tartare(s) такие, как: внешние признаки монголоидной расы; мусульманское вероисповедание; субэтническое деление на казанских, ногайских и крымских татар; разобщенное территориальное расположение; особенности взаимодействия с Россией. Анализ динамики выявил тенденции изменения смыслового содержания этнонима Tartare(s), коннотации которого сдвигаются за указанный период в сторону положительных значений. Образ врага, применительно к этнической общности, в представлении французов меняется на образ союзника и российского подданного. Этому факту способствовали углубление территориальной и культурной разобщенности татар и частичная ассимиляция татарского народа в российской культуре. Опыт прямого или опосредованного культурного взаимодействия позволил французам идентифицировать объекты номинации этнонима Tartare(s) и расширить объем его дополнительных значений.

Ключевые слова: этнонимы; Tartare(s); дискурс французов; монголы; народы России; XVII–XVIII вв.; татарские субэтноты; культурные представления; образ врага; смысловое содержание; культурное взаимодействие.

Смирнова Вера Ефимовна – соискатель, старший преподаватель кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: veras777@mail.ru).

Этнонимы содержат сведения о территории, истории, культуре, этнических характеристиках народа, которые подразумеваются при упоминании названия данной этнической общности. Способность к образованию разнообразных коннотаций стала причиной формирования разных точек зрения на проблему включения этнонимов в состав ономастической лексики, но исследователи этнонимии не подвергают сомнению богатство смыслового содержания этнонимов. Российской ономатолог В.А. Никонов, полагавший, что названия этнических общностей являются частью ономастического пространства, выделял у этнонимов несколько планов значений: доэтнонимическое или этимологическое значение, которое в процессе существования этнонима часто утрачивается; отэтнонимическое, которое может и не развиться; собственно этнонимическое, соотношенное с обозначаемым объектом [Никонов, 1970: 13]. Иного мнения придерживалась А.В. Суперанская, соглашаясь с В.А. Никоновым в вопросе исследования структуры значений этнонимической лексики. Она полагала, что этнонимы не входят в ономастические категории, и обоснованием этого тезиса является не только их способность к коннотации, но и проблема неопределенности денотата на разных этапах существования названия [Суперанская, 2007: 205–210].

Одно название может присваиваться разным народам. В то же время один и тот же народ может иметь самоназвание и названия, которые ему присвоены другими народами. Французский лингвист Э. Бенвенист, исследуя этимологию слов *раб* и *свободный человек* в разных языках, пришел к выводу, что язык этноса заимствует название раба у другого народа [Бенвенист, 1974: 368]. Таким образом, значения этнонима другого народа располагаются в семантическом поле слова *чужой*: гость, чужестранец, враг.

С учетом данных положений проанализируем этноним *Tartare(s)* в текстах французских авторов Ж. Маржерета и Ж.-Ш. д'Отроша, посетивших Россию в XVII и в XVIII вв. соответственно. Этноним имеет достаточно высокую частотность употребления: 23% и 15% названий всех этнических сообществ каждого документа, что позволяет считать его частью культурных представлений французов о русском географическом пространстве данного периода. Т.Ю. Загряжкина выделяет среди коллективных представлений референтные, которые служат источником знаний, и они необязательно предшествуют индивидуальному опыту [Загряжкина, 2013: 55].

Названия многих этнических общностей – древние слова с утраченной первоначальной семантикой [Суперанская, 2007: 209]. Многие ученые сходятся во мнении, что этнонимическая лексема *татары* относится к ряду тюркских этнонимов с элементом *-ар*, значение которого восходит к словам *человек, мужчина*. Первый компонент

tat, по версии Д.Е. Еремеева, может быть сопоставлен с тюркским названием древнего иранского населения тат, обозначающего *чужой, иноплеменник* [Агеева, 2000: 293].

Этимология этнонимов чужой культуры, как правило, неочевидна для иностранцев. Но можно предполагать, что в исследуемом историко-культурном контексте слово *Tartare(s)* не было для французов незначимым. До XVIII в. даже для русских многие восточные этнические группы объединялись недифференцированным этнонимом *татары* [Никонов, 1970: 11]. В европейских странах татарами называли прежде всего монголов, которые в XII–XIII вв. покорили часть Европы. По мнению исследователя этнонимов России Р.А. Агеевой, монголы на раннем этапе своих завоеваний приняли имя *татары* и распространили его на население покоренных территорий.

Нашествие монголов наводило ужас на многие народы, и в языках западной Европы этноним *татары* ассоциировался с Тартаром – царством мертвых [Агеева, 2000: 294]. В картине мира западноевропейцев существовала мифическая страна Тартария, которая была синонимом Азии, Сибири или даже всей России. Географ и культуролог Н.В. Калуцков полагает, что в рамках подобного мировидения тартарами могли обозначать также и русских, как жителей далекой, неизвестной земли [Калуцков, 2018: 97]. Можно сказать, что этноним *татары* в сознании европейцев не только соотносился со своим этимологическим значением *чужой человек*, но и имел дополнительную каннотацию, основанную на отэтнонимическом значении лексемы, сдвигающей семантику слова *чужой* в область отрицательных характеристик: пугающий, враждебный.

Для того чтобы проанализировать этнонимический план содержания лексемы *татары* в представлении французов, необходимо определить, кого в своем рассказе они обозначали этнонимом *Tartare(s)*. В связи с этим интерес представляет фрагмент повествования, в котором Ж. Маржерет описывает внешность народов Сибири. Народы эти, по мнению француза, внешне напоминают татар, именуемых ногаями (*des Tartares dits Nagae*): невысокого роста, лицо уплощенное и широкое, маленькие глаза, смуглые, носят длинные волосы, редко имеют бороду. В данном случае татары являются обобщенным референтом при описании других незнакомых этносов.

Ж. Маржерет не только разделяет татар и соседствующие народы, но и дифференцирует татар внутри своей этнической группы. В рассказе французского капитана кроме ногайских татар упоминаются также татары крымские (*le Tartare dit Krim*). В тексте Ж. Маржерета четко выражен территориальный компонент этнической идентичности: татары населяли области, прилежащие к Казани; ногайские татары располагаются за Волгой; крымские татары занимают южные

области европейской части континента. Француз также разделяет татар с точки зрения участия в исторических событиях: ногайские татары вместе с турками держали осаду Астрахани в 1569 г.; крымские татары участвовали на стороне Османской империи в военных действиях в Венгрии в конце XVI в.

В целом этноним *Tartare(s)* в рассказе Ж. Маржерета чаще всего соотносится с образом врага: «*il fait courir le bruit que le Tartare venoit pour fourrager la Russie (распустили слух, что татарский хан идет разорять Россию)*» [Margeret, 1855: 15]. Но, как следует из контекста, татарские набеги зачастую являются лишь слухами, которые используются в политических играх. Масштабы набегов уже не такие большие: татары нападают на границах России, в основном для того, чтобы грабить.

Рассматривая употребление французом этнонима *ногайские татары*, нужно отметить, что название подобного субэтноса не фигурирует в современных официальных названиях субэтносов татарского народа, но его употребление характерно для периода XVI в. Так этноним *Nagayski Tartare* отмечен на карте России С. Герберштейна, изданной в 1546 г. [Кордт, 1899]. Информация о народах российских территорий могла быть частью фоновых знаний француза о России, но об источниках автор не упоминает.

В отличие от Ж. Маржерета, Ж.-Ш. д'Отрош отсылает читателя к обширному материалу, формирующему знания о народах России, с которыми он приехал в страну: книга И.-Г. Гмелина «*Voyage en Sibirie (Путешествие в Сибирь)*»; труд Вольтера «*Histoire de la Russie (История России)*»; книга Аббата Прево «*Histoire générale des voyages (Всеобщая история путешествий)*».

В свидетельстве Ж.-Ш. д'Отроша, основанном на теоретическом материале, значение этнонима *Tartares* также располагается в семантическом поле слова *враг*: *incursions des Tartares (набегу татар)*, *Hordes Tartares (татарские орды)*. По словам француза, орды татар живут на границе России, и русские вынуждены постоянно держать войска на границе страны от озера Байкал до Польши, чтобы охранять империю от набегов татар [D'Aueroche, 1768: 257–263].

Фоновые культурные знания об этносах России позволяют французу решать проблему соотнесенности этнонима *Tartare(s)* и называемого объекта с высокой степенью исторической достоверности. Приведем фрагмент текста, в котором проявляется понимание французом сложности и многообразия формирования этноса, обозначаемого как *Tartars*: «*dans la Nation des Calmouks Zongores... Galdan Tcheren... était Kan des Tartars (в народе калмыков джунгаров... Галдан – Цэрэн... был ханом татар)*» [D'Aueroche, 1768: 246–

297]. Действительно, этногенез калмыков связан с протомонгольскими племенами Центральной Азии, в частности, с древними ойратами, которые в период правления Чингисхана вошли в состав части Монгольской феодальной империи, называемой Джунгария [Агеева, 2000: 139].

Интерес представляют собственные наблюдения французского путешественника. В свидетельстве Ж.-Ш. д'Отроша, очевидца, этноним *Tartare(s)* получает новые значения, отличные от образа врага. Он отмечает дружелюбие, гостеприимство, щедрость татар. Они угощали его медом, сливочным маслом и овощами. Коллективное переживание вкуса хорошей еды является «одним из факторов формирования позитивной этнически маркированной региональной идентичности» [Борисова, 2019: 81]. Положительный образ дополняют такие характеристики, как чистоплотность в быту, доброе отношение к своим женам, благородство в одежде. Он замечает признаки обрусения оседлых татар Казани, позитивное отношение к ним со стороны властей и их преданность «суверену». В конце путешествия Ж.-Ш. д'Отрош, критически осмысливая свои фоновые знания об этнокультурах, пишет, что некоторые авторы отнесли вотяков к числу татар, но он не увидел никакой связи между этими народами. Последнее утверждение иллюстрирует эволюцию смыслового содержания этнонима *Tartare(s)* в результате межкультурного взаимодействия.

Анализ полученных данных позволяет выделить смысловое содержание лексемы *Tartare(s)* в свидетельствах французов XVII и XVIII вв. Оно представлено следующим образом:

XVII век: внешние признаки монголоидной расы; мусульманское вероисповедание; субэтническое деление на казанских, ногайских, крымских татар; территориальное расположение в области Казани, территорий за Волгой, южных районах России и Крыма; особенности взаимодействия татар с Россией: за пределами России татары – союзник Турции, враг, наносящий ущерб на российских границах, в пределах России – народ, сотрудничающий с русской властью.

XVIII в.: увеличивается территориальная и культурная разобщенность татар; выделяются татары – враги России, кочующие за южными границами страны, и татары Казани, частично ассимилирующиеся в российской культуре, характеристики этнической идентичности которых сдвигаются в сторону положительного в представлении француза.

Опыт культурного взаимодействия позволил французским путешественникам идентифицировать объекты номинации этнонима *татары* и расширить объем его дополнительных значений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агеева Р.А.* Какого мы роду-племени? М., 2000.
2. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
3. *Борисова И.З.* Блины / Стêpes как маркер бретонской региональной идентичности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 4. С. 80–87.
4. *Загряжкина Т.Ю.* Речь о французском языке и проблема языкового многообразия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 52–63.
5. *Калуцков В.Н.* Gratter le Russe et vous trouverez le Tartare, или о судьбе одной мифологической страны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 87–99.
6. *Кордт В.А.* Материалы по истории русской картографии. Вып. I: Карты по всей России и южных ея областей до половины XVII века. Прил. XI. Киевъ: Типографія С.В. Кульженко, 1899.
7. *Никонов В.А.* Этнонимия // Этнонимы: Сб. статей / Отв. ред. В.А. Никонов. М., 1970. С. 4–30.
8. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. М., 2007.
9. *D'Auteroche J.-C.* Voyage en Sibérie. Vol. 1. P., 1768.
10. *Margeret (Capitaine), Chevreul H.* Etat de l'Empire de Russie et grande duché de Moscovie. P., 1860.

Vera E. Smirnova

DYNAMICS OF SEMANTIC CONTENT OF RUSSIAN ETHNONYMS IN THE DISCOURSE OF THE FRENCH OF THE XVII–XVIII CENTURIES

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is devoted to the study of the semantic content of Russian ethnonyms in the written discourse of the French from the XVII century to the period of active cultural contacts. The object of the research is the ethnonymic lexeme Tartare(s), which is a constant of francophone testimonies, so its content can be considered as a part of the cultural representations of the French about the ethnic structure of Russia at this historical period. The semantic content is analyzed by taking into account the concept of the Russian linguist V.A. Nikonov, according to which the name of ethnic communities can be divided into several levels of meaning: pre-ethnonymic or etymological meaning; post-ethnonymic, which may not develop; and ethnonymic itself, correlated with the designated object. The problematic aspect of determining the semantic content of ethnonyms is the ambiguity of the correlation between the name and the object designated by it. As a result the main components of the semantic content of the ethnonym Tartare(s) were identified as: appearance of the Mongoloid race; Muslim religion; sub-ethnic division into Kazan, Nogai, and Crimean Tatars; disunited territorial location; features of interaction with Russia. The analysis of dynamics revealed trends in changes in the semantic content of the ethnonym Tartare(s), whose connotations shift over the specified period towards

positive values. The image of the enemy in the view of the French is changing to the image of an ally and a Russian national. The increase in the territorial and cultural disunity of the Tatars and the partial assimilation of the Tatar people in Russian culture contributed to this fact. The experience of direct or indirect cultural interaction allowed the French to identify the objects of the nomination of the ethnonym Tartare(s) and expand the scope of its additional meanings.

Key words: ethnonyms; Tartare(s); French discourse; Mongols; peoples of Russia; XVII–XVIII centuries; Tatar sub-ethnic groups; cultural representations; image of the enemy; semantic content; cultural interaction.

About the author: Vera E. Smirnova – Assistant Professor, Department of French Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: veras777@mail.ru).

REFERENCES

1. Ageeva R.A. 2000. *Kakogo my rodu-plemeni?* [Where did we come from?]. Moscow, Academia Publ. (In Russ.)
2. Benvenist E. 1974. *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. Moscow, Progress Publ. (In Russ.)
3. Borisova I.Z. 2019. *Bliny/Crêpes kak marker bretonskoi regional'noi identichnosti* [Pancakes / Crêpes as a brand of Breton Regional Identity]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 80–87. (In Russ.)
4. Zagrzazkina T.Ju. 2013. Rech' o francuzskom jazyke i problema jazykovogo mnogoobrazija [Speech on the French language and the problem of linguistic diversity]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 52–63. (In Russ.)
5. Kalutskov V.N. 2018. Gratter le Russe et vous trouverez le Tartare, ili o sud'be odnoi mifologicheskoi strany [Scratch a Russian and you will find a Tatar, or about the fate of a mythological country]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 87–99. (In Russ.)
6. Kordt V.A. 1899. *Materialy po istorii russkoi kartografii. Vyp.I: Karty po vsei Rossii i yuzhnykh" eya oblastei do poloviny XVII veka* [Materials on the history of Russian cartography. Issue I: Maps throughout Russia and its southern regions up to the half of the XVII century. Appendix XI.]. Kiev, Printing establishment of C.V. Kulzhenko Publ. (In Russ.)
7. Nikonov V.A. 1970. *Etnonimiya* [Ethnonymics]. In Nikonov V.A. (ed.) *Etnonimy* [Ethnonyms]. Moscow, Nauka Publ, pp. 4–30. (In Russ.)
8. Superanskaja A.V. 2007. *Obshhaja teorija imeni sobstvennogo* [General theory of proper name]. Moscow, LKI Publ. (In Russ.)
9. D'Auteroche J.-C. 1768. *Voyage en Sibérie*. Vol.1. Paris, Chez Debure.
10. Margeret (Capitaine), Chevreul H. 1860. *Estat de l'Empire de Russie et grande duché de Moscovie*. Paris, Chez le Potier.

Е.Е. Анисимова, Т.Е. Финк

**ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
О ЗДОРОВОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ**

**(НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ЖУРНАЛОВ “WOMEN’S HEALTH”
И “STERN. GESUNDELEBEN”)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный лингвистический университет»
119034, Москва, Остоженка 38, стр. 1*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена изучению лингвопрагматического аспекта публицистического дискурса о здоровом образе жизни (на примере журналов “Women’s Health” и “Stern. Gesundleben”). Под публицистическим дискурсом о здоровом образе жизни в статье понимается сопокупность медиатекстов, предметной областью которых является здоровье, способы и средства его укрепления. Лингвопрагматический аспект исследуемого дискурса определяется следующими параметрами: характеристика адресанта / адресата, интенция, тематика, функции, используемые вербальные и невербальные средства. Интенцией дискурса является информирование адресата о проблемах здоровья, популяризация здорового образа жизни, реклама современных средств и способов оздоровления организма. К основным функциям дискурса относятся: информационная; воздействующая; популяризаторская; побудительно-инструктирующая; рекламная функция. Благодаря полифункциональности дискурс о здоровом образе жизни характеризуется гибридность – сочетанием в нем признаков публицистического, научно-популярного и инструктирующего дискурсов. Дискурсу о здоровом образе жизни присуща открытая оценочность, экспрессивность, стремление к оригинальности, эффекту новизны при подаче информационного материала, что сближает его с публицистическим дискурсом. Также ему свойственна объективность, точность, логичность, обоснованность и одновременно простота, доступность при передаче научной информации, т.е. черты научно-популярного дискурса. Дискурс о здоровом образе жизни отличается побудительностью, рекомендательным характером, что

Анисимова Елена Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка в МГЛУ (e-mail: letanisimova@mail.ru).

Финк Татьяна Евгеньевна – соискатель кафедры теории и методики редактирования факультета журналистики в МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: t-fink@mail.ru).

делает его похожим на инструктирующий дискурс. В статье описываются вербальные и невербальные средства, используемые в публицистическом дискурсе о здоровом образе жизни, а также выявляются особенности их функционирования в журналах “Women’s Health” и “Stern. Gesundleben” в зависимости от их целевой аудитории.

Ключевые слова: лингвопрагматический аспект; публицистический дискурс; научно-популярный дискурс; инструктирующий дискурс; здоровый образ жизни; гибридность.

Публицистический дискурс интенсивно разрабатывается в исследованиях отечественных и зарубежных лингвистов [Добросклонская, 2010; Клушина, 2008; Кожина, 2012; Солганик, 2015; Черных, 2007; Гришаева, Пастухов, Чернышева, 2010; Debray, 2003; Hartmann, 2008; Jäckel, 2005; и др.]. Особый интерес представляет изучение полифункциональности и вариативности публицистического дискурса, обусловленных экстралингвистическими факторами.

В настоящей статье рассматривается публицистический дискурс о здоровье. За последние годы глянцевого журналы о здоровом образе жизни вызывают повышенный общественный интерес в связи с ростом их значимости на медиарынке и популярностью у читателей «нового типа» – успешных и активных, для которых важна забота о здоровье и хорошая физическая форма.

До сих пор журналы о здоровом образе жизни изучались в теории коммуникации в аспекте их типологической характеристики, роли и места среди других изданий, а также перспектив их развития [Капкова, 2005; Чукаева, 2010], но публицистическому дискурсу о здоровье все еще уделяется мало внимания.

Материалом исследования послужили немецкие журналы – «Вименз Хелф» (“Women’s Health”)¹ и «Штерн. Гезунтлебен» (“Stern. Gesundleben”)².

Под публицистическим дискурсом о здоровом образе жизни в данной статье понимается *совокупность медиатекстов, предметной областью которых является здоровье*. Лингвопрагматическая характеристика данного дискурса определяется следующими параметрами.

---

¹ Журнал «Вименз Хелф» впервые появился в издательстве “Rodale” в США в 2005 г. Журнал издается по лицензии в 30 странах мира, в том числе и в Германии. Немецкая версия журнала впервые вышла в мае 2011 г. С 2017 г. пост главного редактора занимает Франциска Брухаген.

² Журнал «Штерн. Гезунтлебен» выпускается издательством “Gruner+Jahr” с 2013 г. Выходит каждые два месяца. Главный редактор – Сабина Кортс.

Адресантом дискурса является издательство, создателями текстов являются журналисты, осведомленные в области медицины, спорта, правильного питания и т. д. В отдельных случаях авторами выступают врачи, психологи, косметологи и др.

Адресатом дискурса является массовая аудитория, заинтересованная в здоровом образе жизни. Целевой аудиторией журнала «Вименз Хелф» являются молодые женщины от 25 лет, интересующиеся фитнесом, правильным питанием и уходом за собой. Целевую аудиторию журнала «Штерн. Гезунтлебен» составляют мужчины и женщины среднего и старшего возраста, интересующиеся здоровым образом жизни и проблемами долголетия.

Интенцией дискурса является информирование адресата о проблемах здоровья, мотивирование его внимательно относиться к своему здоровью, популяризация здорового образа жизни и реклама сопутствующих товаров.

Тематика дискурса охватывает все составляющие здорового образа жизни: от сугубо медицинских тем и спорта до здоровой пищи и активного отдыха и т.д. Вместе с тем каждое из анализируемых изданий тяготеет к определенному кругу тем.

Для журнала «Вименз Хелф» это темы, связанные с женским здоровьем и стремлением женщины быть привлекательной: отношения, спортивная форма, похудение, косметика, секс и т.п. Журнал делает упор на профилактику, а не на лечение заболеваний. Он пропагандирует образ здоровой, сильной, молодой женщины, о чем свидетельствуют названия публикаций: *“Ich wünsche mir mehr Muskeln”*, *“In 15 Minuten tolle Arme und ein top Bauch”*, *“Bin ich gut im Bett?”*

Темы журнала «Штерн. Гезунтлебен» посвящены возрастным заболеваниям и изменениям в организме человека. К наиболее востребованным темам относятся нарушение сна, гормональные сбои, депрессия, возрастные заболевания, их профилактика, симптомы и лечение и т.п. Об этом говорят названия публикаций: *“Bauch&Psyche”*, *“Astma&Schwimmen”*, *“Sport statt Pillen”*, *“Das Wunder der Selbstheilung”*, *“Wie wir unserem Körper helfen gesund zu werden”*.

Функции изучаемого дискурса включают не только *воздействующую* и *информационную*, в целом присущие публицистике [Глушак, 1981], но также и *популяризаторскую*, *побудительно-инструктирующую* и *рекламную*.

Популяризаторская функция заключается в том, что дискурс не только знакомит с научными медицинскими знаниями, способами профилактики и лечения, но и способствует их распространению в

своей читательской аудитории, популяризирует здоровый образ жизни. В этом исследуемый дискурс похож на научно-популярный дискурс. Данная функция проявляется прежде всего в таких жанрах, как статья, интервью и дневник врача.

Побудительно-инструктирующая функция состоит в том, что данный дискурс призван мотивировать и побуждать читателей вести здоровый образ жизни. Побудительность заложена в содержании подавляющего числа публикаций в обоих изданиях, так как они предлагают читателю полезные модели поведения, способы профилактики и лечения заболеваний и т.п. Особое место в дискурсе занимают такие жанры, как советы, комплекс упражнений, хозяйке на заметку, кулинарный рецепт, ответ специалиста и др. Благодаря этой функции изучаемый дискурс сближается с инструктирующим дискурсом.

Рекламная функция дискурса заключается в том, что он предлагает товары и услуги, представляющие интерес для читателей [Добросклонская, 2008]. В журнале «Штерн. Гезунтлебен» рекламируются соответствующие товары: лекарства, витамины, медицинские приборы, ортопедическая обувь и др. В то же время в журнале «Вименз Хелф» широко представлена реклама одежды, аксессуаров, косметики, бытовой техники и т.д.

Ключевыми для изучаемого дискурса являются лексические единицы из тематических групп: **здоровье**, например, *die Gesundheit, gesund leben / essen, gesunder Lebensstil / gesunder Lifestyle*; **организм**, например, *der Organismus, der Körper, das Gehirn, der Rücken*; **медицина**, например, *der Arzt, die Arznei, die Therapie, die Homöopathie*; **болезнь**, например, *der Schmerz, die Leiden, die Allergie, die Entzündung*; **исцеление**, например, *die Heilung, die Heilkraft, die Heilmethode, der Heilungsprozess*.

Являясь разновидностью публицистического дискурса, дискурс о здоровом образе жизни воздействует на рационально-логический и эмоциональный типы сознания [Воронцова, 2008]. Благодаря своей специфике для вербального и паралингвистического оформления данного дискурса характерна **гибридность**: сочетание признаков публицистического, научно-популярного и инструктирующего дискурсов.

Признаками публицистического дискурса являются открытая оценочность, экспрессия, стремление к оригинальности, развлекательность [Кожина, 2012]. Этому служат:

1. Средства образности. Излюбленным тропом является олицетворение частей тела, органов, например, олицетворение спины: *“Bitte, lieber Rücken, werde schmerzfrei”*; олицетворение живота: *“Was*

sagt der Bauch?”; олицетворение колен: “*Knie lieben Radfahren, weil sie dabei mit Gelenkflüssigkeit durchspült werden*”.

Нередко средства образности связаны с бытовыми сюжетами из жизни женщин, прежде всего с ведением домашнего хозяйства и кулинарией, например в статье об ощущениях женщины во время пробежки, хрипы в легких сравниваются со стрекотом швейной машины: “*Schon nach der ersten Runde brennen die Oberschenkel wie Feuer, nach der zweiten rasselt die Lunge wie eine nostalgische Nähmaschine*”.

2. Англицизмы. Использование англицизмов связано с глобализацией и новыми реалиями, заимствованными из американской действительности. Наиболее часто они встречаются в журнале «Вименз Хелф», что обусловлено его международным характером, а также тем, что молодежь воспринимает иностранные слова как более современные, например при описании жизни известной топ-модели: “*Von Klums Mädchen zur Power-Influencerin: Model Stefanie Giesinger hat über 2, 2 Millionen Follower auf Instagram, ihre Snapchat-Clips werden täglich 300 000-mal aufgerufen, und Fans stehen sich die Füße platt für ein Selfi mit ihr*”.

Англицизмы, у которых обычно нет точных эквивалентов в немецком языке, широко применяются в качестве обозначений подходов к проблемам здоровья, косметологических процедур и т.д., например, *Embodiment* (эмбодимент – междисциплинарный исследовательский подход, рассматривающий взаимосвязь ума и тела), *Coolsculpting* (кулскалтинг – косметологическая процедура, при которой на локальные жировые отложения воздействуют холодом), *Mountain Climbers Wall Art* (упражнение – имитация подъема на гору), *Catwalk* (походка моделей на подиуме).

3. Оценочная и эмоционально окрашенная лексика, используемая для описания: а) внешности, настроения человека, например: *schön, straff, schlank, durchtrainiert, fit, attraktiv, gepflegt, toll, super*; б) состояний, связанных с болезнью и различными недугами: *schwer, gefährlich, schädlich, schrecklich, gemein, höllisch, verdammt*; в) ситуаций, связанных с неправильным питанием и ожирением: *die Fressattacke, der Fleischliebhaber, der Dickmacher, das Dickerchen*.

4. Авторские неологизмы, например: *die Kilo-Siegerin; die Wohlfühlfigur; Glücksterror; der Gute-Laune-Motor; blitzverliebt: mörderentspannt*.

5. Контекстуальные синонимы, например: “*Denn im Aufhalstraum stand immer zuckrige Nervennahrung für Zwischendurch*”. Здесь *Zuckrige Nervennahrung* – сладкая пища для нервов – является синонимом к слову *Süßigkeit*.

6. Сниженная, разговорная лексика, например: *“Fashion-Firmen reißen sich um sie nicht nur, weil sie eine der wichtigen Influencerinnen Deutschlands ist, sondern weil sie genauso professionell ist”*, где *sich reißen* – разг. *лезть из кожи вон*. *“Wenn andere zickten und heulten, war sie entspannt und freundlich”*, где *zicken* – разг. фамильяр. *делаться глупости*.

7. Междометия, частицы, разговорные клише, усиливающие контакт с читателем, например: *“Boah, bin ich bereit! Wau, jetzt geht’s in die heiße Phase”*.

8. Вопросительные и восклицательные предложения, вопросно-ответные комплексы широко представлены в заголовках, например: *“Wieder fit, Herzchen?”* *“Ausgezeichneter Geschmack!”* *“Fähre? Nö, wir schwimmen!”*

9. Идиоматические выражения, например: *auf eigene Faust* (на свой страх и риск), *den Daumen drücken* (пожелать удачи); *Zu jedem Topf passt ein Deckel* (нем. пословица *Каждому горшочку своя крышечка*).

10. Игра слов, например, в заголовке сообщения о ночном звездопаде *“Ist uns überhaupt nicht schnuppe”* обыгрывается сходное звучание слов *schnuppe* (разг. до фени) и *Sternschnuppen* (звездопад); двойной смысл есть и в статье о простуде и насморке: *“Je älter wir werden, desto seltener haben wir die Nase voll”*, где обыгрывается переносное значение фразеологизма *die Nase voll haben* – разг. фам. *быть сытым по горло чем-л.* – и его прямое значение – *иметь заложенный нос*.

11. Отсылка к прецедентным феноменам (высказываниям известных лиц, медиаперсонам, песням, фильмам, телешоу и т.д.), например, к популярному криминальному телесериалу *“Tatort”*: *“Doch wann immer sie im ‘Tatort’ eine ähnliche Szene sah, war das Grauen wieder da”*; к песне известного певца: *“Es war ein Erweckungserlebnis der Art, wie es Bob Dylan so schön besingt: It hit him like a freight train”*.

Рассмотренные языковые средства способствуют яркой экспрессивной и занимательной подаче журналистских материалов о проблемах здоровья.

Журнал «Вименз Хелф» выступает в роли подруги-советчицы и потому склонен к непринужденному общению со своими читательницами, по отношению к которым допускаются формы 2 лица ед. числа *du* и мн. числа *ihr*, фамильярное обращение *Mädels*, например, в приглашениях на различные мероприятия: *“Komm, wir fahren nach Amsterdam”*, *“Um zu laufen, wie Kara, musst du trainieren wie Kara”*, *“Prost, Mädels, auf das brandneue Street DrinkFestival!”*

Журнал «Штерн. Гезунтлебен» ориентируется на более старшую возрастную аудиторию и потому более сдержан, предпочитая вежливую форму 3 лица мн. числа *Sie* или форму 1 лица мн. числа *wir*, например: “*Haben Sie sich schon überlegt, woher das Mehl seine Nummern hat – 405, 505, 1050?*” “*Wir Menschen sind soziale Wesen*”.

Сближение с научно-популярным дискурсом наблюдается в журналистских материалах, где передается научная информация о симптомах болезней, результатах исследований, современных методах и средствах профилактики и лечения. Обращаясь к адресату-неспециалисту, авторы стремятся доходчиво изложить медицинскую информацию, сохраняя при этом такие свойства научного изложения, как точность, объективность, логичность и обоснованность. Этому служат:

1. Научные медицинские термины, например: *Herzrhythmusstörungen; Luftnot; Kurzatmigkeit; Nervenzellen; multisierende Keime; Blutzuckerspiegel*.

2. Употребление временной формы настоящего времени во вневременном значении, например при описании работы лимфатической системы: “*Seine Bahnen folgen dem Blutkreislauf, dringen wie feinste Kanäle tief ins Gewebe, befördern pausenlos Flüssigkeit durch den Organismus*”.

3. Использование пассивных конструкций: “*Im Gegensatz zum Lagerungsschwindel, der stets durch wandernde Kristalle provoziert wird, lassen sich die Auslöser anderer Varianten nicht so leicht finden*”.

4. Предпочтение простых синтаксических конструкций (простых предложений, небольших сложносочиненных и сложноподчиненных предложений), например при описании симптомов заболевания лучезапястного сустава: “*Nimmt die Nervenschädigung zu, dauern Missempfindungen und Schmerzen den ganzen Tag über und breiten sich möglicherweise auch über den Arm aus. Die Finger werden taub, das Feingefühl geht verloren*”.

5. Употребление однородных членов предложения, например: “*Dazu gehören auch Tennisarm, Sehnenscheidenentzündung, Karpaltunnel und Arthroseschmerz im Daumensattelgelenk*”.

6. Применение пояснительных конструкций, вводимых с помощью тире и двоеточия, например: “*Laktosefreie Produkte sind oft normale Milchprodukte, denen Laktose zugesetzt wurde – ein Enzym, welches den Milchzucker in seine Bestandteile Calactose und Glucose spaltet*”.

7. Отсылка к авторитетным источникам информации, например к публикации в «Европейском журнале питания»: “*Blubberne Soft-*

drinks können Krankheiten forcieren, so eine Studie, die kürzlich im 'European Journal of Nutrition' veröffentlicht wurde".

Журнал «Штерн. Гезунтлебен» много внимания уделяет возрастным изменениям и хроническим заболеваниям, он адресован более подготовленному читателю, поэтому для него характерно развернутое и научно обоснованное изложение материала. А в журнале «Вименз Хелф» обращение к данной проблематике носит, скорее, ознакомительный характер, и его материалы максимально коротко объясняют читателю возможные причины плохого самочувствия и его последствия.

Сближение публицистического дискурса о здоровом образе жизни с инструктирующим дискурсом обусловлено его прагматической направленностью: важно не только сообщить адресату полезную информацию о здоровье, но и оказать реальную помощь в его сохранении.

Значительная часть публикаций в обоих изданиях включает постановку проблемы, озвучиваемую специалистом или лицом, страдающим от кого-либо недуга, и указание на ее решение, за которым следуют конкретные рекомендации. Так в журнале «Вименз Хелф» в ответ на жалобу молодой женщины объясняются причины ее недомогания и даются практические советы для его преодоления:

Sie fühlen sich völlig erschöpft

Daran liegt es: *Starke Abgeschlagenheit kann auf einen niedrigen Eisenwert im Blut hinweisen. Denn mit jeder Menstruation geht auch das Power-Mineral zu Teilen verloren. Eisen ist jedoch wichtig für die Bildung des roten Blutfarbstoffs Hämoglobin und den Sauerstofftransport.*

Das hilft: *Nehmen Sie möglichst oft gute Eisenlieferanten wie Hülsenfrüchte (Linsen oder weiße Bohnen), Vollkornbrot und mageres Fleisch zu sich.*

Нередко советы носят профилактический характер, например, по поводу обуви на высоком каблуке тот же журнал пишет следующее:

Hohes Risiko

High Heels sind sexy, nicht aber, was sie bewirken: Hammerzehen, verformte Füße und kaputte Knie können Folge vom hohen Tragen sein. Dosiert eingesetzt, kein Problem. Die täglichen Begleiter sollten jedoch nicht mehr als 5 Zentimeter Absatz haben, dafür aber einen breiten Zehenraum.

В журнале «Штерн. Гезунтлебен» при обращении к читательской аудитории нередко употребляются формы сослагательного наклонения, смягчающие категоричность побуждения, например при

обращении к астматикам: *“Um einen solchen Effekt zu erzielen, sollten Asthmatiker dreimal pro Woche trainieren. Das Beste wäre einmal bis zweimal im Wasser und einmal an Land”*.

В текстах, где адресату дают алгоритм поведения для достижения желаемого результата, используется глагольная форма инфинитив, особенно в таких текстах, как комплекс физических упражнений, диета, кулинарный рецепт и др. Например, как в инструкции по выполнению физических упражнений для преодоления усталости:

Kobra

Die Unterarme liegen unter den Schultern auf dem Boden. Die Schulterblätter nach unten ziehen, die Ellenbogen strecken und den Oberkörper aufrichten.

Побудительный эффект усиливается, если совет или инструкция исходит от первого лица, опирающегося на собственный жизненный опыт, например, в журнале «Вименз Хелф» читательница делится своим рецептом лечения от простуды: *“Ich lasse eine gehackte Zwiebel mit 3 Esslöffeln Honig über Nacht ziehen. Der Sirup daraus hilft super bei einer Halsentzündung”*.

Ряд публикаций в дискурсе о здоровом образе жизни обладает имплицитной побудительностью: избегая открытых призывов, авторы предлагают читателям успешные модели поведения. В журнале «Вименз Хелф» рассказывают о поп-звездах и топ-моделях, таких как Риз Уизерспун или Хайди Клум, у которых есть не только красота, но и карьера, и семья.

В свою очередь, журнал «Штерн. Гезунтлебен» делает акцент на духовном преодолении недугов и целительных силах организма. Так в рубрике *“Körper&Seele”* в статье *“Es geht auch anders”* рассказывается о людях, которые победили тяжелый недуг сами и теперь помогают другим.

Относясь к дискурсам с высокой степенью креолизации, то есть использованию наряду с вербальными невербальных средств, публицистический дискурс о здоровом образе жизни широко применяет иллюстрации, цвет, шрифт, что способствует реализации его полифункциональности. На титульном листе журнала «Штерн. Гезунтлебен» слово *Stern* заменено визуальным эквивалентом – изображением белой звезды на красном фоне, невербальной эмблемой издания. А журнал «Вименз Хелф» пестрит фотографиями красивых молодых женщин, которые занимаются спортом, демонстрируют результаты похудения или применения косметических и лечебных средств, рекламируют товары.

Журнал «Вименз Хелф» иногда прибегает к шокирующим и эпатажирующим изображениям. Так, статья *“Na, nicht ganz bei der Sache?”*

посвящена проблеме потери концентрации внимания и сопровождается фотографией, на которой на разделочной доске порезанные кусочки моркови соседствуют с отрезанным окровавленным пальцем. Под изображением стоит подпись: “*Ups, das war wohl etwas daneben*”. Тем самым адресату показывают опасность потери концентрации.

В обоих изданиях широко используется шрифтовое выделение наиболее важной информации и ненормативное написание слов, например, в заголовке статьи “*Waaaaas – mein Lieblings-Peeling gibt’s bald nicht mehr?*”; использование графических средств при имитации звуковых эффектов, например, “*Bssssssss*” (подражание комариному пisku) в аннотации к статье о защите от вредных насекомых или “*Schalalalalalaaaaaargh*” (подражание шокирующему гулу футбольных фанатов) в статье о причинах нервных срывов.

Таким образом, полифункциональность публицистического дискурса о здоровье обуславливает его гибридность – сочетание в нем признаков публицистического, научно-популярного и инструктирующего дискурсов. Вариативность данного дискурса определяется его целевой аудиторией, возрастными особенностями, интересами, требованиями к публикациям о здоровье. Благодаря гибриднему характеру публицистический дискурс о здоровом образе жизни оказывает комплексное прагматическое воздействие на своих адресатов, удовлетворяя их познавательные потребности, способствуя росту мотивации к оздоровлению и самосовершенствованию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воронцова Т.А.* Элементарная стилистика: Учеб.-метод. пособие. Ижевск, 2008.
2. *Глушак Т.С.* Функциональная стилистика немецкого языка: [Учеб. пособие для ф-тов и ин-тов иностр. яз.]. Мн., 1981.
3. *Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М., 2008.
4. *Капкова Ю.В.* Журналы о здоровом образе жизни: функциональные, тематические и жанровые особенности: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.
5. *Клушина Н.И.* Стилистика публицистического текста. М., 2008.
6. *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. М., 2012.
7. Медиатекст: стратегии – функции – стиль: Колл. монография / Л.И. Гришаева, А.Г. Пастухов, Т.В. Чернышева. Орел, 2010.
8. *Солганик Г.Я.* Стилистика текста: Учебное пособие. 11-е изд. М., 2015.
9. *Черных А.И.* Мир современных медиа. М., 2007.
10. *Чукаева Н.А.* Медицинские журналы на медиарынке Германии (типологические особенности и современные тенденции развития): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010.
11. *Debray R.* Einführung in die Mediologie. Bern, 2003.
12. *Hartmann F.* Medien und Kommunikation. Wien, 2008.
13. *Jäckel M.* Medien Wirkungen. Ein Studienbuch. Wiesbaden, 2005.

Elena E. Anisimova, Tat'yana E. Fink

**LINGUOPRAGMATIC ASPECT OF MEDIA DISCOURSE
ON HEALTHY LIFESTYLE**

**(A CASE STUDY OF GERMAN MAGAZINES “WOMEN’S HEALTH”
AND “STERN. GESUNDELEBEN”)**

*Moscow State Linguistic University,
38, Ostozhenka St., Moscow, 119034*

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article reviews linguo-pragmatic aspect of media discourse on healthy lifestyle (a case study of “Women’s Health” and “Stern. Gesundleben” magazines). Media discourse on healthy lifestyle is a complex of media texts whose subject matter is health and means and ways of its maintenance. Linguo-pragmatic aspect of this discourse is characterized by its addresant/addressee, intention, subject area, functions, verbal and non-verbal means. The intention of this discourse is to inform its addressee on health problems, make popular healthy lifestyle and advertise means and ways of health maintenance. Its main functions are to inform, influence, popularize, motivate, instruct and advertise. The media discourse on healthy lifestyle is of hybrid nature because of its many functions. It means the discourse on healthy lifestyle contains characteristics of many other discourses, namely: of publicistic, popular-scientific and motivational-instructive ones. Like publicistic discourse, it is evaluative, expressive, original and novel. Like the popular-scientific discourse, the media discourse of healthy lifestyle is objective, precise, logical, well-founded but simple, and scientific but nonetheless comprehensive. Like the instructive discourse, it motivates and recommends. The article also describes verbal and nonverbal means of this discourse and it shows how magazines “Women’s Health” and “Stern. Gesundleben” use these means to influence their target audience.

Key words: linguo-pragmatic aspect; journalistic discourse; non-fiction discourse; media discourse; healthy lifestyle; hybridity.

About the authors: *Elena E. Anisimova* – Dr.habil in Philology, Professor, Department of Grammar and History of German, Faculty of German, Moscow State Linguistic University (e-mail: letanisimova@mail.ru); *Tat'yana E. Fink* – PhD Student, Department of Theory and Methods of editing, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University (e-mail: t-fink@mail.ru).

REFERENCES

1. Vorontsova T.A. 2008. *Elementarnaya stilistika: ucheb.-metod. Posobie* [Elementary stylistics: exercise book]. Izhevsk, Izd-vo “Udmurtskiuniversitet”. (In Russ.)
2. Glushak T.S. 1981. *Funktsional'naya stilistika nemetskogo yazyka: Ucheb. Posobie dlya fak. i in-tovinostr. yaz.* [Functional Stylistics of German Language: Exercise Book for Faculties of Foreign Languages]. Minsk. (In Russ.)
3. Dobroslonskaya T.G. 2008. *Medialingvistika: sistemnyi podkhod k izucheniyu yazyka SMI* [Media Linguistics: Systematic Approach to Media Language]. Moscow. (In Russ.)

4. Kapkova Yu.V. 2005. *Zhurnaly o zdorovom obraze zhizni: funktsional'nye, tematicheskie i zhanrovye osobennosti* [Healthy Magazines: Their Functional, Theme and Genre Features]. Kand. diss. Moscow. (In Russ.)
5. Klushina N.I. 2008. *Stilistika publitsisticheskogo teksta* [Stylistics of Journal Text]. Moscow. (In Russ.)
6. Kozhina M.N. 2012. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of Russian Language]. Moscow. (In Russ.)
7. Grishaeva L.I., Pastukhov A.G., Chernysheva T.V. 2010. *Mediatekst: strategii – funktsii – stil': kollektivnaya monografiya* [Media Text: Strategies, Functions, Style: Monograph]. Orel. (In Russ.)
8. Solganik G.Ya. 2015. *Stilistika teksta: uchebnoe posobie. 11-e izdanie* [Text Stylistics: Exercise Book. 11th edition], Moscow. (In Russ.)
9. Chernykh A.I. 2007. *Mir sovremennykh media* [World of Modern Media]. Moscow. (In Russ.)
10. Chukaeva N.A. 2010. *Meditsinskie zhurnaly na mediarynke Germanii (tipologicheskie osobennosti i sovremennyye tendentsii razvitiya)* [Medical Journals on Media Market in Germany (Features and Development Trends)]. Kand. diss. Moscow. (In Russ.)
11. Debray R. 2003. *Einführung in die Mediologie* [Introduction to Mediology]. Bern. (In German)
12. Hartmann F. 2008. *Medien und Kommunikation* [Media and Communication]. Wien. (In German)
13. Jäckel M. 2005. *Medien Wirkungen. Ein Studienbuch* [Media Influence]. Wiesbaden. (In German)

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРЫ

Д.В. Молчанов, Д.В. Шадрина

НОВЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ КУЛЬТУРЫ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Настоящая статья представляет собой попытку научного анализа тяжело-го пандемического периода с точки зрения произошедших кардинальных изменений, затронувших все привычные стороны жизни общества, в частности, две его важнейшие составляющие – культуру и коммуникацию, до сих пор еще не служивших предметом *подобного* рассмотрения. Статья основывается на документальных источниках о деятельности культурных учреждений в период коронавирусной пандемии COVID-19. *Материалом для контент-анализа* послужили официальные сайты театров и их страницы в социальных сетях, а также многочисленные СМИ с выступлениями представителей власти и ведущих деятелей культуры и театра, направленными на принятие мер по остановке распространения нового вируса в условиях полной ситуативной непредсказуемости, что привело к изменению коммуникативных функций культуры в этот период. В основе *научной гипотезы* выдвигается положение о том, что на фоне трагических известий возникли и проявили себя в полной мере коммуникативные механизмы культуры – визуализация, цифровизация (дигитализация), осетвление (*netting*), в целом осуществляющие жизненно важную для этого периода *общетерапевтическую функцию*. Именно эта функция оказалась спасительной для людей, которые были вынуждены оказаться в заточении самоизоляции. На основе анализа ситуации, в которой оказалось мировое сообщество, рассматриваются новые перспективы международного культурного сотрудничества на базе прорывной цифровизации, сетевой коммуникации и он-лайн функционирования культуры и театров в непредсказуемой эпидемиологической обстановке. Теоретическим базисом для работы послужили классические труды М.М. Бахтина, Н. Больца, А. Маслоу (так называемая пирамида потребностей), М. Маклюэна, У. Матураны.

Молчанов Денис Владимирович – доктор исторических наук, профессор Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: md68@bk.ru).

Шадрина Дарья Валерьевна – аспирант Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: shadrina_dariya@mail.ru).

Ключевые слова: пандемия; культура; театр; международное культурное сотрудничество; коммуникация; терапевтическая функция; дигитализация; визуализация; осетвление; вынужденное интернет-существование; терапевтическая функция культуры.

Наступивший 2020 г. принес миру тяжелое испытание. 11 марта ВОЗ объявила, что распространение нового коронавируса достигло стадии пандемии, охватив все страны и континенты. Новой реальностью стало то, что еще вчера казалось невероятным: вирус заставил практически весь мир уйти на карантин. Учреждения культуры в столице были вынуждены одними из первых приостановить свою деятельность. В силу вовлечения большого количества людей одновременно, в Москве и регионах запретили проведение любых культурно-досуговых мероприятий и был введен режим самоизоляции. Сложившаяся ситуация привела к беспрецедентному в истории культуры событию: повсеместно закрылись музеи, театры, кинозалы, были отменены концерты, гастроли и фестивали. Чтобы люди не чувствовали себя оторванными от жизни и мира, всем учреждениям культуры было предложено разработать онлайн-программы и, закрыв двери для посещения, продолжить работу в интернет-пространстве.

Само по себе наличие виртуального формата не является новым. М. Маклюэн, автор работ в области массовой коммуникации, считает, что современная коммуникация является преимущественно *визуальной*. Предвидя развитие коммуникации в современном обществе, он еще в 1960–1970-е годы (до появления интернета и глобализации телевидения) отдавал приоритет именно визуальной коммуникации, полагая, что современная культура визуальна по своей сущности, в противовес, например, культуре XIX – начала XX в., преимущественно письменной (печатной). Его идеи во многом определили свое время, и сейчас, в эпоху глобального телевидения и компьютерных сетей, находят самый широкий отклик. Слова М. Маклюэна: *The Medium is the Message*, – стали девизом современной цивилизации, в которой *визуальный* канал коммуникации считается ведущим. Маклюэн описывает четвертую эпоху развития человеческой коммуникации, отодвинувшую в сторону первые три – 1) устную речь; 2) письменность; 3) книгу, печатный станок («Галактика Гуттенберга»). Норберт Болц идет еще дальше и фиксирует наступление пятой, а затем и шестой ступеней в развитии человеческой коммуникации. Это 5) *дигитализация* и 6) *осетвление (netting)* [Болц, 2011]. По его мнению, за прошедшие после М. Маклюэна полвека в сфере коммуникации случилось два великих со-

бытия. Первое – *дигитализация*, т.е. перевод информационных потоков в цифровой формат и перенос их во всемирную электронную сеть с глобальным и мгновенным доступом. Второе, не менее значимое и на сегодняшний день более актуальное событие – это происходящее практически на наших глазах и с нашим участием так называемое *осетевление*, представляющее собой качественно новый этап в развитии культуры социума. Суть его в том, что информационные потоки превращаются для индивида из цели в средство: главным становится не столько содержание информации, сколько сам факт коммуникации по поводу информации. Если в эпоху Маклюэна “*The Medium is the Message*”, т.е. «Посредник, канал сообщения и есть сообщение» – такова была классическая формула, характеризующая эпоху массмедиа, то сегодня формула другая: “*Communication is the Message*” – «Коммуникация и есть сообщение», или «Сообщение есть прежде всего общение, коммуникация».

Появление Интернета породило и количественные, и качественные сдвиги в коммуникации: невероятный рост объема информации приводит к тому, что ее восприятие становится все более и более поверхностным, а интерактивная структура сети дает возможность каждому ее пользователю перейти из статуса пассивного потребителя в статус активного автора, производителя информации. В период пандемической изоляции это становится особенно важным, ведь человек прежде всего, как писал Умберто Матурана в своей теории консенсуального взаимодействия, «биологически сотрудничающее вещество, ищущее сходный отклик» [Матурана, 1995]. Ему необходим некто слушающий, ибо «без слушающего нет и говорящего» [Бахтин, 1979]. Ключевым моментом процесса осетевления (*netting*) стало появление, а затем последующий взрыв популярности социальных сетей: именно в них перенос акцента с предмета коммуникации на сам ее факт стал заметен прежде всего. Неважно, о чем говорить, главное – участвовать в процессе: выкладывать сообщения и комментарии, собирать «лайки», «френдить» друзей. Изменение пользовательских установок меняет и общие законы развития коммуникативных процессов в сети. Информация превращается из цели во вспомогательное средство, основным «итоговым» продуктом развития парадоксальным образом становятся сами виртуальные социальные структуры: сложные конфигурации «друзей» и разнообразные тематические группы. «Коммунитарность», противопоставляемая индивидуализму, эгоизму и социальной пассивности, представляется реальной альтернативой. Неким образом новых «коммунитарных» структур могут служить как раз сетевые социальные сообщества. В виртуальном мире статус лич-

ности определяется степенью ее социализации: количеством друзей, подписчиков, местом в сетевой структуре. И новой, актуальной для эпохи осетевления формулой становится вариант “Communication is community” («Общение – это общность»); общность – прежде всего в смысле «социальное сообщество». Прослеживается четкая динамика: “Information is the Message” – “The Medium is the Message” – “Communication is the Message” – “Communication is community”. Как же все эти теоретические положения «выстрелили», воплотились в этот пандемический период? Уникальность культуры в период пандемии заключается в том, что, хотя виртуальный формат ее функционирования уже не был новым, но никогда прежде он не являлся *единственно возможным*. Таким образом, первой задачей культуры стало сохранение культурного пространства внутри страны. Портал «Культура.РФ» постоянно пополнялся, на нем были доступны трансляции выступлений отечественных и зарубежных артистов, художественные и документальные фильмы, концерты, лекции, мастер-классы, спектакли, электронные книги и виртуальные экскурсии. Статистика показала, что в докарантинный период около 120 тыс. посетителей ежедневно обращались к материалам портала. Но в период самоизоляции количество обращений увеличилось до 250 тыс. человек в день! Все учреждения культуры, включая театры, закрыли свои двери для посещения, но не остановили работу, продолжив ее в интернет-пространстве. Интернет-существование театров во время пандемии было довольно сложным: большое количество онлайн-трансляций как репертуарных, так и архивных спектаклей, которые регулярно выкладывались на самых разных платформах. Постановки бесплатно транслировались на сайтах многих российских театров и на официальных страницах в социальных сетях, на сервисе Okko. На мультимедийной платформе зрителям были представлены видеозаписи спектаклей, а также уникальные онлайн-премьеры. Записи многих спектаклей были доступны постоянно, некоторых – в течение ограниченного периода времени. Не покидая дома, люди имели возможность познакомиться с постановками Театра Российской Армии (Москва), БДТ им. Г.А. Товстоногова (СПб.), Московского театра «Ленком Марка Захарова», Московского музыкального театра им. К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко, Театра-фестиваля «Балтийский дом» (СПб.), Московского музыкального театра «Геликон-опера», Театра Наций (Москва), Пермского театра оперы и балета им. П.И. Чайковского, Театра «Новый балет» (Москва), Ханты-Мансийского театра кукол, Театра Романа Виктюка (Москва), Московского театра Мюзикла, Театра им. Моссовета и многих других. Федераль-

ным центром поддержки гастрольной деятельности (Москва) был запущен специальный проект «Большие гастроли – онлайн». В рамках программы состоялись показы кинотеатральных версий спектаклей ведущих театров России. Среди них значились Большой театр России, Малый театр России, Театр им. Евгения Вахтангова (Москва), Мариинский и Александринский театры (СПб.), Московский театр «Et Cetera», Московский драматический театр им. А.С. Пушкина, Московский театр им. Вл. Маяковского, Московский театр «Современник», Московский театр «Новая опера», Московский театр Сатиры, Московский Губернский театр и др. Яркой частью программы стали спектакли региональных театров – Липецкого театра драмы им. Л.Н. Толстого, Владимирского областного театра драмы, Мурманского областного драматического театра, Орского драматического театра им. А.С. Пушкина, Нижегородского театра драмы им. М. Горького и др. Пока зрительные залы пустовали, некоторые оригинальные спектакли и проекты создавались специально для интернета. На сайте Александринского театра состоялась премьера онлайн-спектакля «Драма на шоссе» по пьесе Бориса Акунина. Проект носил благотворительный характер, предоставляя возможность сделать пожертвование в пользу фондов «Детский хоспис» и «Артист». На YouTube-канале Воронежского Камерного театра был показан онлайн-спектакль «Выбрать троих» по Zoom-пьесе Дмитрия Данилова. В центре внимания оказалась российская семья, находившаяся в самоизоляции, что стало актуальным отражением современной жизни социума. Московский театр «Практика» М. Брусникиной создал проект «Практика сотворчества», состоящий из трех интернет-постановок в новом формате – зрители сами могли принять участие в процессе их подготовки и создания.

Другой задачей культуры в этот период стала огромная, важнейшая миссия: *сохранение мирового культурного пространства*. В то время как театральные деятели осваивали онлайн-пространство, вирус распространялся по миру, и могло показаться, что мультикультурализм остался далеко в прошлом. Были отменены или отложены крупные международные мероприятия. В их числе отменены: Московский международный кинофестиваль, «Евровидение», Каннский кинофестиваль, Петербургский экономический форум, Авиньонский театральный и Эдинбургский международный фестивали. Перенесены: Парад Победы в Москве, Чемпионат Европы по футболу, Международный Дягилевский фестиваль в Перми, Международный Платоновский фестиваль в Воронеже, во Владивостоке Международный Тихоокеанский театральный фестиваль. Болезненное закрытие границ между странами, тяжелый кризис, длительное

заточение и отсутствие социального контактирования делали тему межкультурного общения противоречащей жизненным реалиям. Однако практика показала, что любой кризис может послужить стимулом к поискам новых форм и перспектив. Удивительно, но карантин не только объединил миллионы людей всех континентов общей проблемой, но и расширил возможности международного культурного общения в онлайн разных стран для обсуждения вопросов, связанных с пандемией и ее влиянием на культуру. Заместитель Генерального директора ЮНЕСКО по культуре Эрнесто Оттоне заявил: «Сейчас, как никогда, людям необходима культура. Культура повышает нашу устойчивость. Она дает нам надежду. Она напоминает нам, что мы не одиноки. Вот почему организация делает все возможное для поддержки культуры, сохранения нашего наследия и расширения прав и возможностей артистов и творцов сейчас и после того, как этот кризис минует». Специальный представитель президента РФ по международному культурному сотрудничеству М. Швыдкой объявил, что ЮНЕСКО поддержала предложение российской стороны провести Виртуальный международный марафон в поддержку устоев мирового сообщества и основополагающих ценностей культуры. Необходимо привлечение внимания к тем духовным ценностям, которые несет культура [Молчанов, 2014: 324–329], к тому, что она во время пандемии сыграла необычайно важную роль и во многом обеспечила эмоциональную и психологическую стабильность в период самоизоляции. В марафоне примут участие не только деятели культуры, но и врачи, роль которых во время пандемии нельзя переоценить. Вместе с тем этот марафон должен объединить лучшие произведения нет-арта, созданных во время пандемии. В свободный бесплатный доступ были выложены спектакли, например, Национального театра Великобритании, просмотр которых был раньше возможен только в рамках международных фестивалей. На сайте Метрополитен-опера, Нью-Йорк можно было бесплатно посмотреть спектакли в формате HD. Японская компания «Сётику» впервые опубликовала онлайн-видео-записи Театра Кабуки. Комеди Франсез (Comédie-Française, Париж) открыл доступ к редким архивным записям, например, к постановке А. Васильева «Маскарад» по пьесе М. Лермонтова. Можно сказать, что карантин позволил продолжить жизнь уникальному спектаклю в формате онлайн. Парижский театр Буфф дю Нор (Théâtre des Bouffes du Nord) выкладывал в открытый доступ спектакли выдающегося режиссера Питера Брука, а Театр Солнца (Théâtre du Soleil, Париж) транслировал знаменитые спектакли А. Мнушкиной. Берлинский театр Шаубюне (Schaubühne) осуществил онлайн-марафон спектак-

лей Т. Остермайера, П. Штайна, Л. Бонди, С. Макберни и др. Шекспировский театр «Глобус» запустил бесплатные онлайн-стримы спектаклей «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Сон в летнюю ночь», «Два знатных родича», «Зимняя сказка» «Виндзорские насмешницы», а на сайте театра открылась возможность виртуальной онлайн-экскурсии. Лондонский театр «Чик бай Джаул» (Cheek by Jowl) в сотрудничестве с Международным театральным фестивалем им. А.П. Чехова (Москва) транслировал уникальные спектакли английского режиссера Д. Доннеллана с участием российских актеров. В свою очередь, театральная компания канадского режиссера Р. Лепаже Ex Machina (Квебек) делилась фильмом о гастролях театра в России. Помимо оказания российской стороной гуманитарной помощи, многие артисты записывали ролики в поддержку стран, пострадавших от пандемии. В один вечер зрители могли прочувствовать красоту и мощь «Венской оперы» (Wiener Staatsoper), в другой – побывать в Англии, на балетах А. Хана, М. Боурна или Р. Малифанта, на спектаклях знаменитого азиатского хореографа Ли Хвай-мина, в Театре танца Тайваня «Клауд Гейт» (Cloud Gate Dance Theatre of Taiwan) или увидеть танцоров фламенко из «Компании Марии Пахес» (Maria Pagés Company). Они могли встретиться с актерами МХТ им. А.П. Чехова, пройти танцевальный курс с хореографами Английского национального балета, прослушать онлайн-лекции «Сегодня театр дома» Союза театральных деятелей РФ. Все это стало возможным благодаря и вопреки пандемии коронавируса. В рамках цифрового проекта БДТ Digital можно было поддержать благотворительную акцию БДТ им. Г.А. Товстоногова и вместе с А. Фрейндлих, О. Басилашвили, С. Крючковой читать онлайн документальные тексты, написанные врачами – людьми, которые, спасая жизни больных, рисковали собственными. Возникло удивительное ощущение, что *культурных границ нет*.

Как видим, Интернет помог «раздвинуть» стены жилищ и создал условия не только для организации культурного досуга, но и для поддержания друг друга в сложной ситуации. Вместе с тем Интернет позволил театрам не потерять своего зрителя, более того, приобрести нового. Бесспорно, это был новый опыт коммуникации, другой. Неожиданный для всех. К нему можно по-разному относиться, но, возможно, это стало проявлением того самого «социального переживания» в формате онлайн. Д. Доннеллан, английский режиссер, сооснователь театра Cheek by Jowl, рассказал о том, у него всегда было предубеждение против просмотров спектаклей на видео, однако он заметил, что такая форма подачи театрального материала открывает новые возможности для восприятия:

«Я всегда считал, что смотреть запись постановки – это как идти в морг на опознание тела. Когда смотришь запись театрального спектакля, все равно это отдает судмедэкспертизой. Ты рассматриваешь нечто мертвое, что сохранило на себе следы чего-то некогда живого. Но ты можешь войти с этим в новую жизнь». *Противостояние вирусу творчеством – это та новая терапевтическая функция культуры*, которая проявилась благодаря, или вопреки пандемии.

Известная теория иерархии потребностей Абрахама Маслоу, которая изначально была изложена в работе «Теория человеческой мотивации» (1943), более подробно – в книге 1954 г. «Мотивация и личность» [Маслоу, 2006], утверждала, что человек не сможет испытывать потребности более высокого уровня, пока нуждается в утолении физиологических потребностей, например в питании. Однако в кризисное время, когда человеку пришлось самоизолироваться от мира и общества, потребность гармонизировать свою жизнь, наполнить ее красотой и искусством приняла соизмеримую значимость. Безусловно, сфера культуры была бессильна перед биологической угрозой, но она оказалась неизмеримо сильнее ее в плане коммуникативной общности, моральной поддержки в социальных сетях, даривших людям утешение, дав силы перенести непереносимое, став необходимым лекарством для души.

Таким образом, *на фоне трагических известий терапевтическая функция культуры проявилась в полной мере, более того, она оказалась спасительной для людей, которые были вынуждены оказаться в изоляции*. При этом для многих сфер, в том числе культурных, Интернет и сетевое сообщество исполняли роль спасательного круга и давали силы к возрождению. Как мы видим, время испытаний стало и временем уникальных возможностей, которые в дальнейшем, надеемся, приведут к прорывным достижениям и новым уникальным технологиям. А как ни парадоксально, развитие технологий развивает культуру страны, в том числе, как показано выше, и ее терапевтическую функцию в кризисных ситуациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Болыч Н. Азбука Медиа. М., 2011
3. Маслоу А.Х. Мотивация и личность. 3-е изд. СПб., 2006.
4. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М., 1995.
5. Молчанов Д.В. К вопросу адаптации западных культурных ценностей в России // Исторический журнал МГУ: научные исследования. 2014. № 3 (21). С. 324–329.
6. McLuhan M. Culture in Our Business. N.Y.; Toronto, 1970.

Dennis V. Molchanov, Dariya V. Shadrina

NEW COMMUNICATIVE FUNCTION OF CULTURE IN COVID-19 PANDEMIC

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is devoted to the activities of cultural institutions during the pandemic of COVID-19. It should be taken into account that this question is largely unexplored so far. The article consists of content analysis of official websites of theatres and their pages on social networks, as well as numerous statements by representatives of the authorities and leading figures of culture and theatre during the period of spread of the new virus around the world. The scientific hypothesis is that such communicative mechanisms of culture as visualization, digitalization, and netting have arisen and proved their full potential and a general therapeutic function that is vital for this period. Moreover, it turned out to be saving for people who were forced to stay self-isolated. In the process of analysis of the situation in which the cultural arts community found itself, the prospects of international cultural cooperation, as well as the consequences of a sharp step towards digitalization and forced Internet existence of theatres in an unpredictable epidemiological environment, are considered. The theoretical basis for the work are the works of M.M. Bakhtin, N. Bol'ts, A. Maslou (the so-called "hierarchy of needs"), M. McLuhan, and U. Maturana.

Key words: culture; theatre; international cultural relations; communication; therapeutic function; pandemic; digitalization; visualization; setting.

About the authors: *Dennis V. Molchanov* – Dr. habil. in History, Professor of Higher School of Policy in Culture and Administration in Humanities (Faculty Lomonosov Moscow State University) (e-mail: md68@bk.ru); *Dariya V. Shadrina* – Postgraduate Student of Higher School of Policy in Culture and Administration in Humanities (Faculty Lomonosov Moscow State University) (e-mail: shadrina _ dariya @mail.ru).

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. 1979. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, "Iskusstvo". (In Russ.)
2. Bol'ts N. 2011. *Azbuka Media*. Moscow, "Evropa". (In Russ.)
3. Maslou A.Kh. 2006. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. 3-e izd, Saint-Petersburg, PITER. (In Russ.)
4. Maturana U. 1995. *Biologiya poznaniya* [Biology of cognition]. *Yazyk i intellekt*. Moscow, Progress. (In Russ.)
5. Molchanov D.V. 2014. K voprosu adaptatsii zapadnykh kul'turnykh tsendostei v Rossii [On the issue of adaptation of Western cultural values in Russia]. *Istoricheskii zhurnal MGU: nauchnye issledovaniya*, no. 3 (21), pp. 324–329. (In Russ.)
6. McLuhan M. 1970. *Culture in Our Business*. N.Y.; Toronto.

И.Л. Анастасьева

**ФЕНОМЕН ИГРЫ В ШАР КАК ОПЫТ
МИСТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ ДВИЖЕНИЯ ДУШИ К СЕБЕ
(НИКОЛАЙ КУЗАНСКИЙ)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена исследованию феномена игровой культуры в творчестве немецкого мыслителя, философа, религиозного деятеля XV в. Николая Кузанского, автора книги «Игра в шар», оказавшей влияние как на представителей немецкой классической философии и литературы (Гете, Фр. Шлегеля), так и на отечественных деятелей культуры (Вл. Соловьева). Стремление кардинала решить теософские задачи с помощью точных наук, фокусируя свое внимание на математических символах, определяют специфический характер игровой семантики в его трудах. Объясняя собеседникам правила игры и ее цель, Николай Кузанский стремится привить им мистическое сверхразумное созерцание, ибо это наивысшая ступень человеческого познания. Повествование в книге сводится к попытке философского постижения реальности, к тому, чтобы с помощью игры научить человеческий ум философскому познанию космоса, жизни, Бога. Игра символизирует собой духовные устремления и познавательные возможности человека, она способствует самоопределению личности, ее нравственному становлению, стимулирует духовный и интеллектуальный рост человека. В беседе со своими условными учениками Николай Кузанский пытается прояснить символические и мистическое значение игры, фактически подведя их к пониманию игры как феномена человеческого бытия. Игра в шар, придуманная философом, в аллегорической форме объясняет тайны мироздания, взаимоотношений между человеком, Богом и бесконечным и проводит параллель между творческим актом человека и действиями высших сил.

Ключевые слова: Николай Кузанский; игровая культура; мистическое сверхразумное созерцание.

Феномену игры отведено важное место в немецкой классической философии. И это не случайно, ибо игровая культура – источник, питающий другие научные сферы: психологию, социологию, рели-

---

Анастасьева Ирина Леонидовна – кандидат культурологии, доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения, МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: anastasyevairina@gmail.com).

гноведение, философию – и стимулирующий их развитие. Невзирая на общность человеческих гедонистических потребностей¹, их философское осмысление порождает множественность интерпретационных подходов к одному и тому же предмету, явлению, образу.

Одним из представителей немецкой научной мысли был Николай Кузанский (Николай Кребс, Кузанец, Кузанус) (1401, Куза – 1464, Тоди, Умбрия). Он родился в семье лодочника и виноградаря Хрипфса (Krebs), «изучал в Гейдельберге и Падуе право, математику и философию, потерял в Майнце свой первый процесс, охладел вследствие этого к своей профессии, обратился к богословию и сделался выдающимся проповедником» [Фалькенберг, 2018: 2]. Впоследствии он стал кардиналом Римской католической церкви, математиком, теологом-гуманистом.

Основные темы творчества Николая Кузанского – это размышление о принципах человеческого познания (низшая ступень – чувственное ощущение, затем рассудок, разум и наивысшая степень познания – мистическое сверхразумное созерцание) и об отношении Бога к миру. Научиться понимать высший замысел, с его точки зрения, возможно при помощи точных наук, в частности, математики. В.В. Бибахин, комментируя научный подход философа к теософии, подчеркивает следующее: «В многочисленных проповедях Николая Кузанского разворачиваются философские темы. Решение нравственных проблем он видит в просветлении сознания (т.е. в тренировке познавательных способностей. – *И.А.*). Семь мистических трактатов посвящены квадратуре круга, проблеме бесконечности, уточнению числа π . Геометрия и арифметика иллюстрируют философские понятия: круг – символ бесконечности, 10^3 – символ телесности и т.д.» [Бибахин, 2000–2001]. Мистическое сверхразумное созерцание как наивысшая ступень человеческого познания позволит человеку прозреть бесконечное единство, в котором совпадают противоположности, т.е. познать Бога, полагает Кузанец. Что имеет в виду философ, говоря о единстве противоположностей?

Учение Кузанца характеризуется стремлением описать математику через философию, а философию через математику. Иначе говоря, он дает теологическое обоснование математики. Еще «пифагорейцы, – поясняет П.П. Гайденко, – не просто решали практические прикладные задачи, а пытались объяснить (с помощью математики. – *И.А.*) природу всего сущего» [Гайденко, 1979: 99]. Этот метод познания мира характерен и для кардинала. Отталкиваясь от учения Платона и неоплатоников, Николай Кузанский формулирует соб-

¹ См.: Павловская А.В. Единство в многообразии: типология праздничной и обрядовой культуры народов мира. От неолита до наших дней // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 63–78.

ственное представление о Боге («единое») и о мире («всё»); и, в отличие от предшествующей традиции, он не противопоставляет единое – иному, а заявляет, что «единое есть всё», по сути, провозглашая пантеистический тезис о Боге, разлитом в природе. Раз единое есть всё, значит, оно не имеет противоположности и тождественно бесконечному (Кузанец выстраивает цепочку «человек – Бог – космос»). Бесконечное – максимум, больше чего ничто не может быть, единое – минимум. Но заявляя, что единое тождественно бесконечному, кардинал подводит к выводу о том, что максимум тождествен минимуму. «Николай Кузанский, таким образом, открыл принцип совпадения противоположностей (*coincidentia oppositorum*) – максимума и минимума. Чтобы сделать более наглядным этот принцип, Кузанец обращается к математике, указывая, что при увеличении радиуса круга до бесконечности окружность превращается в бесконечную прямую. У такого максимального круга диаметр становится тождественным окружности, более того – с окружностью совпадает не только диаметр, но и центр, а тем самым точка (минимум) и бесконечная прямая (максимум) представляют собой одно и то же. Аналогично обстоит дело с треугольником: если одна из его сторон бесконечна, то и другие две тоже будут бесконечными. Таким образом доказывается, что бесконечная линия есть и треугольник, и круг, и шар»².

Хотя эти идеи были сформулированы еще в ранних трудах философа, они необходимы для уразумения тех мыслей, которые кардинал высказывает в своем научном труде «Игра в шар». Повествование в книге сводится к попытке философского постижения реальности, к тому, чтобы с помощью игры научить человеческий ум философскому познанию космоса, жизни, Бога. Со сходной ситуацией мы столкнемся в романе Германа Гессе «Игра в бисер», герой которого – Йозеф Кнехт, магистр игры, – так же как и герой книги Николая Кузанского «Игра в шар» – кардинал Николай, – формулирует особую концепцию игры и человека играющего. Немецкому писателю XX в. были известны труды немецкого философа и религиозного деятеля XV в., не случайно поэтому имя Николая Кузанского встречается на страницах романа Гессе.

Что объединяет два этих произведения? Прежде всего понимание того, что игра символизирует собой духовные устремления и интеллектуальные возможности человека. Хотя, казалось бы, какая связь существует между нравственностью и шаром, если говорить о книге Кузанца, и бисером в романе Гессе, из игры с которым во-

---

² URL: <https://filosofka.ru/emergence/nikolaj-kuzanskij-i-princip-sovpaden/> (дата обращения: 03.04.2020).

обще не представляется возможным извлечь хоть какие-то теологические идеи, так как игра в романе Гессе не имеет описания? На этот вопрос мы попытаемся найти ответ.

Четкость построений и выводов кардинала исходит из его математических расчетов и анализа, ибо математика была той сферой научной деятельности, которой он занимался всерьез. В 1445–1449 гг. Николай Кузанский написал трактаты «О квадратуре круга» и «О соизмерении прямого и кривого», т.е. о спрямлении окружности. Об окружности как о поверхности шара он рассуждает и в книге «Игра в шар». Красота математических умозаключений привлекала и Гессе. С духовной традицией игры, фокусировавшей свое внимание на математических символах, он познакомился в трудах Пифагора, связывавшего интеллектуальное и моральное становление личности в один узел.

Но вернемся к Николаю Кузанскому. Книга «Игра в шар», написанная, вероятно, в 1462–1463 гг., незадолго до смерти философа, состоит из двух частей, представляющих собой диалог кардинала Николая с герцогом Баварским Иоанном (в первой части) и с герцогом Баварским Альбертом (во второй). Оба герцога очень молоды, не старше 20 лет, в то время как кардиналу больше шестидесяти, поэтому его общение с ними напоминает беседу мудрого старца с внемлющими ему учениками. Из первых слов диалога уже ясно, к чему стремится кардинал: он предлагает каждому собеседнику обсудить с ним смысл игры, в которую они только что сыграли. Ее увлекательность, догадывается Иоанн, кроется в ее поучительном символическом значении. Это символическое значение закреплено в ее философии. Прежде всего кардинал обращает внимание собеседников на то, что игра является феноменом *человеческого* бытия: «<...> и шар, и его движение – произведения ума. В самом деле, ни одно неразумное животное не сделает шара и не заставит его двигаться определенным движением к цели. Стало быть, вы видите, это – произведение человека, происходящее от той его способности, которой он превосходит другие живые существа нашего мира» [Кузанский, 2012: 29]. Другими словами, шар как произведение человека, и движение шара, осуществляемое человеком, свидетельствуют о познавательных и интеллектуальных способностях личности. Это высказывание, однако, не следует понимать, как попытку Кузанца принизить животных, не способных играть в сложные игры. Философ не стремится исследовать феноменологию игры с этого ракурса, как и феноменологию игры как таковой. Но все же Кузанец обозначит принципиальную разницу между человеческой игрой и забавами животных: *homo ludens* даже в игре проявляет себя как *homo sapiens*, настаивает кардинал. Способность

человека мыслить проявляется в умении *отбирать* те идеи, которые необходимы ему для формулирования правил игры; это обстоятельство позволяет также отличать одну игру от другой, чужой. Импульсом поступков животных являются их рефлексы, т.е. реакция живого организма на внешние раздражители. Поскольку функциональное поведение представителей животного мира (или хотя бы одного вида) тождественно (они одинаково охотятся, выют гнезда, плетут паутину и т.д.), то и игры животных проходят без участия разума. «Наш (человеческий. – И.А.) царственный и властительный (*imperialis*) дух таким принуждением не скован, – подчеркивает ученый. – Иначе он ничего бы не изобретал, а только следовал импульсу природы» [Кузанский, 2012: 46].

Через пять столетий после Николая Кузанского другой немецкий философ, Ойген Финк, изучая взаимосвязь игры и самопознания, «самопонимания человеком себя», личностной «самоинтерпретации», почти дословно повторит мысли и идеи предшественника. Онтологический характер игры, в его представлении, проявится в том, что в нее способен играть только человек, ибо она предполагает/допускает импровизацию. Поведение животных лишь внешне напоминает игры. Два основных направления игры, которые сформулирует Финк, сводятся к тому, что игра детерминирует сущность и назначение человека, т.е. его «бытийный статус», – и метод человеческого самоопределения в действительности, т.е. «способ понимания бытия человеком» [Финк, 2017].

Николая Кузанского интересует игра в шар – и только. Участники игры должны попасть круглым снарядом в центр малого кольца, вписанного в более широкие расходящиеся круги. Однако этот шар не обладает характерной для него круглой поверхностью, а двумя различающимися сторонами – внешней большей полусферой и внутренней – вогнутой. Разнородность поверхности предмета предполагает, что движение шара, которым управляет игрок, посылая его в цель, не может быть линейным, а значит, путь шара каждый раз будет отличаться от предыдущего. К тому же форму шара можно видоизменять, углубляя либо выпрямляя вжатую поверхность. Кривизна или прямолинейность пути шара будут зависеть от силы, с которой предмет запущен. Сила броска поможет выпрямить движение шара в его начальной фазе; иначе говоря, мощный толчок позволит этому предмету с нарушенной сферичностью поначалу «двигаться против своей природы» прямо и быстро. Однако во время следующего броска шар будет отклоняться от уже пройденного пути. Невозможность заставить шар двигаться каждый раз по одной и той же траектории (а приходится учитывать и тот факт, что движение шара может неожиданно прерваться при условии, что он

упадет на свою вдавленную, вогнутую, «впуклую» поверхность) конституирует наличие *множественности* в природе, так как существует множество траекторий, которые шар может прочертить в своем движении. Кардинал, таким образом, подводит собеседников к философскому умозаключению: игра в шар есть искусство, искусство есть подражание природе, следовательно, изучение произведения искусства будет способствовать познанию природы, а точнее – ее переменчивости, множественности.

При кажущейся простоте и обыденности игра наделена глубоким философским и теологическим смыслом. «Символическое, в терминологии автора, “мистическое” (*mystica sententia*), значение игры в шар и всех ее элементов <...> заключается в том, что они символизируют саму сущность человеческого духа. И поскольку человеческий дух немислим без своего вечного прообраза, то рассуждение, в конце концов, приводит собеседников к Богу. В игре Он символически представлен центром кругов, попасть в который стремится каждый игрок», – пишет М.А. Хорьков, современный исследователь творчества Николая Кузанского [Кузанский, 2012: 7]. Следовательно, философ уподобляет человека играющего человеку духовно совершенствующемуся: на своем пути к нравственному идеалу люди совершают большое число проступков, каются, учатся жить аскетично и т.д. Внутреннему моральному росту сопутствуют терпение, терпеливость, терпимость. Не меньшие по значимости качества: выдержка, упорство, настойчивость, сила духа – нужны человеку, оттачивающему свое мастерство во время игры с шаром, центр которого смещен, ибо его окружность не соблюдена. Таким образом, смиряя себя в игре, человек не только совершенствует свое мастерство игрока, но и воспитывает свою душу.

Как мы выяснили, движение шара хаотично, неповторяемо, каждый раз новое, т.е. движущийся шар неизменно будет прочерчивать новую траекторию. Философ экстраполирует выводы, сделанные из наблюдений за движением шара, на весь божественный мир. Он состоит из непохожих, неповторяющихся вещей. Хорьков пишет: «Игра в шар учит жить в мире неподобия, где в соответствии с установленными неизменными правилами ничто никогда не повторяется. <...> Безнадежный, на первый взгляд, трагизм существования в мире неподобия оборачивается в итоге умудренной глубиной постижения смысла своего собственного пути как пути к общей для всех целей жизни – истинному благу, несомненное существование которого вытекает из самого факта неподобия, выражаемого прежде всего в несовершенстве вещей» [Кузанский, 2012: 8–9]. Как шар не имеет совершенной круглой формы, так и несовершенный человек (тварный) не наделен идеальными чертами и лишен тождества с

другими людьми, он им «неподобен». Истинным совершенством обладает только Бог, который есть «бесконечная сфера, центр коей повсюду, а поверхность – нигде». Шар, с которым играли собеседники и символическое значение которого кардинал объясняет Иоанну в начале беседы, есть видимая фигура, и его форма несовершенна, как любая форма видимого мира; если человек предполагает, что видит абсолютно круглую поверхность, то это лишь свидетельство несовершенства его зрения. Но «округлость, которая уже не может быть округлее» [Кузанский, 2012: 32], невидима.

В этом пассаже философ формулирует концепции, которые, очевидно, предшествовали неевклидовой геометрии Лобачевского и Римана. Кардинал затрагивает вопрос о конечности и бесконечности Бога и мира, и этот вопрос может быть разрешен при помощи игры в шар и геометрии. «Математическая тенденция у Николая Кузанского проявилась – в онтологическом аспекте – в идее совпадения треугольника, круга и сферы и вообще всякой геометрической фигуры с бесконечной прямой при бесконечном удлинении их сторон или диаметра, и наоборот; получающаяся при таком совпадении бесконечная фигура есть “форма” и “образец” любой конкретной геометрической фигуры», – пишет А.Ф. Лосев [Лосев, 2016: 86]. Иначе говоря, Бог – это бесконечный круг (он же бесконечный треугольник, сфера и т.д.) с центром повсюду. Округлость мира копирует абсолютную округлость (т.е. Бога); круг, в который катится шар (или душа), стремящийся к центру-Богу, не имеет ни начала, ни конца, как всякий круг. В связи с этим круг (в игре – мир) является символическим обозначением вечности. Однако мир сам по себе не является вечностью, его условная вечность есть следствие его сопричастности вечно-божественному, которое создало этот мир, утверждает философ; т.е. созданию мира предшествовало наличие вечно существующей вечности: «Вечность, сотворившая мир, есть Бог» [Кузанский, 2012: 37].

Посмотрим, как математические гипотезы Николая Кузанского, воплощаются в его теософско-философской игре в шар: даже если предположить, что шар имеет почти идеальную поверхность (абсолютно идеальной она быть не может, так как принадлежит тварному миру), он в своем движении к центру по прямой линии АВС, где А и С – противоположные точки крайней окружности, а В – центр всех вписанных друг в друга окружностей, не сумеет двигаться прямо, чтобы успокоиться в центре, так как согласно условно называемой для эпохи Кузанца «неевклидовой геометрии» прямые линии оказываются не всегда прямыми, значит, параллельные линии не всегда параллельны, с одной стороны. С другой стороны, бесконечная окружность – символическое обозначение Бога с центром повсюду,

а значит, нигде. Однажды брошенный шар будет стремиться к центру, но, не найдя его, будет двигаться вечно. Пущенный человеком шар получает импульс лишь в начальной фазе движения, затем он катится без человеческого участия. В подобную же систему Николай Кузанский включает Бога, человека и человеческий дух: пока душа «существует в теле, человек движется» [Кузанский, 2012: 39], т.е. живет. Его жизнь начинается в минуту, обозначенную Богом, но продолжается без Его участия, ибо человек свободен в своих действиях. Шар в конечном итоге уподобляется плоти, движение шара – свидетельство и доказательство присутствия в теле души.

Безусловно, что описание движения шара в игре неточно, так как шар рано или поздно остановится. Но происходит это по причине акцидентальной, из-за «привходящей» природы движения шара: он движется не сам по себе, а вследствие броска. Но если бы у шара была совершенная округлость (как у души), то это движение было бы длительным, подобно жизни человека, душа которого стимулирует движение плоти. В этом идеи Кузанца тождественны христианскому учению.

Можно предположить, вследствие каких умозаключений кардинал придает душе сферическую форму, хотя в современную эпоху его взгляды могут показаться несколько наивными. Присутствие жизни в теле проявляется в движении, которое, как было сказано ранее, запускается «самодвижущей», т.е. пребывающей в постоянном изменении, субстанциональной душой (вероятно, следует сразу подчеркнуть, что душа в представлении Николая Кузанского близка интеллекту, ибо он тоже субстанционален). Учитывая, что наибольшим образом к движению предрасположена округлость, философ и определяет форму интеллектуальной души в виде шара. И «<...> разумная душа сама собой движется в рассуждении <...> Душа есть сила, способная изобретать новые науки и искусства; в этом движении изобретения чего-то она тоже движет только сама себя», пишет кардинал [Кузанский, 2012: 42]. Для его построений очевидна прочная связь между наукой, интеллектом – и искусством и нравственностью. Как происходит творческий акт? Невидимый образ, полагает философ, рождается в уме мастера благодаря свободной способности мыслить (свободной эта способность является вследствие той независимости от Бога, которую душа приобретает с рождением человека). Возникновение видимого образа (шара) на основе невидимого образа, складывающегося в воображении мастера, знаменует собой процесс становления «божественного творящего искусства».

И, наконец, еще одна важная для Кузанского мысль, связанная с игрой в шар: человек, играющий должен приблизиться по своим духовным качествам к Христу. Как мы уже сказали ранее, игрок

должен отправить шар внутрь кругов (всего их девять, каждый внутри другого) с тем, чтобы докатиться до центра или наиболее близко к центру, который обозначает «трон царя», т.е. царство Христа. Побеждает тот, кто быстрее всех наберет число 34 – возраст Христа. Сын Божий в своей человеческой ипостаси послал свой шар в центр кругов с тем, чтобы дать пример людям, которые должны стремиться в течение жизни совершенствовать свою душу, убежден кардинал.

Как видим, игра в шар, придуманная философом, математиком Николаем Кузанским в аллегорической форме объясняет тайны мироздания, взаимоотношений между человеком, Богом и бесконечным и проводит параллель между творческим актом человека и действиями высших сил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бибихин В.В.* Н. Кузанский // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2000–2001. URL: http://bibikhin.ru/nikolay_kuzansky (дата обращения: 03.04.2020).
2. *Гайденок П.П.* Обоснование научного знания в философии Платона // Платон и его эпоха. К 2400-летию со дня рождения. М., 1979. С. 98–144.
3. *Гессе Г.* Игра в бисер. М., 1969. URL: <http://lib.ru/GESSE/biser.txt> (дата обращения: 03.04.2020).
4. История диалектики XIV–XVIII веков. М., 1974. С. 35–51. URL: http://istmat.info/files/uploads/37139/dialektika_1974.pdf (дата обращения: 03.04.2020).
5. *Кузанский Н.* Игра в шар. О видении Бога / Предисловие М.А. Хорькова. М., 2012.
6. *Лосев А.Ф.* Николай Кузанский в переводах и комментариях: В 2 т. Т. 1. М., 2016.
7. *Павловская А.В.* Единство в многообразии: типология праздничной и обрядовой культуры народов мира. От неолита до наших дней // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 63–78.
8. *Фалькенберг Р.* История новой философии. От Николая Кузанского до Канта. М., 2018.
9. *Финк Ойген.* Основные феномены человеческого бытия. М., 2017. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=70823&p=1> (дата обращения: 03.04.2020).

Irina L. Anastas'eva

PLAY AS A MYSTICAL PRACTICE OF THE SOUL MOVING TOWARD ITSELF IN THE WRITINGS OF NICHOLAUS CUSANUS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is devoted to the study of the phenomenon of play culture in the works of the German thinker, philosopher, and religious leader of the 15th century Nicholaus of Cusa, the author of the book “De ludo globi” which influenced both the representatives of the German classical philosophy and literature (Goethe, F. Schlegel) and the Russian cultural figures (Vl. Solovyov). The cardinal’s desire to solve theosophical problems

with the help of exact sciences and his focus on mathematical symbols determines the specific nature of play semantics in his works. In the conversation with his interlocutors in the book Nicholas of Cusa seeks to cultivate the highest stage of human understanding in them, the mystical transintelligent contemplation, by explaining the rules and the purposes of the game. The book is the cardinal's attempt of comprehending reality through philosophy; he uses play to teach the human mind the philosophical understanding of the cosmos, life, and God. Play symbolizes the spiritual aspirations and cognitive abilities of a person, facilitates the search for identity and the moral formation of the personality, and stimulates the spiritual and intellectual growth. In the conversation with his interlocutors Nicholas of Cusa tries to clarify the symbolic and mystical meaning of play bringing them to the understanding of play as a phenomenon of human existence. The bowling game created by the philosopher serves as an allegorical explanation of the secrets of the Universe, the relationships between people, God and the Infinite, and draws a parallel between the creative act of a man and the actions of God.

Key words: Nicholas of Cusa; the play culture; the mystical transintelligent contemplation.

About the author: *Irina L. Anastasyeva* – PhD, Associate Professor, Department of Comparative Literature and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: anastasyevairina@gmail.com).

REFERENCES

1. Bibihin V.V. 2000–2001. N. Kuzanskiy [N. Kuzanskiy]. *Novaya filosofskaya enciklopediya: v 4-h tt* Moscow, Mysl'. (In Russ.)
2. Gajdenko P.P. 1979. Obosnovanie nauchnogo znaniya v filosofii Platona [Substantiation of scientific knowledge in the philosophy of Plato]. *Platon i ego epoha. K 2400-letiyu so dnya rozhdeniya*. Moscow, pp. 98–144. (In Russ.)
3. German Gesse. 1969. *Igra v biser* [The Glass Bead Game]. Moscow, Hudozhestvennaya literature. URL: <http://lib.ru/GESSE/biser.txt> (accessed: 03.04.2020). (In Russ.)
4. *Istoriya dialektiki XIV–XVIII vekov*. 1974. [The history of dialectics of 14–18 centuries] Moscow, Mysl', pp. 35–51. URL: http://istmat.info/files/uploads/37139/dialektika_1974.pdf (accessed: 03.04.2020). (In Russ.)
5. Nicholas of Cusa. 2012. *Igra v shar. O videnii Boga*. [De ludo globi. De visione Dei]. Predislovie M.A. Hor'kova. Moscow, Akademicheskij Proekt, 161 pp. (In Russ.)
6. Losev A.F. 2016. *Nikolay Kuzanskiy v perevodah i kommentariyah* [Nicholay Kuzanskiy in translations and comments]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow, Izdatel'skij dom YASK. (In Russ.)
7. Pavlovskaya A.V. 2019. Unity in diversity: a typology of festive and ceremonial culture of the peoples of the world. From the Neolithic to the present day. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 63–78. (In Russ.)
8. Fal'kenberg R. 2018. *Istoriya novoj filosofii. Ot Nikolaya Kuzanskogo do Kanta* [The history of a new philosophy. From Nicholay Kuzanskiy to Kant]. Moscow, Knizhnyj dom "LIBROKOM". (In Russ.)
9. Fink Ojgen. 2017. *Osnovnye fenomeny chelovecheskogo bytiya* [The basic phenomena of human being]. Moscow, Kanon+ ROOI "Reabilitaciya". URL: <https://www.litmir.me/br/?b=70823&p=1> (accessed: 03.04.2020). (In Russ.)

О.А. Комков

К ВОПРОСУ ОБ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ СТАТУСЕ КУЛЬТУРЫ В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ КАРЛА ЯСПЕРСА¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья представляет собой теоретические пролегомены к возможному новому прочтению ключевых принципов работы Карла Ясперса «Истоки истории и ее цель», в которой содержится одна из наиболее значительных историко-культурологических концепций XX столетия. В предлагаемой герменевтической перспективе Ясперсова идея культуры как исторического развертывания жизненной полноты человеческого существования анализируется через сопряжение смысловых горизонтов психологии, сотериологии и темпорологии с целью выявления полифонического контрапункта, который образуют темы судьбы, времени, данности и заданности, экзистенции и трансценденции. Сконструированная таким образом оптика позволяет поставить вопрос о переосмыслении главного концепта философии истории Ясперса – концепта осевого времени – как топоса, формируемого событием пересечения временного и вечного, и соответственно как универсальной фигуры, описывающей трансцендентальную обусловленность культуры в пространстве и времени человеческой экзистенции. Избегая как крайностей трансцендентализма, так и чуждой материалу логики имманентизма, в своем прочтении мы приходим к необходимости артикулировать тот аспект изоморфности жизни и истории, в котором сущность культуры открывается как постоянное усилие человеческого самопревосхождения.

Ключевые слова: теория культур; философия культуры; философия истории К. Ясперса; осевое время; экзистенция; трансценденция.

Размышления над основополагающими интуициями работы К. Ясперса «Истоки истории и ее цель» – одного из ключевых текстов теории культуры XX в. – следует начать с обращения внимания на тот опыт, из которого Ясперс пришел к философским исследованиям. Он был психиатром и, обратившись к философии, продолжал

Комков Олег Александрович – кандидат культурологии, доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: olkomkov@yandex.ru).

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

практиковать как врач. Много из того, что он понял в человеческой природе и культуре благодаря врачебной практике, решающим образом определило его вариант экзистенциализма, на основе которого строится и его философия истории, венчающая собой его философию личности. Опыт врача-психиатра трудно переоценить: пациенты, с которыми Ясперс работал, никогда не были для него обезличенными объектами изучения. Подход к пациенту, основанный на подобном «объективировании», ни к чему хорошему не приведет. Ясперсу было необходимо принять на себя все те душевные страдания, с которыми к нему приходили пациенты. Конечно, есть в этом и опасность, но профессионализм врача включает и умение этой опасности противостоять. Ясперс выработал принцип, который распространил на все свои занятия, как исследователь культуры и философ. Ничто в сфере человеческого для него не могло быть просто объектом – дистанцированной вещью. Всё, о чем он когда-либо писал, было обязательно пропущено через его собственную душу и являлось результатом личностного отношения [Гайденко, 1991: 5–27].

С профессиональной базой у Ясперса было связано также то, что с самого начала речь для него шла о душевной жизни человека – психике, которая невидима и нелокализуема, о которой можно судить только по внешним проявлениям. Ясперс, как и другие представители его профессии, работал с тем, что абсолютно непостижимо. Этот феномен тайны будет играть важную роль в его концепции истории. Душу человека невозможно постичь, измерить, даже психиатр не может в нее проникнуть. Однако вся человеческая культура и история суть не что иное, как процессы душевной жизни человека. Они непостижимы, но с ними нужно работать вопреки этой непостижимости.

Наконец, еще один аспект этого основополагающего опыта касается как основной нити в философии Ясперса, так и его видения истории. Идея врачевания, исцеления становится для него чрезвычайно значимой не только во врачебной практике, но и в исследованиях культуры. Экзистенция – существование в состоянии изначальной лишенности. Это касается не только душевнобольного. Человек в принципе есть существо, которое изначально страдает от своей неполноты. Но в его же собственной природе заключена возможность исцеления, обретения себя как достижения состояния полноты и счастья. Это древняя тема: задание, которое человек должен исполнить. Он должен исцелить сам себя. Тема исцеления, выраженная на религиозном языке, становится теологемой спасения, сохраняя свой исконный смысл: спасти, значит даровать полноту жизни, вывести человека в такое измерение бытия, где ему не будет

ничего не хватать, где не будет никакого страдания и лишения. Обретение такой целостности – задача, которая стоит перед человеком в каждый момент его жизни.

Эти принципы и фундируют философию истории Ясперса. Он не строил схем. В названии его работы – истоки и цель. История – то, что между ними. Разворачивание истории человечества как истории культуры видится Ясперсом так, как если бы это была история личной судьбы. Слово «судьба» и в повседневной речи часто употребляется в смысле личной истории, когда мы говорим об «истории жизни» отдельного человека. У Ясперса всегда имеется в виду человеческая природа, совершающая свой путь через пространство культуры по общим законам, которые можно наблюдать. Что Ясперс говорит об истории, хорошо известно. Он делит ее на четыре этапа: доистория; великие культуры древности; осевое время; научно-технический век. Начало теряется в непроглядной тьме. Общие истоки человечества неизвестны. Это тайна. Тайна и «вверху» этой знаменитой «схемы» истории: к чему всё это, куда история ведет человека?

История это прежде всего жизнь, которая разворачивается между двумя безднами. Внизу – неизвестно где возникающие истоки человечества. Другая бездна зияет в конце (вверху) – цель истории. Как только история закончится, не будет и говорящих о ней. История не может закончиться, пока она разворачивается. Смысл жизни есть только тогда, когда она длится. Значит, цель существования человечества во времени – разворачивание своих возможностей. Человеческая судьба – то, что бесконечно вершится во времени. Этот процесс заключает свой смысл как стремление к жизненной полноте.

Пространство и время экзистенции (человеческое существование между рождением и смертью, историческая жизнь культуры между истоками и открытым в неизвестность телосом) у Ясперса детерминировано трансценденцией – тем, что превосходит человеческий порядок бытия. Человеческое существование *определяется* только его отношением к трансценденции – к тому, что *за пределом*. Трансценденция явлена и в «цели», и в «истоках»: она – то, что окружает со всех сторон человеческую жизнь. О «сущности» трансценденции можно гадать: там можно видеть Бога, обожествлять природу, – но важно понимать, что без отношения к трансценденции человека нет. Это отношение для Ясперса – творческий порыв, движущий и человеком, и историей. Трансцендентное всегда будет запредельным, тайным, бездной. Именно благодаря бездне трансценденции человек и понимает сам себя. Бездна питает человеческую экзистенцию как сокрытый ключ, без которого человеку негде было бы черпать силы,

как основа, без которой не на что было бы опереться². Это важно подчеркнуть, прежде чем читать «схему» истории Ясперса.

Итак, первый этап развития человечества – доистория. Время, когда человек формируется биологически, время накопления навыков и зарождения первичных духовных ценностей. Об этом времени точно ничего не известно. Ясперс говорит, что доистория на то и доистория, чтобы быть за пределами собственно истории. Но она включена в исторический процесс как его первый этап. Это неизбежный парадокс. Перед нами *уже* время существования человека. В традиционном понимании об истории можно говорить, только когда появляются письменные источники. Но что для Ясперса история? Судьба как осуществляющаяся жизнь. В связи с этим доистория – словно младенчество человечества, когда человек еще не умеет говорить. Из нее вдруг произрастает очень многое, и мы никогда не сможем отследить, как это происходит.

Второй этап – высокие культуры древности. Почти одновременно в трех частях земного шара возникают великие цивилизации: Ближний Восток (Египет и Двуречье), Индия и Китай. Долгое время они существуют устойчиво, однако постепенно приходят к распаду. На смену их длительному стабильному существованию приходит нечто новое. Здесь появляется знаменитая главная идея Ясперса – идея осевого времени.

Перечитаем известный пассаж: «В это время происходит много необычайного. В Китае жили тогда Конфуций и Лао-цзы, возникли все направления китайской философии, мыслили Мо-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и бесчисленное множество других. В Индии возникли Упанишады, жил Будда; в философии – в Индии, как и в Китае, – были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, до материализма, софистики и нигилизма; в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом; в Палестине выступали пророки – Илия, Исаяя, Иеремия и Второисаяя; в Греции – это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, трагиков, Фукидида и Архимеда. Все то, что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение немногих столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга»³. «Восток-Запад», Индия, Китай – три очага новой культуры. В осевое время рождается новый тип человека, который поныне доминирует на земле. Это человек, способный к абстрактному мышлению на всех уровнях, стремящийся к свободе и счастью: новый тип человека, который пытается достичь пределов своих

² Ср. соотношение понятий «трансценденция» и «экзистенция» в мысли Антанаса Мацейны [Мацейна, 2000: 42–234].

³ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 32–33.

возможностей. Возникает невысказанная прежде интенсивность и насыщенность духовного развития.

Только благодаря осевому времени впоследствии становится возможным четвертый этап исторического развития – научно-технический век. Через этот этап человечество приходит к «единому миру». Равный вес обретают разные регионы, культуры, народы. Ясперс предвидит пресловутую глобализацию, когда говорит, что к середине XX в. достигнуто единство человечества благодаря энергии, идущей от осевого времени. Осевое время постепенно вовлекает в свою орбиту все регионы и культуры. Вокруг идей, которые возникают в осевое время, вращаются все идеи послеосевых эпох.

Осевое время – особый, совершенно исключительный феномен, о природе которого мы должны себя спрашивать вновь и вновь. Сущность осевого времени Ясперса нельзя считать понятой, это будет ошибкой, которую продолжают совершать многие, видя вместо концепта лишь метафорическую фигуру. Ясперс говорит, что вокруг осевого времени вращается история человечества. Как? Ясперс спрашивает не о том, почему именно в этот период на хронологической шкале произошли те или иные изменения, не о причинах, которые обусловили распространение идей в это время в разных регионах, а о смысле этого *события*. Простой факт взаимодействия народов в пространстве не отвечает на вопрос, чем отличается осевое время от любых других важных «времен». Ибо «геометрия» у Ясперса неевклидова. И *факты, случающиеся во времени* (включая пресловутые «идеи»), хоть и опытно неотделимы от самой *событийности времени*, тем не менее ей нетождественны, и Ясперс эти два порядка не смешивает.

Речь идет о точке в истории, когда вечность вторгается во время. Осевое время – темпоральность *сбывающегося откровения*. Тайна начинает являться в людях, в их мышлении, стремлениях, чувствах. Таинственное прорывается в эту эпоху, начинает воплощаться в человеческом порядке бытия, отдаленно напоминая то, как у Гегеля мировой дух «вселяется» в народы и в отдельного человека. Мы живем, словно на плоскости, ограниченные двумерным пространством (физическая трехмерность изначально подорвана, скомпрометирована, стерта этой экзистенциальной плоскостью – как не вспомнить прекрасный образ двумерных существ Пуанкаре, который приводил в своих лекциях М.К. Мамардашвили [Мамардашвили, 2000: 34–35, 53–55]). А ось проходит перпендикулярно. Осевое время – момент, когда тайный замысел судьбы был впервые явлен человеку. Это сопоставимо с идеей судьбы отдельно взятого индивидуума. В истории, которую каждый может рассказать о себе,

наверное, тоже есть момент осевого времени – точки, в которой мы понимаем что-то важное и определяющее.

Конечно, осевое время, понятое как эпоха, как период, имеет начало и конец. Конец осевого времени совпадает, в частности, с эпохой эллинизма в средиземноморской ойкумене. Этот конец ознаменован возвратом к предшествующему состоянию культуры и выражается, например, в том, что начинают вновь строиться величественные империи. Некий возврат к опыту прошлого свидетельствует о завершении осевого времени, представленного для удобства чисто «хронометрически». Энергия человечества начинает иссякать, и, чтобы зафиксировать достигнутое, человек начинает возводить громадные постройки. Долго это не продлится, империи не выдерживают внутреннего напряжения. Тем не менее закономерно пытаться удержать энергию. Однако после падения гигантских построек высвобождается новая энергия – и начинается движение к научно-техническому веку. Так, Средневековье готовит Новое время, которое развернет новые возможности, но и принесет с собой новую опасность оскудения жизни. А «символичность» 1948 г., когда написана книга, очевидна – это символика границы. Прямо перед серединой XX в. нужно задаться вопросом о том, что будет дальше.

Дальше, говорит Ясперс, возможно новое осевое время. И здесь кончается «хронометрический» дискурс, ибо вновь заявляет о себе странность «геометрии» оси. Ось – топос вторжения трансцендентного в человеческое, тот масштаб жизненной силы, который сам человек не может себе обеспечить. Вторжение Бога, природы, дао. Но и чем-то в человеке оно тоже готовится. Человек готовится к возможности внезапной встречи. Возможно, новое осевое время будет сильнее, ярче прежнего. Но прежнее уже задало вечные идеи. Вся творческая деятельность человечества вращается вокруг тем жизни, смерти, красоты, любви, предательства. Осознание остроты и масштабов этих феноменов имеет определенный ритм. Осевое время – эпоха, когда человек начинает наиболее интенсивно думать о смысле своей жизни. Новое осевое время не будет похоже на старое, так как Земля становится неизбежно единым культурным пространством. Значит, вечные идеи и темы будут заново осмыслены так, чтобы сохранить мир на земле, – мир (и в смысле космоса, и в смысле состояния, противоположного войне) как само целое человечества. Человечество продолжит развивать в бесконечных вариантах науку, искусство, технику, – причем развивать технику так, чтобы она не поработила человека и не разрушила мир. Ясперс, писавший свою работу во время страшной войны, полон оптимизма. Новое осевое время, возможно, задаст новый масштаб «орбите вращения» человеческой культуры. Пока же оно не наступило, можно

говорить о постепенно затухающей интенсивности переживания культурой эффектов осевого времени, т.е. опыта встречи с трансценденцией. Это затухание обуславливает прогрессирующее духовное расстройство культуры, и Ясперс как врач ставит ряд диагнозов современному человечеству в разделах, посвященных нераскрытой тайне техники, движению масс, диалектике культурного единства и т.д., и ясно дает понять, что исцеление напрямую связано с сохранением осевого опыта тайны, конституирующего пространство и дыхание культуры.

Любопытно заметить, что в эпоху, когда набирают силу различные философские и культурологические концепции игры [Комков, 2018: 200–207], мысль Ясперса становится этим концепциям созвучна. Эксплицитно не обращаясь к феномену игры, не становясь мыслителем игры, подобно Й. Хейзинге, Р. Кайуа, Е. Финку, К. Акселосу [Хейзинга, 2011; Кайуа, 2007; Финк, 2017; Axelos, 1969], он безусловно понимает эвристичность такого осмысления культуры. Ведь смысл истории как движения человечества во времени – разворачивание своих потенциалов ради них самих, т.е. игра. Интерпретируя Ясперса, хотя сам он таких формул не дает, можно сказать, что орбита, заданная осевым топосом, есть пространство и время свободной игры духовных сил человека.

В работе «Истоки истории и ее цель» есть важный пассаж о том, что просто набросать четыре этапа как схему – бессмысленный формализм. Но попробуем, говорит Ясперс, осмыслить историю как два периода, как двухтактный ритм дыхания, динамически. Первое дыхание ведет от доистории через великие культуры древности к осевому времени. Потом выдох – пауза, передышка, затишье. И второе дыхание: после осевого времени – через научно-технический век к современному состоянию единого человечества. Возможно, мы на пороге нового выдоха – освободившейся пустоты, за которой должен последовать новый вдох. Линейная «схема» истории культуры, «линия времени», осмысленная как ритм дыхания, вдруг перестает быть линией и становится временем органическим, словно «оживленным» странным – не будет неуместно сказать: игровым – движением, заданным трансцендентальным событием вторжения оси, которая не принадлежит наличному порядку бытия и тем не менее в нем исторически осуществляется: дыхание входит в историю из бездны, объемлющей жизнь-судьбу человечества, так что время, ставшее дыханием, начинает раскручиваться вокруг оси вечности как ее «подвижный образ», согласно древней метафоре Платона. В дыхании воплощен сам принцип живого, которое всегда сопротивляется смерти уже тем, что включило ее в себя. Сохранение этого живого дыхания и дыхания мысли, которое влечет человека

вперед и ввысь – неотменяемая задача человечества. Как только человек перестанет видеть заданность, как только успокоится в собственной данности, он перестанет мыслить и быть. Тогда исчезнет и культура, которая существует только как постоянное превосхождение человеком самого себя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гайденко П.П.* Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 5–27.
2. *Кайуа Р.* Игры и люди. М., 2007.
3. *Комков О.А.* Imago hominis: образы человека в философии культуры XX–XXI веков // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 3. С. 200–207.
4. *Мамардашвили М.К.* Эстетика мышления. М., 2000.
5. *Мацеина А.* Драма Иова. СПб., 2000.
6. *Финк Е.* Основные феномены человеческого бытия. М., 2017.
7. *Хейзинга Й.* Homo ludens. Человек играющий. СПб., 2011.
8. *Axelos K.* Le jeu du monde. Paris, 1969.

Oleg A. Komkov

ON THE EXISTENTIAL STATUS OF CULTURE IN KARL JASPERS' PHILOSOPHY OF HISTORY⁴

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article revisits Karl Jaspers' epoch-making work "The Origin and Goal of History" in a series of reflective prolegomena to a new reading of the key principles underlying one of the most significant historical and cultural conceptions of the 20th century. In the proposed hermeneutical perspective, Jaspers' idea of culture as a historical unfolding of the vital fullness of human existence is analyzed by way of merging the interpretative horizons of psychology, soteriology and temporology in order to highlight the polyphonic counterpoint that is formed by the themes of fate, time, givenness and task, existence and transcendence. The resulting optics shows a path towards rethinking Jaspers' fundamental concept of the Axial Age as the topos generated by the crossing of the temporal and the eternal, and, consequently, as a universal figure describing the transcendental conditions of culture in the space and time of human existence. Avoiding both the extremes of transcendentalism and the logic of immanentism, which is alien to the material, we eventually articulate an aspect of isomorphism of life and history that reveals the essence of culture as the constant effort of human self-transcending.

---

⁴ This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage".

Key words: theory of culture; philosophy of culture; Jaspers' philosophy of history; the Axial Age; existence; transcendence.

About the author: *Oleg A. Komkov* – PhD in Cultural Studies, Associate Professor at Department of Comparative Studies in Literature and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: olkomkov@yandex.ru).

REFERENCES

1. Gaydenko P.P. 1991. *Chelovek i istoriya v ekzistentsial'noy filosofii Karla Jaspersa* [Man and History in Karl Jaspers' Existential Philosophy]. In: Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [Meaning and aim of history]. Moscow, Politizdat Publ., pp. 5–27. (In Russ.)
2. Caillois R. 2007. *Igry i l'udi* [Games and people]. Moscow, OGI Publ. (In Russ.)
3. Komkov O.A. 2018. Imago hominis: obrazy cheloveka v filosofii kul'tury 20–21 vekov [Imago hominis: Images of Man in 20th–21st c. Philosophy of Culture]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 200–207. (In Russ.)
4. Mamardashvili M.M. 2000. *Estetika myshleniya* [Aesthetics of Thought]. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy Publ. (In Russ.)
5. Matseyna A. 2000. *Drama Iova* [Drama of Job]. Saint Petersburg, Aletheia Publ. (In Russ.)
6. Fink E. 2017. *Osnovnye fenomeny chelovecheskogo bytiya* [Principal phenomena of human existence]. Moscow, Kanon+ Publ. (In Russ.)
7. Huizinga J. 2011. *Homo ludens*. Saint Petersburg, Ivan Limbach Publ. (In Russ.)
8. Axelos K. 1969. *Le jeu du monde* [The play of the world]. Paris, Les éditions de minuit Publ. (In French)

Я.П. Шолохова

**ЧЕЛОВЕК И ПРОСТРАНСТВО
В АВТОДОКУМЕНТАЛЬНОМ НАСЛЕДИИ
К.С. ПЕТРОВА-ВОДКИНА**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Автодокументальные свидетельства сегодня все чаще попадают в фокус внимания исследователей культуры, служа материалом для более глубокого понимания категорий и явлений, выходящих далеко за рамки биографии отдельной личности. В данной статье воспоминания, дневниковые записи и письма К.С. Петрова-Водкина выступают в качестве источников для исследования самобытного понимания художником категории пространства. Пространственное восприятие лежит в основе картины мира любой культуры, во многом определяя мироощущение ее представителей. Воспоминания К.С. Петрова-Водкина позволяют проследить процесс формирования новаторского понимания пространства, нашедшего отражение в его живописи. Отказываясь от прямой перспективы, К.С. Петров-Водкин настаивает на субъективном динамичном восприятии пространства, сформулированного им в теории «живой видимости». Пытаясь осмыслить противостояние человека и окружающего его пространства, художник использует свой частный опыт для толкования законов мироустройства, связывая наступление будущего с обновленным космическим пониманием пространственности.

Ключевые слова: культурология; пространство; человек; воспоминания; мемуары; текст художника; Петров-Водкин; «наука видеть»; «сферическая перспектива».

Исследования пространства как одной из ключевых категорий культуры занимают важное место в современной культурологии. Наряду со временем, пространство – одна из обязательных координат любого культурного явления. Восприятие пространства, характерное для определенной культуры, лежит в основе ее картины мира и объективируется в различных практиках и артефактах. Особенности индивидуального пространственного восприятия, присущего отдельным представителям культуры, могут вступать в диалог со сложившимися в культуре пространственно-временными ориента-

---

Шолохова Яна Павловна – преподаватель кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: yana.sholokhova@gmail.com).

циями, по-новому определяя место человека в меняющемся мире. Одним из художников, предпринимавшим попытки переосмысления фундаментальной категории пространства в культуре и живописи в начале XX в., был Кузьма Сергеевич Петров-Водкин (1878–1939).

Особенностям художественного изображения пространства в живописи К.С. Петрова-Водкина, так или иначе, уделяют внимание большинство исследователей его творчества (Е.В. Грибоносова-Гребнева, С.М. Даниэль, Н.В. Синявина, Т.П. Христолюбова). Однако, помимо большого количества живописных работ, К.С. Петров-Водкин оставил обширное автобиографическое наследие, в котором он уделяет много внимания осмыслению категорий пространства и перспективы. При рассмотрении автобиографических текстов художника становится очевидным, что, несмотря на доминанту времени как основы любого автодокументального нарратива, «переживание событий личной жизни в сознании автобиографического героя-повествователя определяется его пространственным мышлением, а не образами времени» [Бедрикова, 2019: 62–63].

Автобиографическое наследие К.С. Петрова-Водкина включает известную дилогию «Хлыновск»¹ (1930) и «Пространство Эвклида»² (1932), сборник путевых заметок о путешествии в Среднюю Азию «Самаркандия»³ и переписку художника. Кроме того, в 2018 г. к 140-летию со дня рождения К.С. Петрова-Водкина издательство «Арка» опубликовало сборник, в который вошли различные тексты, связанные с его жизнью и творчеством, в том числе дневниковые записи, сделанные им в 1926–1927 гг.⁴, а также воспоминания дочери художника Елены Кузьминичны Дунаевой (Петровой-Водкиной) о своем отце⁵. Его письма жене и матери тоже представляют собой нечто вроде дневника в письмах, о чем он и сам говорит: приехав в Париж, он пишет в письме домой: «*итак, начинаю свой дневник*»⁶.

Новаторское понимание К.С. Петровым-Водкиным формы и пространства было им сформулировано в теории «сферической пер-

¹ Петров-Водкин К.С. Хлыновск // Сферическое искусство. Наука видеть. М., 2019. С. 529–446.

² Петров-Водкин К.С. Пространство Эвклида // Сферическое искусство. Наука видеть. М., 2019. С. 7–258.

³ Петров-Водкин К.С. Самаркандия: Из путевых набросков 1921 г. // Сферическое искусство. Наука видеть. М., 2019. С. 447–463.

⁴ См.: Петров-Водкин К.С. История одного рождения // Петров-Водкин: В Центре Жизни Жизней. Воспоминания, письма, документы / А.В. Барзилович (ред.). СПб., 2018. С. 34–79.

⁵ См.: Дунаева (Петрова-Водкина) Е.К. Прикосновение к душе // Петров-Водкин: В Центре Жизни Жизней. Воспоминания, письма, документы / А.В. Барзилович (ред.). СПб., 2018. С. 17–357.

⁶ Там же. С. 95.

спективы», согласно которой «выпуклая поверхность центра [картины], надвигаясь на зрителя, целиком заполняет поле зрения и вытесняет пространство периферии» [Даниэль, Даниэль, 1989: 136], за счет чего пространство второго плана как бы втягивает зрителя внутрь самой картины. К.С. Петров-Водкин отказывается от правил прямой перспективы в пользу субъективности, вовлеченности, взаимопроникновения объектов и людей. Данный композиционный принцип позволяет ему передавать ощущение земли в ее планетарном масштабе.

В интервью газете «Нувель литерер» в 1925 г., в которой вышла, как он хвастался в письме матери в Хвалыньск, «целая простыня» о нем⁷, Петров-Водкин пишет: «Иллюзия зрительного восприятия, которую создает живопись, по крайней мере, должна точно передавать наше восприятие предмета <...> Предметы не имеют неизменный вид в пространстве при различных положениях, которые мы занимаем по отношению к ним <...> Именно эта последовательность образов и должна передаваться в картине»⁸. В русской культуре подобная «разноцентрированность в изображениях» [Флоренский, 2000: 48] известна как одна из характерных особенностей обратной перспективы, используемой в иконописи. Интерес к обратной перспективе в художественных практиках начала XX в. может быть объяснен тем, что «в переломные, взрывные периоды традиционные архетипы актуализируются и начинают активно формировать культурное пространство» [Карташева, 2013: 70]. В случае К.С. Петрова-Водкина переосмысление пространственности уходит корнями в раннее знакомство художника с процессом иконописи, описанное им в «Пространстве Эвклида», и выражается, по мнению большинства исследователей его живописи, в «стилистической близости творческого почерка художника к фресковой живописи и иконному делу» [Меркушев, 2018: 18].

К.С. Петров-Водкин утверждает, что подобное восприятие пространства является естественным для человека, и в своих воспоминаниях достаточно подробно описывает то, как оно развивается у ребенка. В раннем младенчестве «борьба восприятий озадачивает крошечное земное существо <...> оно не знает еще фокуса для определения расстояния»⁹, но все его существование уже определяется «четырёхмерн(ым) распространение(м) себя в мире»¹⁰. Поз-

⁷ Там же. С. 91.

⁸ Интервью К.С. Петрова-Водкина газете «Нувель Литерер» 1925 // Петров-Водкин: В Центре Жизни Жизней. Воспоминания, письма, документы / А.В. Барзилович (ред.). С. 484.

⁹ Петров-Водкин К.С. Хлыновск. С. 324.

¹⁰ Там же. С. 313.

же, уже в своем дневнике, К.С. Петров-Водкин рассказывает, как развивалось пространственное восприятие его дочери: *«Ты училась воспринимать предметы, и только движущимися они давали полную характеристику: двигая головкой, ты заставляла двигаться предмет, <...> и ты уясняла расстояние до предмета <...> младенец прав <...> нужны осевые сдвиги для полного охвата окружающего предмета»*¹¹. А в главе «Органические дефекты» второй части своих воспоминаний он рассказывает, как *«долго кружил»* возле знакомого слепого, чтобы *«ознакомиться с его ощущениями пространства»*, а позже и сам *«много раз подшиб <...> себе пальцы ног и получал в свое время синяки на лоб, изучая хождение с закрытыми глазами»*¹².

В качестве поворотного события своей жизни, преобразившего его восприятие пространства, К.С. Петров-Водкин приводит падение с холма, когда для него *«самое головокружительное по захвату было то, что земля, – как он вспоминает, – оказалась не горизонтальной и Волга держалась, не разливаясь на отвесных округлостях ее массива, и я сам не лежал, а как бы висел на земной стене»*¹³. Это уникальное пространственное переживание К.С. Петров-Водкин будет пытаться передать в своей живописи: выбив землю у зрителя из-под ног, художник разрушает привычную привязанность к устойчивой плоскости мира. Поскольку *«наши чувства, натасканные приспособлением к покою, очень извращенно воспринимают видимость»*,¹⁴ он стремится потерять, а не найти точку опоры. В «Пространстве Эвклида» художник вспоминает, как в молодости ему в голову пришла идея о том, что *«пьяный человек, теряя управление телом, отдается на волю космических движений»*¹⁵. Для него было важно вырваться из рутины восприятия и стать частью качественно иного движения – движения планетарного.

Современники, говоря о художественных опытах К.С. Петрова-Водкина, отмечали, что *«проблемы пространственного окружения человека его интересуют часто больше, чем сам живой человек»*¹⁶. При переходе от живописи к тексту, главным героем его воспоминаний также становится не он сам, а то, что его окружает. Место человека в автобиографических текстах К.С. Петрова-Водкина

¹¹ Петров-Водкин К.С. История одного рождения // Петров-Водкин: В Центре Жизни Жизней. Воспоминания, письма, документы / А.В. Барзилович (ред.). С. 70.

¹² Петров-Водкин К.С. Пространство Эвклида. С. 170.

¹³ Там же. С. 19.

¹⁴ Там же. С. 181.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Юон К. Выставка картин К.С. Петрова-Водкина // Известия. 1937. 26 февр. С. 4.

определяется через интерес к конкретике состояний сознания и смене точек наблюдения, позволяющих реализовать перспективу «живой видимости» наблюдателя, находящегося вечном движении – везде и нигде, или, по мнению одного из исследователей творчества художника «теурга, наблюдающего абсолютные, как в диалогах Платона, Идеи или сущности вещей» [Ковалев, 202: 108]. Окружающее пространство влияет и на предметы, и на человека; форма же определяется художником как проявление борьбы за противопоставление предметом себя окружающей среде. Переходя в своих воспоминаниях от частного, личного опыта до уровня космического, планетарного мироустройства, К.С. Петров-Водкин пытается преодолеть состояние разлада в отношениях между пространством и человеком как подобной формой, сопротивляющейся пространству: «Главным признаком новой эры наметилось движение, овладение пространством, – пишет он. – Непоседничество, подобно древней переселенческой тяге, охватило вступивших в новый век»; «форма теряла свои очертания и плотность, она настолько расширилась своими порами, что, нащупывая ее, проходил нащупывавший сквозь форму»¹⁷. Наступление будущего как качественно нового времени К.С. Петров-Водкин связывает с появлением новой пространственности. В дневнике он пишет: «Ощущено преодоление пространства. В этом и ни в чем другом дальнейшая культура. Аэропланы, радио <...> – это, конечно, пародия, но это и вступление в органическую пространственность... <...> Будет побежден закон тяготения! С этого начнется эра»¹⁸.

В докладе «О живописи» (1926) К.С. Петров-Водкин говорит о желании первобытного человека зафиксировать предмет, нарисовать его, и это становится для него знаком обладания [Христолюбова, 2012: 133]. Написание автобиографии, в свою очередь, можно рассматривать как опредмеченное желание автора обладать собственной жизнью, посмотреть на карту собственной личности с другой точки. Желание К.С. Петрова-Водкина вписать свою судьбу в большую историю через письменное документирование событий собственной жизни во многом созвучно его стремлению найти свое место в окружающем пространстве. Ретроспективное осмысление собственного пути реализует потребность в «раскрытии психологии своего творчества и познании его природы» [Галькова, 2018: 226], становясь средством выражения и трансляции творческого мировидения автора.

---

¹⁷ Петров-Водкин К.С. Пространство Эвклида. С. 98.

¹⁸ Петров-Водкин К.С. История одного рождения // Петров-Водкин: В Центре Жизни Жизней. Воспоминания, письма, документы. С. 66.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бедрикова М.Л.* Специфика изображения художественного пространства в автобиографической прозе К.С. Петрова-Водкина («Хлыновск», «Пространство Эвклида») // *Libri Magistri*. 2019. N 1 (7). С. 62–70.
2. *Галькова А.В.* Поэтика мемуарно-автобиографической прозы русских художников первой волны эмиграции (Добужинский, Бенуа, Коровин): Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2018.
3. *Даниэль А.М., Даниэль С.М.* Запад и Восток в творчестве К.С. Петрова-Водкина // *Советское искусствознание*. 1989. № 25. С. 131–146.
4. *Карташева Н.В.* Темпоральные феномены русской культуры послереволюционного десятилетия // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2013. № 4. С. 69–78.
5. *Ковалев А.* Петров-Водкин. У гроба картины // *World Art Музей*. 2002. № 1. С. 91–110.
6. *Меркушев В.В.* Кузьма Петров-Водкин – художник «героического оптимизма и крепкой веры в будущее». СПб., 2018.
7. Петров-Водкин: В Центре Жизни Жизней. Воспоминания, письма, документы // Барзилович А.В. (ред.). СПб., 2018.
8. *Флоренский П. А.* Обратная перспектива // *Сочинения: В 4 т. Т. 3 (1)*. М., 2000. С. 46–103.
9. *Христолюбова Т.П.* Особенности теоретико-художественных идей К.С. Петрова-Водкина // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. 2012. № 1. С. 132–136.

Yana P. Sholokhova

MAN AND SPACE IN THE LIFE WRITING TEXTS OF K.S. PETROV-VODKIN

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Life-writing is increasingly coming into the focus of academic researchers, becoming the source of a better understanding of cultural categories and practices which go far beyond the biography of a specific individual. This article analyses the memoirs, diary entries and letters of the Russian artist Kuzma Petrov-Vodkin in order to examine his unique understanding of the category of space. Spatial perception lies at the basis of any cultural outlook, defining the worldview of its representatives. Petrov-Vodkin's life-writing allows us to trace back the process of formation of his innovative perception of space, which is reflected in his artwork. The artist abandons the linear perspective and insists on a subjective and dynamic spatial perception, formulated in his theory of the 'spherical perspective'. He examines the interaction between objects, people and the space around them. Petrov-Vodkin uses his private experience to interpret the laws of the universe and connects the future to a new cosmic understanding of spatiality.

Key words: Cultural Studies; space; artist; memoirs; life-writing; Petrov-Vodkin; 'the science of seeing'; 'spherical perspective'.

About the author: *Yana P. Sholokhova* – Lecturer at the Department of Comparative Studies in Literatures and Cultures, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: yana.sholokhova@gmail.com).

REFERENCES

1. Barzilovich A.V. (ed.) 2018. *Petrov-Vodkin: V Tsentre Zhizni Zhiznei. Vospominaniya, pis'ma, dokumenty* [Petrov-Vodkin. "In the Life of the Lives' center". Memoirs. Letters. Documents]. Saint-Petersburg, Arca. (In Russ.)
2. Bedrikova M.L. 2019. Spetsifika izobrazheniya khudozhestvennogo prostranstva v avtobiograficheskoi proze K.S. Petrova-Vodkina ("Khlynovsk", "Prostranstvo Evklida") [K. Petrov-Vodkin's Autobiographic Prose ("Khlynovsk", "Euclid's Space"): Specifics of Representation of the Art Space]. *Libri Magistri*, no 1 (7), pp. 62–70. (In Russ.)
3. Daniel' A.M., Daniel' S.M. 1989. Zapad i Vostok v tvorchestve K.S. Petrova-Vodkina [East and West in K.S. Petrov-Vodkin's Art]. *Soviet Art Studies*, no. 25, pp. 131–146. (In Russ.)
4. Florenskii, P. A. 2000. Obratnaya perspektiva [Reverse Perspective]. In *Sochineniya. V 4 t.* [Collection of Works in 4 Volumes]. V. 3 (1). Moscow: Mysl', pp. 46–103. (In Russ.)
5. Gal'kova A.V. 2018. *Poetika memuarno-avtobiograficheskoi prozy russkikh khudozhnikov pervoi volny emigratsii (Dobuzhinskii, Benua, Korovin)* [The Poetics of the Autobiographical Prose of the Russian Artists from the First Wave of Immigration (Dobuzhinsky, Benois, Korovin)]. PhD Thesis. Tomsk State University. (In Russ.)
6. Kartasheva N.V. 2013. Temporal'nye fenomeny russkoi kul'tury poslerevolutsionnogo desyatiletiya [Temporal Phenomena of the Russian Culture of the Post-Revolutionary Decade]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 69–78. (In Russ.)
7. Khristolyubova T.P. 2012. Osobennosti teoretiko-khudozhestvennykh idei K.S. Petrova-Vodkina [The Features of K.S. Petrov-Vodkin's Theoretical and Artistic Ideas]. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*, no. 1, pp.132–136. (In Russ.)
8. Kovalev A. 2002. Petrov-Vodkin. U groba kartiny [Petrov-Vodkin. At the Grave of a Painting]. *World Art Museum*, no. 1, pp. 91–110. (In Russ.)
9. Merkushev V.V. 2018. *Kuz'ma Petrov-Vodkin – khudozhnik "geroicheskogo optimizma i krepkoi very v budushchee"* [Kuzma Petrov-Vodkin – the Artist of "Great Optimism and Strong Belief in Future"]. Saint-Petersburg, Znak. (In Russ.)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.В. Медведева

СЕМИОТИКА ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ТЕКСТА ГОРОДА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена изучению городского пространства как текста культуры, в котором активно взаимодействуют разнообразные семиотические языки. В этом смысле городская среда является сложным переплетением пространства, архитектуры, людей, предметов и имен, а также их взаимоотношений в повседневной жизни. Учитывая многоаспектность городской семиотики, представляется целесообразным остановиться на одной из знаковых систем, участвующих в создании текста города. Предметом изучения в данной статье стал феномен достопримечательности в городском пространстве, и шире – семиотика достопримечательностей как один из кодов, формирующих и фиксирующих городской текст. В статье предпринята попытка интерпретировать достопримечательность как знак, являющийся компонентом особой знаковой метасистемы, при переходе в которую знак сохраняет свою принадлежность к исходной семиотике, но приобретает новые черты. Такой подход позволил выявить сопутствующие изменения в прагматике и семантике знаков, а также частично описать специфику их синтактики. Представляется, что обнаружение семантически мотивированных взаимосвязей между знаками такого рода, позволит выявить новые пласты содержания городских текстов и, тем самым, не только обеспечить фиксацию культурной памяти в городской среде, но и реализовать творческую функцию текста города.

Ключевые слова: город; городская среда; городское пространство; город как текст; городской текст; знаковые системы; семиотика; семиотика города; визуальная семиотика; знаковые системы; достопримечательности.

Интерес к феномену городского текста, наметившийся в отечественной науке почти сто лет назад, постепенно привел к формированию концепции «город как текст культуры». В настоящее время можно говорить о существовании двух подходов в изучении текста города. Один из них – литературоведческий – развивает направление

Медведева Елена Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: yelena_medvedeva@mail.ru).

исследований, намеченное еще в работах Н.П. Анциферова и продолженное В.Н. Топоровым. В его рамках изучению подвергаются литературные тексты о городе, содержащие художественные коды и образы, выявление которых направлено на «такую идею изучения города, как познание его души, его лика, восстановление его образа как реальной собирательной личности» [Анциферов, 1922: 2]. Как пишет в связи с этим В.В. Абашев, «нас интересует не Пермь, физически существующий город и земля, а *‘Пермь’* – структурно-семантическое образование, одна из категорий русской культуры, осмысливающая и город, и землю» (выделено автором. – Е.М.) [Абашев, 2000: 5]. Ряд упомянутых трудов о петербургском и пермском текстах в настоящее время дополнен работами, посвященными московскому, сибирскому, крымскому, провинциальному и другим городским и локальным текстам.

Второй подход к изучению текста города явился логическим продолжением литературоведческого, однако благодаря трудам тартуско-московской семиотической школы он получил новое направление развития в соответствии с предложенной Ю.М. Лотманом трактовкой города как «сложного семиотического механизма, генератора культуры», представляющего собой «котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [Лотман, 2000: 325]. С этой точки зрения *текстом оказывается сама городская среда*, поскольку в ней результаты исторической и культурной жизни оказываются закреплены с помощью архитектуры, топонимики, фольклора и пр., т.е. с помощью разного рода семиотических кодов (см., например: работы С.С. Аванесова, С.В. Пирогова, Г.И. Ревзина и др.). В этом смысле городская среда предстает перед нами как сложное переплетение языка, пространства и архитектуры, людей, предметов и знаков, а также их взаимоотношений в повседневной жизни. Иначе говоря, исследуя город, «мы имеем дело с символическим, мы имеем дело не просто с отдельными знаками, образами, мы имеем дело с непрерывной тканью, которая имеет историческое измерение, географическое измерение»¹.

В целом следует признать, что указанные подходы ничуть не противоречат друг другу: используя различные методы и инструменты, материал для изучения, исследователи тем не менее остаются в рамках классического описания текста города, предложенного еще В.Н. Топоровым: город «говорит нам своими улицами, площадями, водами, островами, садами, зданиями, памятниками, людьми,

---

¹ Салмин Л. Чувство Города. 2012. 12 марта. URL: <https://artbird.ru/zhurnal/rodina/%D0%A1%D0%B0%D0%BB%D0%BC%D0%B8%D0%BD> (дата обращения: 02.02.2020).

историей, идеями и может быть понят как своего рода гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков, реализуемая в тексте» [Топоров, 2003: 42].

На наш взгляд, одной из таких знаковых систем, с помощью которых создается и фиксируется текст города, является семиотика достопримечательностей – своеобразных «точек сопряжения» истории и культуры, обычно пространственно закрепленных в городской среде. Необходимо однако указать на то, что в настоящее время к достопримечательностям могут быть отнесены самые разнообразные феномены, начиная от традиционных (архитектурных построек, музейных комплексов, природных ландшафтов и пр.) и заканчивая необычными и даже экзотическими (блюдами местной кухни, массовыми мероприятиями, местами съемок культовых фильмов и пр.).

Учитывая необычайное разнообразие феноменов, потенциально способных стать достопримечательностью, следует указать на то, что *семиотика достопримечательностей представляет собой знаковую систему метауровня, используемую для передачи информации о городе/ регионе и объединяющую воедино знаки разных семиотик* (архитектуры, ландшафта, гастрономии и пр.). Становление же достопримечательности, т.е. переход обычного объекта из множества подобных ему в класс «примечательных» объектов, можно рассматривать как сугубо семиотический процесс, начинающийся, по-видимому, с изменения прагматики знака.

Так, архитектурное сооружение, расположенное в пространстве города, являет собой знак, план выражения которого составляет определенная архитектурная форма², а план содержания включает самые разнообразные сведения: от утилитарного предназначения постройки (жилой дом, церковь, дворец и пр.) до исторической эпохи создания, имени архитектора и / или владельца, особенностей стиля, исторических событий и / или легенд, связанных с данным зданием. Подчеркнем, что в обычной жизни горожане могут не обращать внимания даже на самые величественные или известные архитектурные сооружения, воспринимая их как часть среды, при

---

² Следует отметить, что и архитектурная форма представляет собой результат взаимодействия семиотических кодов и определенных композиционных средств: «Различные архитектурные элементы и детали приобретают в композиции специфическое содержание. <...> Будучи функционально значимы, активно включаясь в процессы деятельности человека в архитектурном окружении, такие элементы приобретают развитое символическое содержание, наполняются многообразными культурными значениями» [Барбышев, Сомов, 1990: 78–79]. Однако в интересах данной статьи необходимо отказаться от детального анализа достопримечательности как сложного знака.

этом здание остается для большинства своего рода «пустым» знаком, поскольку значительная часть информации его плана содержания не актуализируется.

Иное дело, если перед тем или иным сооружением появляется, например, экскурсионная группа, и горожане неожиданно для себя обнаруживают чье-то повышенное внимание к привычному объекту. Чужой интерес вполне может актуализировать некоторые фрагменты информации, заставить горожанина вспомнить некие факты, свидетельствующие об особом статусе данного здания. Таким образом, в достопримечательности чрезвычайно важным оказывается *прагматический аспект функционирования данного знака: именно отношения между знаком и воспринимающей аудиторией превращают «обычный» объект в феномен, обладающий дополнительной эмоционально-психологической ценностью.*

Так, например, дом № 10 по ул. Большая Садовая в Москве мог бы остаться в восприятии москвичей одним из многих прекрасных зданий, выстроенных в стиле модерн, мимо которых горожане проходят, отмечая для себя красоту архитектурного решения, но не воспринимая постройку как нечто, связанное с какими-либо важными событиями или личностями. Многие компоненты плана содержания этого архитектурного знака для большинства до сих пор остаются неизвестными³, однако за счет изменений в прагматике знака в 1980-е годы дом № 10 начал выделяться в контексте городской среды:

- повышенное внимание поклонников М.А. Булгакова обусловило узнаваемость данного архитектурного знака другими горожанами, одновременно обеспечив актуализацию смысловых компонентов, связанных с творчеством писателя⁴;
- после открытия в доме № 10 музея М.А. Булгакова в 2007 г. здание приобрело дополнительные визуальные маркеры, выделяющие его в ряду застройки улицы (например, вывеску на доме, особый стилизованный номер дома, отсылающий к роману «Мастер и Маргарита», мемориальную табличку, указатель и пр.).

---

³ В квартирах построенного в 1903 г. по заказу фабриканта И.Д. Пигита доходного дома проживали многие представители творческой интеллигенции начала XX в.: П.П. Кончаловский, В.И. Суриков, Н.П. Рябушинский и др.; на одной из вечеринок, устроенной в доме, С.А. Есенин познакомился с А. Дункан; после революции в одной из коммунальных квартир ночь перед покушением на В.И. Ленина провела Ф. Каплан.

⁴ В 1921–1924 гг. М.А. Булгаков жил в одной из комнат коммунальной квартиры № 50, ставшей прообразом «нехорошей квартиры» в романе «Мастер и Маргарита»; поблизости располагаются и другие места, связанные с событиями культового романа; здесь же были написаны, например роман «Белая гвардия», повести «Дьяволиада», «Роковые яйца» и некоторые рассказы.

Приведенный пример демонстрирует и еще одну особенность: *при переходе в семиотику достопримечательностей план содержания знака расширяется, приобретая дополнительные смысловые или эмоциональные компоненты*. При этом на развитие и обогащение семантики могут оказывать влияние самые разнообразные факторы, в том числе не имеющие непосредственного отношения к самой достопримечательности. Так, например, проведение киносъемок в городском пространстве, конечно, является необычным событием, однако чаще всего толпа любопытных не придает значения улицам, зданиям, природным ландшафтам, рядом с которыми ведется съемка (скорее внимание привлекает сам кинопроцесс). Более того, городская или природная среда на киноэкране воспринимается лишь как декорация к событиям фильма. Иное дело, если в фильме задействована достопримечательность. В таком случае процесс обогащения семантики оказывается двусторонним: узнаваемый объект используется для создания информационно-образной составляющей фильма, при этом и сама достопримечательность получает возможность для расширения и развития своего плана содержания.

Возможно, Эмпайр-стейт-билдинг так и осталось бы самым высоким зданием Нью-Йорка или одним из красивейших зданий Манхэттена и входило бы в семиотику достопримечательностей города именно в этом качестве. Однако с 1933 г. небоскреб начинает привлекать внимание кинематографистов: первый фильм, задействовавший Эмпайр-стейт-билдинг, – «Кинг-Конг» – эксплуатировал невероятные для 1930-х годов размеры здания, одновременно способствуя его популяризации за пределами Нью-Йорка и превращения в достопримечательность, узнаваемую во всем мире. Позже за счет двух киноверсий любовной истории – фильма «Любовный роман» (1939) и его ремейка «Незабываемый роман» (1957) – план содержания данного узнаваемого знака приобрел дополнительные компоненты (не связанные непосредственно с утилитарными функциями Эмпайр-стейт-билдинг как офисного здания, но прочно закрепившимися в семантике знака): это – одно из самых романтических мест Нью-Йорка, а возможно, и мира, место встречи влюбленных и т.д.

Описывая процесс превращения обычного объекта действительности в достопримечательность, Д. Макканелл выделяет в нем четыре стадии [Макканелл, 2016: 86–88], которые вполне могут быть интерпретированы семиотически, что позволит проследить процесс перехода знака в новую знаковую систему и описать отличия достопримечательности от обычных, «незамечаемых» туристами и горожанами объектов (таблица).

Синтактика достопримечательности как знака может быть использована в сугубо практических целях: *выявление и/или создание*

Стадия 1	
Выбор одного объекта из ряда подобных и маркирование «как достойного сохранения» (сопровождается присвоением имени, подтверждением подлинности и сбором информации о ценности объекта)	Изменение прагматического аспекта знака и последующее расширение его плана содержания
Стадия 2	
фреймирование и возвышение объекта (в некоторых случаях подразумевается не фигуральное, а буквальное очерчивание границ потенциальной достопримечательности, а также подъем объекта, например, на пьедестал)	обогащение плана выражения дополнительными маркерами
Стадия 3	
механическое воспроизводство достопримечательности (производство фотографических, рисованных и/или объемных изображений и пр.)	производство визуализированных знаков-копий; на этом этапе возможно дополнительное расширение плана содержания знака-копии за счет приобретения связи с городом, в котором находится объект; в некоторых случаях знак-копия достопримечательности может стать знаком-индексом города
Стадия 4	
общественное воспроизводство (мероприятия, группы людей, города, регионы начинают называть себя в честь знаменитых достопримечательностей)	производство вербализованных знаков, которые могут стать знаком-индексом достопримечательности и шире – города, в котором она расположена

связей между отдельными знаками в городской среде широко используется при разработке туристических маршрутов. Городские экскурсии задействуют синтагматические связи между достопримечательностями, устанавливая их произвольно (на основании общего знакового характера объектов и их географической близости) или целенаправленно выявляя семантическое сходство знаков и формируя на этой основе так называемые «тематические маршруты». Интересным примером представляется проект, впервые реализованный в г. Нант: на асфальте городских улиц была прочерчена зеленая линия, соединяющая друг с другом достопримечательности и буквально визуализирующая туристический маршрут. При этом «Зеленая линия Нанта» объединила друг с другом не только основные достопримечательности (Герцогский замок, Нантский собор, архитектурные памятники, музеи и пр.), но и городской рынок, кафе и

рестораны, представляющие гастрономический интерес, уличные инсталляции и т.д., за счет чего в городе удалось маркировать наиболее значимые объекты и наглядно продемонстрировать взаимосвязи между ними.

Отметим, что при таком подходе, не учитывающем семантическую соотнесенность знаков друг с другом, установление и маркирование взаимосвязей оказывается слабо мотивированным. Однако и в этом случае в пространстве города возникает подобие визуализированного краткого связного текста, своеобразного «синопсиса», предлагающего горожанам и туристам возможный ответ на вопрос, поставленный Л. Салминым: «О чем этот город»?⁵

Примечательно, что с 2011 г. опыт г. Нант начал активно применяться в России (например, создание «Зеленых линий» в городах Пермь, Соликамск, Иркутск, Улан-Удэ), при этом в ряде проектов выстраивание связей между достопримечательностями оказалось обусловлено тематикой маршрута, т.е. учитывало и определенную семантическую общность объектов. Так, «Красная линия» в г. Пермь объединила 16 локаций, связанных с историями любви знаменитых людей, а «Синяя линия» в г. Екатеринбург прошла по местам, связанным с семьей Николая II. Данные проекты, основанные на выявлении семантически мотивированных взаимосвязей между знаками, позволяют обнаружить и зафиксировать в городском пространстве (в том числе визуально) новые пласты содержания текста города.

Более того, приведенные примеры отсылают к лотмановскому пониманию текста как «смыслопорождающего механизма», которому помимо его непосредственной функции – передачи определенного сообщения – присущи функция памяти, а также творческая функция. Перефразируя Ю.М. Лотмана, по-видимому, можно утверждать, что текст представляет собой не только «конденсатор культурной памяти», но и «генератор новых смыслов» [Лотман, 2000: 162]. Представляется, что *выявление семантически мотивированных взаимосвязей между отдельными знаками семиотики достопримечательностей позволяет реализовать творческую функцию текста города и обнаружить новые составляющие «общего смысла», закодированного в городском пространстве.*

Таким образом, семиотика достопримечательностей представляет собой знаковую систему метауровня, используемую для передачи информации о городе и содержащую знаки разных знаковых систем. При переходе в семиотику достопримечательностей тот или

---

⁵ Салмин Л. Чувство Города. 12.03.2012. URL: <https://artbird.ru/zhurnal/rodina/%D0%A1%D0%B0%D0%BB%D0%BC%D0%B8%D0%BD> (дата обращения: 02.02.2020).

иной знак сохраняет свою принадлежность к исходной знаковой системе, однако приобретает особую эмоционально-психологическую важность для воспринимающих и постепенно расширяет свой план содержания. Установление синтагматических связей между отдельными знаками городского пространства, особенно задействующее их семантическую общность, способствует обогащению и развитию текста города (и шире – текста окружающей город территории), позволяет сделать его более привлекательным как для посещения, так и для проживания в нем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Абашев В.В.* Пермь как текст: Пермский текст в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000.
2. *Анциферов Н.П.* Душа Петербурга. СПб., 1922.
3. *Барбышев Е.Н., Сомов Г.Ю.* Формообразующие структуры и архитектурная форма // *Архитектура СССР.* 1990. № 2. С. 74–79.
4. *Голованивская М.К.* Легендарные дороги России: опыт построения модели синтаксической территориальной связности // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2013. № 4. С. 56–68.
5. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров // *Лотман Ю.М. Семиосфера.* СПб., 2000. С. 150–390.
6. *Макканелл Д.* Турист. Новая теория праздного класса. М., 2016.
7. *Павловская А.В.* Глобальное vs региональное: к вопросу о проблемах межкультурной коммуникации в глобальном мире // *Вестн. Моск. ун-та. Сер.19: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2020. № 1. С. 9–21.
8. *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003.

Elena V. Medvedeva

THE SEMIOTICS OF LANDMARKS AND ITS ROLE IN THE FORMATION OF THE URBAN TEXT

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article studies urban space as a text of culture, where various semiotic languages interact. With reference to this urban space can be perceived as a complex contexture of space, architecture, people, objects and names, as well as their interrelation in everyday life. The object of study in the article is a phenomenon of urban space landmarks and, on a large scale, the semiotics of landmarks as one of the codes which form and record the urban text. The author endeavors to interpret landmarks as a sign which constitutes a particular sign meta-system where a transmitted sign saves its appurtenance to its initial semiotics, but takes new features. This approach has enabled us to find out the changes in the pragmatics and semantics of signs and to characterize partly the specifics of the syntactics. The detection of semantically motivated correlation between this type of signs seems to contribute to the process of detection of new sense layers in urban texts and to result not only

in the reinforcement of cultural memory, but also in the fulfillment of the creative function of the urban text.

Key words: city; urban environment; city as a text; urban text; semiotics; semiotics of a city; visual semiotics; sign systems; landmarks.

About the author: *Elena V. Medvedeva* – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: yelena_medvedeva@mail.ru).

REFERENCES

1. Abashev V.V. 2000. *Perm' kak tekst: Permskii tekst v russkoi kul'ture i literature XX veka* [Perm as a text: Perm text in Russian culture and literature of the twentieth century]. Perm', Izd-vo Permskogo gos. un-ta. (In Russ.)
2. Antsiferov N.P. 1922. *Dusha Peterburga* [The soul of St. Petersburg]. Peterburg, Izd-vo "Brokgauz i Efron". (In Russ.)
3. Barbyshev E.N., Somov G.Yu. 1990. Formoobrazuyushchie struktury i arkhitekturnaya forma [The forming of the structure and architectural form]. *Arkhitektura SSSR*, no. 2, pp. 74–79. (In Russ.)
4. Golovaniivskaya M.K. 2013. Legendarnye dorogi Rossii: opyt postroeniya modeli sintaksicheskoi territorial'noi svyaznosti [Legendary Russian roads: building a model of syntactic territorial coherence]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 56–68. (In Russ.)
5. Lotman Yu.M. 2000. *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside the thinking worlds]. In Lotman Yu.M. *Semiosfera* [Universe of the mind]. Saint Petersburg, "Iskusstvo–SPb", pp. 150–390. (In Russ.)
6. Makkanel D. 2016. *Turist. Novaya teoriya prazdnogo klassa* [The tourist: a new theory of the leisure class]. Moscow, Ad Marginem Press. (In Russ.)
7. Pavlovskaya A.V. 2020. Global'noe vs regional'noe: k voprosu o problemakh mezhkul'turnoi kommunikatsii v global'nom mire [The global vs the regional: concerning problems of intercultural communication in the global world]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 9–21. (In Russ.)
8. Toporov V.N. 2003. *Peterburgskii tekst russkoi literatury* [Petersburg text of Russian literature]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB. (In Russ.)

О.В. Маринин

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ
АДМИНИСТРАЦИИ В ГЕРМАНИИ
КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА РЕГИОНОВЕДЕНИЯ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена анализу динамики развития социокультурного регионоведения как самостоятельной дисциплины гуманитарного знания. Дается периодизация этого процесса с выделением характерных особенностей каждого из трех этапов. В числе проблем автором указано на недостаточность имеющейся источниковой базы и на успешные попытки ее расширения. Вторая часть статьи посвящена рассмотрению комплекса документальных материалов Советской военной администрации в Германии (СВАГ) с точки зрения их использования в регионоведческих разработках социокультурного характера в рамках изучения межрегиональных связей СССР и Германии в первые послевоенные годы. В том числе с использованием своего профессионального опыта, автор рассказал о процессе рассекречивания материалов СВАГ, об их публикации и основных направлениях использования в рамках социокультурного регионоведения. В статье перечислены основные комплексы документальных материалов СВАГ, доступные для использования в настоящее время в Государственном архиве Российской Федерации. Выводы: Социокультурное регионоведение как самостоятельная дисциплина гуманитарного знания развивается в полном соответствии с законами и тенденциями других гуманитарных наук, что подтверждает его актуальность и научную значимость проводимых в его рамках исследований. Тенденция к расширению информационной базы регионоведческих штудий закономерна и позволяет привлечь новые области знаний в рамках междисциплинарных проектов. Комплекс документальных материалов СВАГ предоставляет широкие возможности для комплексного социокультурного регионоведческого анализа большого круга материалов с целью более полного и объективного понимания особенностей межрегиональных отношений СССР и Германии в 1945–1949 гг.

Ключевые слова: социокультурное регионоведение; регионоведение России; регионоведение Германии; культурно-исторический аспект взаимодействия России и Германии; Государственный архив Российской Федерации; публикация архивных материалов; Советская военная администрация в Германии; историко-культурологические исследования.

Маринин Оганес Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: oganesvm@gmail.com).

Социокультурное регионоведение является сравнительно молодым направлением в гуманитарных исследованиях, оно впервые было сформулировано преподавателями кафедры региональных исследований нашего факультета в первом десятилетии двухтысячных годов [Актуальные проблемы регионоведения, 2007]. Однако, несмотря на свою молодость, оно демонстрирует полную научную и образовательную самостоятельность и развивается по классическим законам любой гуманитарной науки. На первом этапе внимание исследователей было привлечено чаще всего к выбору термина, к определению предмета, объекта, методики и методологии изучения, к выработке общего понимания места и роли нового направления в системе уже сложившегося гуманитарного знания. На втором этапе развития социокультурного регионоведения как отдельной дисциплины преподавателями нашей кафедры, в том числе и автором настоящих заметок, были сформулированы основные и второстепенные признаки региона, обоснованы такие принципиальные понятия, как «константы» и «доминанты» региона, выявлено общее направление вектора развития региона [Маринин, 2014]. Появилось и утвердилось разделение, в том числе и в учебном процессе, на регионоведение России и зарубежное регионоведение.

Современный этап развития социокультурного регионоведения характеризуется динамичным распространением этого типа историко-культурологического анализа на все новые сферы и области исследований. Были предложены научной общественности, получили одобрение и нашли свое место в учебном процессе новые направления социокультурного регионоведения, например, аудиовизуальное регионоведение и др. Благодаря тесному взаимодействию с нашими коллегами-представителями других гуманитарных специализаций, много точек соприкосновения было найдено с культурной географией, имагологией, искусствознанием, другими направлениями, что обогатило методологию и инструментарий исследований и в конечном итоге привело к росту актуальности и научной значимости результатов регионоведческих разработок.

Любое правильное развитие науки предполагает не только успехи, но и сложности, которые выявляют новые проблемы и аспекты в общих и частных вопросах и без которых невозможно динамичное продвижение вперед в познании человеческой деятельности во всем ее многообразии. Насущной проблемой социокультурного регионоведения стало расширение круга используемых при профильных разработках источников. Первоначально типовая и видовая классификация источников была заимствована у исторической науки, что полностью себя оправдало в период становления этой отрасли гуманитарного знания и привело к четкой структуризации и типоло-

гизации источниковедческого анализа. Однако по мере развития специфики социокультурных исследований стало понятно, что необходимо расширение круга информационных данных для удовлетворения междисциплинарных требований этого направления работ. Преподаватели нашей кафедры провели большую поисковую и аналитическую работу, в результате которой регионоведческие исследования стали опираться на широкое и многообразное использование данных из СМИ, в традиционном и электронном формате, статистику и другие ресурсы, используемые в экономической географии, опросы общественного мнения и интервьюирование, на литературные произведения отечественного и зарубежного происхождения и т.д. При этом самую большую пользу приносит сравнительно-аналитический анализ материалов на разных языках, что облегчается профессиональным уровнем языковой подготовки студентов и магистрантов РИМО на нашем факультете. Отдельно хотелось бы отметить принципиально важное для социокультурных регионоведческих исследований достижение – включение в базу репрезентативных данных распространенных интернет-ресурсов, блогов, социальных сетей и т.п. Именно эти материалы являются очень важными и труднозаменяемыми при определенном виде социокультурных регионоведческих исследований.

Благодаря активным усилиям по нахождению и освоению новых источников для анализа, проблема расширения их круга получает свое последовательное разрешение. Дальнейшему достижению именно этой принципиальной задачи посвящена и настоящая статья.

Выполняя поручение руководства кафедры, в течение последних лет подготовил и веду лекционный курс по культурно-историческим аспектам взаимодействия России и Германии. В результате пришел к выводу о том, что после окончания Великой Отечественной войны в ходе социокультурного сотрудничества двух регионов сложился и был востребован уникальный и интересный опыт межрегиональных отношений.

Как известно, после завершения военных действий в 1945 г., на территории Германии начали свое существование и функционирование оккупационные власти в четырех зонах оккупации – советской, американской, английской и французской. Несмотря на свою сравнительную непродолжительность, этот период формально завершился в 1949 г. с созданием ФРГ и ГДР, он признан одним из самых сложных в послевоенной истории Германии. В первые месяцы главными задачами оккупационных властей было разоружить немецкие войска, не допустить массовых беспорядков, эпидемий, голода и обеспечить население Германии хотя бы минимумом продовольствия. Советская зона оккупации занимала примерно 30%

территории Германии, там проживало примерно 28% населения страны. До войны этот район давал более 30% промышленной продукции, 35% возделываемых сельхозугодий послевоенной Германии также находились в советской зоне [Бонвеч, 2008].

Для организации разноплановой управленческой и контрольной деятельности 6 июня 1945 г. постановлением СНК СССР была создана Советская военная администрация в Германии (СВАГ), которая формально прекратила свою деятельность 5 ноября 1949 г. в связи с образованием ГДР. Не требует специальных пояснений тот факт, что отечественные и зарубежные историки всегда проявляли к этому комплексу документальных материалов огромный интерес. Между тем официальная советская историография много лет заявляла о незначительности материалов СВАГ с точки зрения информационного наполнения и одновременно о необходимости исполнять требования тогдашнего законодательства о соблюдении военной и государственной тайны. Действительно, после поступления документального комплекса СВАГ на хранение в СССР осенью 1954 г., подавляющее большинство материалов находились под грифом «Секретно» и «Совершенно секретно». Только после распада Советского Союза и кардинальных изменений в информационной политике, связанных с перестройкой и принятием системы новых ценностей, стало возможно для историков подступиться к документам СВАГ. На повестку дня встал вопрос о рассекречивании данного комплекса.

Подробное и последовательное изложение процесса рассекречивания материалов СВАГ вышло бы далеко за рамки настоящей статьи и заслуживает отдельного, весьма трудоемкого исследования. В связи с этим на правах свидетеля, а иногда и активного участника этого процесса, ограничусь указанием лишь на то, что это дело шло весьма небыстро и непросто. Неоднократно нам, сотрудникам государственных архивов РФ, в фондах которых находились на хранении документы СВАГ, приходилось проявлять чудеса находчивости и дипломатической изворотливости с тем, чтобы добиться от экспертов-представителей различных заинтересованных российских ведомств планомерной и конструктивной совместной работы. Как бы там ни было, работа подошла к концу, и исследователи получили возможность ознакомиться и проанализировать значительное количество документов СВАГ. При этом все требования текущего российского законодательства по обеспечению сохранности военной и государственной тайны были тщательно соблюдены.

Совершенно закономерно, что комплекс рассекреченных документов СВАГ оказался в центре внимания российских и немецких исследователей, которые на протяжении примерно десяти лет на

рубеже XX–XXI вв. подвергли его углубленному и заинтересованному анализу. Очень приятно, что большой вклад в разработку и публикацию материалов СВАГ внес доктор исторических наук, профессор В.В. Захаров, который уже не первый год возглавляет на нашем факультете кафедру немецкого языка. Особое внимание специально созданной российско-немецкой рабочей группы привлекли проблемы выплаты репараций, вывоза с территории Германии материальных благ, возврат культурных ценностей, вывезенных с территории СССР в годы Великой Отечественной войны, меры по денацификации немецкого общества и другие проблемы, имевшие не только исторический, но и острый политический аспект. Вместе с тем деятельность органов СВАГ отнюдь не ограничивалась политико-экономическими и карательными вопросами, а затрагивала весь комплекс создания на территории Восточной Германии новой социальной и культурной системы ценностей в духе пропаганды и строительства социализма. Прекрасным подспорьем для настоящих и будущих исследователей этих сюжетов стала опубликованная рабочей группой серия тематических сборников рассекреченных архивных материалов со вступительными статьями научно-аналитического характера профессора В.В. Захарова [см., например, Захаров, Катцер, Уль, 2014]. Рассекреченных и опубликованных материалов вполне достаточно для того, чтобы заполнить имеющуюся по сей день лакуну в исследованиях деятельности СВАГ, которая связана с социокультурной политикой советских оккупационных властей. Социокультурное регионоведение должно использовать свои междисциплинарные возможности и свой исследовательский подход для освоения документов СВАГ с интересующей нас точки зрения.

Перечень возможных для изучения проблем весьма широк. Первое и главное – это анализ приемов и методов деятельности органов СВАГ с целью исполнения главной задачи – построения на территории Восточной Германии социалистического общества. С точки зрения взаимодействия культур, советской культуры победителей и немецкой культуры побежденных, эти проблемы еще не нашли своего широкого и всестороннего освещения. Первой ласточкой в российской историографии вопроса явилась статья аспиранта и молодого преподавателя нашей кафедры Д.А. Зинчук, в которой автор успешно попытался разобраться в методологии исследовательской проблемы при изучении социокультурной деятельности СВАГ [Зинчук, 2020].

Для облегчения работы будущих исследователей СВАГ приведу некоторые сведения справочно-информационного характера. Документальный комплекс СВАГ находится на хранении в Государственном архиве Российской Федерации, фонд Р-7317, всего более

8,5 тыс. дел за период 1945–1949 гг.¹ Принятая в РФ архивная практика не предусматривает подсчета количества документов в этих делах, но понятно, что их в разы больше. В настоящее время в соответствии с действующим законодательством РФ некоторая часть этого комплекса находится на закрытом хранении и не подлежит свободному ознакомлению. Однако это не должно останавливать будущих исследователей, так как эти материалы имеют весьма специфический характер и не являются первоочередными для ознакомления в целях анализа социокультурной политики СВАГ. Можно с полной уверенностью утверждать, что открытые и доступные для ознакомления и изучения документы освещают весь комплекс проблем социокультурной деятельности и являются совершенно самодостаточными. На хранении находятся следующие группы документов, имеющие значение при изучении социокультурной деятельности СВАГ: Штаб СВАГ (приказы Главноначальствующего СВАГ, штатные расписания управлений, отделов, военных комендатур и частей СВАГ, финансовые отчеты управлений); Политическое управление; Управление информации; Управление торговли и снабжения; Управление торгово-бытовых предприятий; Отдел народного образования (планы и отчеты о работе отдела; переписка с управлениями и отделами СВАГ о состоянии учебных заведений; о подготовке преподавательских кадров; о преподавании русского языка; статистические отчеты и справки о состоянии народного образования в американской, английской и французской зонах оккупации); Отдел здравоохранения; Управление по делам полиграфической промышленности, издательств и книжной торговли².

В заключение хотелось подвести некоторые итоги. Социокультурное регионоведение как самостоятельная дисциплина гуманитарного знания развивается в полном соответствии с законами и тенденциями других гуманитарных наук, что подтверждает его актуальность и научную значимость проводимых в его рамках исследований. Тенденция к расширению информационной базы регионоведческих штудий закономерна и позволяет привлечь новые области знаний в рамках междисциплинарных проектов. Наконец, комплекс документальных материалов Советской военной администрации в Германии предоставляет широкие возможности для комплексного социокультурного регионоведческого анализа большого круга материалов с целью более полного и объективного понимания особенностей межрегиональных отношений СССР и Германии в первые послевоенные годы.

---

¹ Фонды ГА РФ по истории СССР. Путеводитель. Т. 3. М., 1997. С. 395.

² Там же. С. 395–400.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы регионоведения. Сб. статей. Вып. 2. М., 2007.
2. *Бонвеч Бернд*. История Германии. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века. М., 2008.
3. *Зинчук Д.А.* Методологические особенности изучения социокультурной деятельности СВАГ // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 98–104.
4. *Калякина А.В.* К вопросу о формировании понятийно-терминологической базы регионоведения // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 128–135.
5. *Маринин О.В.* Сколько ни говори: Халва, халва!, а во рту слаще не станет // Россия и Запад: диалог культур. 2014. № 5. URL: <http://regionalstudies.ru/journal/homejournal/gubric/2012-11-02-22-03-27/320--q-q.html> (дата обращения: 01.06.2020).
6. *Павловский И.В.* Социокультурное регионоведение как гуманитарная специальность // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 3. С. 67–76.
7. Политика СВАГ в области культуры, науки и образования. Цели, методы, результаты.1945–1949: Сб. документов. М., 2006.
8. СВАГ и формирование партийно-политической системы в Советской зоне оккупации Германии.1945–1949. Сб. документов. Т. 1–2. В.В. Захаров, Н. Катцер, М. Уль. М., 2014.
9. СВАГ и религиозные конфессии советской зоны оккупации Германии, 1945–1949. Сб. документов. М., 2006.
10. *Тер-Минасова С.Г.* Роль факультета иностранных языков и регионоведения как флагмана языкового образования в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 19–37.

Oganes V. Marinin

SOCIOCULTURAL ASPECT OF THE POLICY OF THE SOVIET MILITARY ADMINISTRATION IN GERMANY AS A TOPICAL ISSUE OF AREA STUDIES

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article analyzes the dynamics of the development of sociocultural area studies as a branch of knowledge, and chronologizes this process with a separate indication of features of its three stages. The author focuses on the insufficiency of sources and on the attempts of researchers to deal with this problem. The second part of the article demonstrates the potential of the documents of the Soviet military administration in Germany as a source for sociocultural studies of interaction between Germany and the USSR after the war. The author dwells on the disclosure of the SMAG documents drawing on his own experience as well. The article includes the main documents available in the State archive of the Russian Federation. The author concludes that sociocultural studies are developing in accordance with the basic interdisciplinary laws and tendencies in the human sciences. The documents of the SMAG provide considerable opportunities for sociocultural analysis in order

to more thoroughly understand the features of intercultural cooperation between Germany and the USSR in 1945–1949.

Key words: sociocultural area studies; Russian studies; German studies; cross-cultural cooperation between Germany and Russia; State archive of the Russian Federation; archive materials; Soviet military administration in Germany; historical and cultural studies.

About the author: *Oganes V. Marinin* – PhD in History, Associate Professor, Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: oganesvm@gmail.com).

REFERENCES

1. Aktual'nye problemy regionovedeniya. 2007. Sb. statej. Vyp. 2. Moscow. (In Russ.)
2. Bonvech Bernd. 2008. *Istoriya Germanii*. Vol. 2. Ot sozdaniya Germanskoj imperii do nachala XXI veka. Moscow. (In Russ.)
3. Zinchuk D.A. 2020. Metodologicheskie osobennosti izucheniya sociokul'turnoj deyatel'nosti SVAG [Specific methodological aspects of studying the sociocultural policy of the soviet military administration in Germany]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 98–104. (In Russ.)
4. Kalyakina A.V. 2018. K voprosu o formirovanii ponyatiino-terminologicheskoi bazy regionovedeniya [Developing the concept and terminology basis in area studies]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 128–135. (In Russ.)
5. Marinin O.V. 2014. Skol'ko ni govori: Halva, halva!, a vo rtu slashche ne stanet [No matter how much you repeat: HALVA! HALVA !, but it won't make your mouth sweeter]. *Rossiya i Zapad: dialog kul'tur*, no. 5. URL: <http://regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-03-27/320--q-q.html> (accessed: 1.06.20). (In Russ.)
6. Pavlovskii I.V. 2014. Sotsiokul'turnoe regionovedenie kak gumanitarnaya spetsial'nost' [Sociocultural regional studies as a special field in humanities]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 67–76. (In Russ.)
7. *Politika SVAG v oblasti kul'tury, nauki i obrazovaniya. Celi, metody, rezul'taty* [Policy of SVAG in the field of culture, science and education. Goals, methods, results]. 1945–1949. Sb. dok. Moscow, 2006. (In Russ.)
8. *SVAG i formirovanie partijno-politicheskoj sistemy v Sovetskoj zone okkupacii Germanii* [SVAG and the formation of the party-political system in the Soviet zone of occupation of Germany]. 1945–1949. Sb. dok.Tt. 1–2. Eds. Zaharov V.V., Katcer N.,Ul' M. Moscow, 2014. (In Russ.)
9. *SVAG i religioznye konfessii sovetskoj zony okkupacii Germanii* [SVAG and religious confessions of the Soviet zone of occupation of Germany], 1945–1949. Sb. dok. Moscow, 2006. (In Russ.)
10. Ter-Minasova S.G. 2019. Rol' fakul'teta inostrannykh yazykov i regionovedeniya kak flagmana yazykovogo obrazovaniya v Rossii [THE PART OF THE FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES AND AREASTUDIES AS THE flagship OF LANGUAGE EDUCATION IN RUSSIA]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 19–37. (In Russ.)

Д.А. Зинчук

О РОЛИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АСПЕКТА В ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ГЕРМАНИИ В АМЕРИКАНСКОЙ И СОВЕТСКОЙ ОККУПАЦИОННЫХ ЗОНАХ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

После окончания войны Германия была разделена на оккупационные зоны – британскую, Американскую, Французскую и Советскую. На этих территориях были образованы военные администрации. Каждая из администраций проводила активную политику по демократизации, демилитаризации, денацификации и децентрализации, что было обозначено в Потсдамском соглашении. При реализации любой политики необходимо понимать, что любой регион представляет собой, в первую очередь, людей, которые создают специфику регионального развития, в частности, в Германии – это немецкое население. В связи с этим представлялось абсолютно необходимым наряду с экономическими и политическими вопросами вести активную работу с культурными и социальными аспектами жизни, однако подходы к социокультурной деятельности на территории Советской оккупационной зоны и Американской оккупационной зоны различались. В статье рассматриваются эти отличия, а также делается вывод об общих чертах реализации социокультурной деятельности на территориях АОЗ и СОЗ, также затрагивается разный подход к демократизации.

Ключевые слова: СВАГ; Советская оккупационная зона; социокультурная политика; АВАГ; школьная реформа; культурные ценности.

В ходе Потсдамской конференции в 1945 г. США, Великобритания, СССР заключили Потсдамское соглашение, к которому впоследствии присоединилась и Франция и согласно которому были провозглашены основные принципы работы стран на территории оккупационных зон в Германии, а именно денацификация, демилитаризация, демократизация и декартелизация. В рамках демократизации обозначалась подготовка к окончательной реконструкции германской политической жизни на демократической основе, контроль над образованием и, как следствие, развитие демократических

Зинчук Дарья Александровна – аспирант, преподаватель, методист кафедры региональных исследований и международных отношений факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: zinchuk.dar@gmail.com).

идей¹. Послевоенная Германия находилась не только в положении проигравшей войну страны, но и переживала полный подрыв всех политических, идеологических, культурных основ, так называемый час ноль в немецкой истории, а значит, перед оккупационными властями стояла задача восстановить и заново сформировать не только политические, экономические структуры, но и воздействовать на социальную и культурную сторону с целью реализации заявленных демократических аспектов. И Американская военная администрация в Германии, и Советская военная администрация осознавали важность успешной политики на территории оккупированной Германии.

Советская военная администрация в Германии, непосредственно с 1945 г., уделяла большое внимание духовной, культурной жизни Советской оккупационной зоны. Это выражалось как в формировании необходимых органов для контроля данной сферы деятельности (Управление информации (пропаганды) СВАГ), так и структур, способствующих ознакомлению немецкого населения с культурой Советского Союза, например формирование Культурбунда, Домов культуры, Общества по изучению культуры СССР. Работа на территории СОЗ велась очень активно с самого начала существования Советской военной администрации в Германии как в сфере образования (проводится школьная реформа, идет интенсификация социального уравнивания в школах, уделяется должное внимание формированию высшей школы и развитию науки), так и в культурно-досуговой среде (выставочная и музейная деятельность, театр, в том числе и музыкальный, кино, радио, лекции), что все вместе давало широкий охват населения, а также представляло большой спектр социокультурных механизмов [Рбухер], внедряемых на территории Советской оккупационной зоны. Весь этот процесс внедрения советских демократических ценностей в историографии носит название «советизации», однако важно акцентировать внимание на том, что не вся деятельность СВАГ носила сугубо пропагандистский характер.

Многое было обусловлено не желанием привнести и навязать собственные культурные ценности и ориентиры, а скорее общей идеологией, представлением о том, как тот или иной механизм, та или иная сфера будет функционировать наиболее эффективно. На примере школьной реформы² можно видеть, что отказ от старой системы образования был спровоцирован не желанием сделать по образцу и подобию СССР, а желанием уравнивать всех представителей общества в праве получать начальное, среднее и высшее образование.

¹ Потсдамское соглашение. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/berlin_main.htm (дата обращения: 07.06.2020).

² Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты, 1945–1949: Сб. документов / Росархив, ГА РФ; отв. ред. и отв. сост.: Н.П. Тимофеева, Я. Фойтцик. М., 2006. С. 365.

В это же время Американская военная администрация в Германии первоначально отказалась от обращения к социокультурной среде как к полю деятельности для успешной реализации политики демократизации. В первоначальной программной директиве JCS 1067³ социокультурный аспект в целом не фигурирует, не упоминается ни культурная, ни образовательная политика. Чуть позже в 1946 г. появляется идея «перевоспитания» немецкого населения. Обращение к этой идее носило скорее политический, экономический и антинацистский характер. Она находит отражение в «Заявлении долгосрочной политики по немецкому перевоспитанию» от 1946 г. Пришедшая на смену директиве JCS 1067 в июле 1947 г. Директива JCS 1779 гласила о том, что этот процесс перевоспитания тесно связан с понятием демократизации, а также в ней был сделан акцент о культурном развитии Германии, о культурных ценностях страны и поддержке развития национальной культуры⁴.

Что касается сферы образования, то и здесь внимание Американской военной администрации в Германии не было сосредоточено. В справке⁵ Отдела народного образования СВАГ о демократизации системы народного образования про политику союзников в сфере образования значится, что американские власти широко декларировали передачу немецким правительствам земель полномочий в сфере образования и тем самым переложили ответственность на немцев за восстановление старой системы образования. В системе образования на территории Американской зоны оккупации центральное внимание было уделено религии. И лишь в 1947 г. после проверки военным министерством США и Государственным департаментом Американская военная администрация начинает школьную реформу, основанную на восстановлении старой системы образования с религией как образующим ценностным и нравственным ядром. Та же самая тенденция прослеживалась и в высшей школе. Лишь с весны 1947 г. контроль над образованием на территории Американской оккупационной зоны переходит в руки администрации.

Однако с 1947 г. деятельность Американской военной администрации в Германии в социокультурной сфере набирает обороты. Активизируются Отдел информационного контроля и Отдел обра-

³ Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1945, European Advisory Commission, Austria, Germany. Vol. III. URL: <https://history.state.gov/historical-documents/frus1945v03/d351> (accessed: 01.06.20).

⁴ Directive to Commander in Chief of United States Forces of Occupation Regarding the Military Government of Germany (JCS 1779) // Germany, 1947–1949: The Story in Documents. Washington, 1950.

⁵ Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты, 1945–1949: Сб. документов / Росархив, ГА РФ; отв. ред. и отв. сост.: Н.П. Тимофеева, Я. Фойтцик. М., 2006. С. 369–372.

зования и религиозных дел – именно эти части Американской военной администрации в Германии были заняты аспектами культурной и образовательной жизни немецкого населения даже на первом этапе с 1945 по 1947 г. Стоит отметить также, что на первом же этапе появились американские информационные центры *Amerika Haus*, цель которых заключалась в ознакомлении немцев с традициями, обычаями, культурой и историей Америки. С конца 1946 г. интенсифицируется культурный обмен между зоной оккупации и Соединенными Штатами Америки – ознакомление с американским опытом научной, общественно-политической и культурной жизни. В школах основной акцент ставится на религию, которая находилась в центре образовательного процесса на протяжении долгого времени. Постепенно уходит на второй план понятие перевоспитание, на его смену приходит – переориентация. От первоначальных попыток воспитать коллективное чувство вины и под гнетом этой ответственности дожидаться обращения немцев к демократическим ценностям в Американской военной администрации делаются шаги к активной политике распространения проамериканской идеологии. В исследовательской литературе [см., например, Жаронкина, 2019] существует мнение, что вся политика переориентации на втором этапе была даже переоценена американцами, поскольку слишком большое внимание стало уделяться именно этой сфере в ущерб другим.

Таким образом, можно сделать вывод о схожих и различных чертах в подходах Советской военной администрации и Американской военной администрации в Германии.

В первую очередь стоит выделить различный подход к социокультурной сфере на первом этапе: если СВАГ сразу осознавала необходимость работы над культурной и образовательной сферой, то Американская военная администрация на первом этапе пыталась добиться самостоятельного культурного восстановления путем культивирования ответственности за преступления нацизма.

На втором этапе механизмы работы двух администраций становятся похожи: это и знакомство с культурой собственной страны, ознакомление населения с достижениями и опытом своей страны в разных областях, это распространение изучения языка – русского и английского, акцент на работе с молодежью как представителями нового поколения немцев, цензура средств массовой информации, кинематографа, театров. Однако стоит отметить, что в рамках сложившихся функционировавших механизмов само понятие демократизации трансформировалось в соответствии с советскими и американскими представлениями. Демократизация в Американской оккупационной зоне проходила как способ возврата к потерянным западным ценностям, в то время как в Советской оккупационной

зоне шло обращение к социалистической идеологии. Также важным аспектом в этом процессе является сохранившееся акцентирование американцами вины немецкого населения – например, через показ документальных фильмах о концлагерях, на первом этапе – это заключалось ив ограничении, по сути недопущении, контактов американских военных с немецким населением, в то время как Советская военная администрация, наоборот, старалась отказаться от наиболее тяжелых и травмирующих способов, отказывались от литературы, которая могла бы вызвать ассоциации образа врага и немцев, поскольку важным считалось формирование дружественной связи между советским и немецким народом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Жаронкина Е.А., Дорохов В.Г.* «Принуждение к демократии»: административный ресурс Американской зоны оккупации германии в действии (1945–1949 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 57. С. 115–119.
2. *Жаронкина Е.А.* Политика Американской военной администрации по возрождению культурной и духовной жизни Германии (1945–1949 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63). Т. 2. С. 119–124.
3. *Зинчук Д.А.* Методологические особенности изучения социокультурной деятельности Советской военной администрации в Германии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 98–104.
4. *Павловский И.В.* Регионоведение сегодня // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 145–156.
5. Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты, 1945–1949: Сб. документов / Росархив, ГА РФ; отв. ред. и отв. сост.: Н.П. Тимофеева, Я. Фойтцик. М., 2006.
6. *Чумакова А.А.* Культурологические особенности реализации информационно-имиджевой политики государства // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 1. С. 108–116.
7. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1945, European Advisory Commission, Austria, Germany, Volume III. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945v03/d351> (accessed: 01.06.20).

Dar'ya A. Zinchuk

ON THE ROLE OF SOCIOCULTURAL ASPECT IN THE PROCESS OF DEMOCRATIZATION IN THE ZONES OF AMERICAN AND SOVIET OCCUPATION IN GERMANY

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

After the end of the war Germany was divided into four zones of occupation: British, American, French and Soviet. There were established military administrations, each of which pursued the policy of democratization, demilitarization, de-

nazification and decentralization, which was specified in the Potsdam Agreement after the Potsdam Conference. When adopting a policy, it is necessary to realize that any region it is the people who live there and who form the main features of regional development, the same can be seen in Germany after the Second World War. In this regard dynamic cultural and social policy can be regarded as an essential part of the whole policy concerning the economy of Germany and political aspect in the divided country. However, the approaches to the sociocultural aspects differed in the Soviet military administration and in the American military administration. The article deals with these differences, the author makes a conclusion about the common and distinctive features of these approaches.

Key words: SMAG; Zone of the Soviet occupation; sociocultural policy; reform of school; cultural values.

About the author: *Dar'ya A. Zinchuk* – Postgraduate Student, Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: zinchuk.dar@gmail.com).

REFERENCES

1. Zharonkina E.A., Dorohov V.G. 2019. «Prinuzhdenie k demokratii»: administrativnyj resurs Amerikanskoj zony okkupacii germanii v dejstvii (1945–1949 gg.) [“Forcing Democracy”: Administrative Resource of the American Occupation Zone of Germany in Action (1945–1949)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*, no. 57, pp. 115–119. (In Russ.)
2. ZHaronkina E.A. 2015. *Politika Amerikanskoj voennoj administracii po vozrozhdeniyu kul'turnoj i duhovnoj zhizni Germanii (1945 – 1949 gg.)* [The policy of the American military administration to revive the cultural and spiritual life of Germany (1945–1949)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (63). T. 2, pp. 119–124. (In Russ.)
3. Zinchuk D.A. 2020. Metodologicheskie osobennosti izucheniya sociokul'turnoj deyatel'nosti Sovetskoj voennoj administracii v Germanii [Methodological features of studying the socio-cultural activity of the Soviet military administration in Germany]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 98–104. (In Russ.)
4. Pavlovskij I.V. 2005. Regionovedenie segodnya [Regional studies today]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 145–156. (In Russ.)
5. *Politika SVAG v oblasti kul'tury, nauki i obrazovaniya: celi, metody, rezul'taty, 1945–1949 : sb. dok.* [Policy of SVAG in the field of culture, science and education: goals, methods, results, 1945–1949: collection of articles]. 2006. *Rosarhiv*, GA RF; eds. N.P. Timofeeva, Ya. Fojtcik. Moscow, ROSSPEN. (In Russ.)
6. Chumakova A.A. 2007. Kul'turologicheskie osobennosti realizacii informacionno-imidzhevoj politiki gosudarstva [Culturological features of the implementation of the information and image policy of the state]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 108–116. (In Russ.)
7. *Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1945, European Advisory Commission, Austria, Germany, Vol. III.* URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945v03/d351> (accessed: 1.06.20).

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ

А.Л. Назаренко, Л.Ф. Шайхлисламова

КРИТЕРИИ ОТБОРА КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ НЕГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

*Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
125993, Москва, Ленинградский проспект, 49*

Диалогическая речь – самая распространенная форма общения. Обучение диалогу на иностранном языке в условиях вуза без создания особых условий общения представляется сложной задачей. Общение в рамках урока отличается от реального общения, поэтому возникает необходимость в создании коммуникативных ситуаций, максимально приближенных к реальным. В условиях внедрения информационных технологий в учебный процесс применение игровых методов на основе информационных и коммуникационных технологий открывает большие возможности для развития у студентов умений говорения на иностранном языке посредством погружения их в условные ситуации общения. Данная статья посвящена решению такого актуального вопроса в контексте информатизации и геймификации образования, как определение критериев отбора компьютерных игр для обучения иностранному языку. В частности, описаны критерии, которым должна соответствовать компьютерная игра, используемая для оптимизации обучения иноязычной

Назаренко Алла Леонидовна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики и информационных технологий факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: anazarenkoster@gmail.com).

Шайхлисламова Лилия Финадовна – соискатель кафедры лингвистики и информационных технологий, факультет иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (e-mail: lillie9@mail.ru).

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

диалогической речи в неязыковом вузе. К таковым относятся жанр компьютерной игры, требования к технической стороне, содержанию игры и дидактические требования. Выделенные в статье критерии представляют практическую значимость в связи с возможностью их использования при отборе компьютерных игр для интегрирования в процесс обучения иностранным языкам в неязыковых вузах.

Ключевые слова: геймификация; ИКТ в лингводидактике; компьютерные игры; информатизация образования; критерии отбора; диалог; язык для специальных целей.

Развитие современного общества требует от специалиста практико-ориентированных умений в социально-значимых, профессиональных сферах. Этим обусловлена необходимость развития иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции в области языкового образования.

В Федеральных государственных образовательных стандартах 3+ иноязычная коммуникативная компетенция выступает значимым компонентом выпускника вуза.

Между тем обучению дисциплине «Иностранный язык» на негуманитарных факультетах отводится количество часов, недостаточное для достижения требуемого уровня, в частности, для формирования устно-речевых умений.

Эффективным средством решения данной задачи выступают информационно-коммуникационные технологии, «колоссальные (в том числе дидактические) возможности которых образование оценило сразу и постаралось адаптировать себе на пользу» [Назаренко, 2018: 122].

Уже сейчас компьютерные системы различной целевой направленности – неотъемлемая часть лингводидактического процесса. Широко используется и потенциал электронных игровых ресурсов, включая компьютерные игры, особенно в связи с активной геймификацией образования, в том числе дистанционного.

На сегодняшний день существует большое количество научных исследований, подтверждающих богатый дидактический потенциал компьютерных игр. Данной проблеме посвящены труды А.А. Аветисовой и А.Е. Войскунского [Аветисова, Войскунский, 2006], Л.В. Капустиной [Капустина, 2013: 1–6] и др. Появляется все больше зарубежных исследований по внедрению компьютерных игр в практику обучения иностранным языкам [Шайхлисламова, 2016: 72]. Теоретический анализ научной литературы позволяет выделить использование в образовательном процессе игр следующих жанров: симуляции: The Sims [Miller, Hegelheimer, 2006: 311–328], America's

army [Anderson, 2008: 188–192]; массовые многопользовательские ролевые онлайн-игры: Ever Quest 2 [Rankin, Gold, Gooch, 2006: 33–38], World of Warcraft [Thorne, 2008: 305–327], Nori School [Suh, Kim, 2010: 370–378], Ragnarok Online [Reinders, Wattana, 2011: 3–29]; многопользовательские виртуальные среды: Second Life [Liang, 2011: 455–469; O’Connor, 2010: 52–63]; 3D квесты: Bone [Chen, Yang, 2011: 168–175].

В связи с возрастающей популярностью компьютерных игр в образовании представляется важным определить критерии, которым должны соответствовать компьютерные игровые программы для обучения иностранным языкам.

В данной статье акцент сделан на определении и описании критериев отбора компьютерных игр для оптимизации обучения диалогической речи на иностранном языке специалистов лингвистического профиля.

Вопрос оценки качества образовательных продуктов на основе ИКТ широко обсуждается в научных исследованиях [Роберт, 2015, Рубин, 2015]. Исследователи в течение нескольких лет пытаются создать список критериев, по которым будет оцениваться дидактический потенциал цифровых средств. Между тем сформированные в исследованиях критерии универсальны и могут применяться для оценки множества программных продуктов. Однако при оценке и отборе компьютерных игр для обучения иностранным языкам необходимо принимать во внимание специфические особенности данного средства обучения.

Для оценки обучающих компьютерных игр организация Games for Learning Institute (GFLI) в рамках сотрудничества семи университетов-партнеров и при поддержке Microsoft Research создала модель RETAIN, основанную на следующих критериях:

- Relevance (релевантность) – определяет, как содержание игры соотносится с имеющимися знаниями обучающихся;
- Embedding (внедрение) – подразумевает, что обучающая, фэнтезийная² и игровая компоненты представлены сбалансированно;
- Transfer (перенос) – опирается на переносимость полученных в игре знаний в другие сферы и ситуации;
- Adaptation (адаптация) – приводит к изменениям в поведении игроков вследствие переноса.

---

² Фэнтези – жанр литературы и искусства, примыкающий к научной фантастике, но в более свободной, «сказочной» манере использующий мотивы дальних перемещений в пространстве и времени, инопланетных миров, искусственных организмов, мифологию древних цивилизаций. Большой энциклопедический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/313090/204230> (дата обращения: 20.05.2020).

- Immersion (погружение) – указывает на свойство игры «погружать» игрока в процесс, в частности, положительно влиять на интеллектуальную вовлеченность.

- Naturalization (ассимиляция) – отвечает за спонтанное применение полученных в игре навыков в жизни [Gunter и др., 2008: 511–537].

Еще одной попыткой определения критериев оценки компьютерных игр являются выделенные О.Г. Сорокой показатели: критерии оценки дидактически значимых компонентов и критерии оценки содержания [Сорока, 2010: 2].

К первой группе относятся такие компоненты, как мотивационный, содержательный, процессуальный и регулирующий. Мотивационный компонент отвечает за поддержание интереса к игре через учет возрастных особенностей игроков, активизацию их познавательной деятельности, комфортное с психологической точки зрения взаимодействие с игровой средой и оценивание действий. Содержательный компонент позволяет оценить то, как смоделирован игровой мир. Процессуальный компонент оценивает взаимодействие игрока с игровой средой, а регулирующий компонент – действия играющего.

Критерии оценки содержания направлены на оценку педагогической целесообразности, методического аппарата (если таковой имеется), эмоциональной насыщенности игры, достижения обучающего эффекта и интерактивности игры.

На наш взгляд, данный список критериев может быть дополнен. Более того, анализ и результаты проведенного педагогического эксперимента по выявлению эффективности компьютерных игр различных жанров для оптимизации обучения диалогической речи в неязыковом вузе [Шайхлисламова, 2016] позволил нам сформулировать совокупность необходимых требований, которым должна удовлетворять компьютерная игра для достижения поставленной дидактической цели. Эти требования можно разделить на следующие группы: 1) требования к выбору жанра игры; 2) возрастные требования; 3) требования к технической стороне; 4) требования к содержанию игры; 5) дидактические требования.

1. Выбор жанра игры

В первую очередь преподавателю следует определить, будет ли он использовать коммерческую игру, которая создана исключительно как развлекательный продукт, или будет использовать «серьезную» игру, созданную как средство обучения. При этом нужно помнить, что коммерческие игры обладают более мощным мотивационным потенциалом, в связи с чем могут представлять больший интерес для студентов, нежели «серьезные» игры.

Если выбор делается в пользу коммерческой игры, необходимо выбрать жанр игры, который в наибольшей степени способствует развитию необходимых навыков и умений. Здесь можно с уверенностью сказать, что жанр «стрелялки» не может быть использован в обучении иностранному языку, поскольку содержание таких игр наполнено агрессией и насилием. Кроме того, эти игры непригодны для обучения диалогической речи, так как не предусматривают какого-либо речевого взаимодействия игроков.

Согласно Карлу Каппу, существует два типа игр – тестирующие и обучающие. «Тестирующие игры – это игры, в которых обучающийся должен заранее знать информацию, чтобы выиграть. Примерами таких игр выступают игры, включающие задания на подбор пары или вопросы с альтернативными ответами. <...> Если необходимо проверить знания, то тестирующие игры подходят, но не следует ожидать обучения». Ко второму типу относятся обучающие игры, которые «не проверяют, но передают знания. Это реализуется через ряд действий в игре, которые обучают игрока тому, что он должен сделать»³. На наш взгляд, при разработке собственной компьютерной игры преподаватель может при необходимости совместить два описанных типа игр в одной.

2. Возрастные требования

Для подбора компьютерной игры для определенной возрастной группы можно воспользоваться возрастным рейтингом, который присваивается большинству игр. Очевидно, что для студентов вуза (16–22 года) не будут интересны или содержательны игры для детей.

3. Требования к технической стороне

3.1. Невысокая сложность управления игровым процессом. Для успешной реализации обучения с применением компьютерных игр важно учитывать уровень ИКТ-компетенции обучающихся. Преподавателю следует выбирать такие компьютерные игры, где студентам не потребуется много времени на изучение интерфейса и управления игровым миром. Уровень сложности игрового процесса должен повышаться постепенно по мере прохождения игры. При несоблюдении данного условия студент не будет справляться с игровыми заданиями, и, в конце концов, уровень его мотивации снизится в результате ощущения собственной неэффективности.

3.2. Игровая механика. Следует выбрать или создать такую игру, в которой основные игровые механики, т.е. то, чем будет занимать-

---

³ *Kapp K. Testing vs. Teaching Games. 2013. URL: <http://karlkapp.com/testing-games-vs-teaching-games/> (accessed: 25.05.2020).*

ся игрок, направлены на развитие речевых навыков и языковых умений. Так, например, перемещение от одной локации к другой и преодоление препятствий в ходе игры должны сопровождаться речевыми комментариями, а при взаимодействии с игровыми объектами должны производиться их озвучка и выводиться графическое представление этих слов.

3.3. Время, отведенное на игру. Время, проводимое в игре, должно быть ограничено. При этом важно, чтобы в игре была возможность сохранять достигнутый прогресс для того, чтобы впоследствии вернуться и продолжить игру с этой точки.

3.4. Динамичность игры. Динамичность выражается в графике, которая призвана обеспечить эстетичность игрового процесса. Графика компьютерной игры должна создавать иллюзию пространства и действий в этом пространстве, должна быть красочной, динамичной, способной отражать все манипуляции с игровыми объектами и персонажами.

3.5. Доступность компьютерной игры. Это подразумевает возможность пользоваться ею бесплатно.

3.6. Совместимость с распространенными операционными системами. Это предполагает, что компьютерная игра будет работать в популярных операционных системах, например, Windows или MacOS, поскольку они являются наиболее распространенными среди пользователей в данной целевой аудитории.

4. Требования к содержанию

4.1. Одной только даже самой реалистичной и привлекательной графики недостаточно для того, чтобы сделать компьютерную игру интересной и эффективной для обучения студентов. Непременным условием в играх, используемых в обучении, должна быть информативность, и этому способствует наличие в них сюжетной линии. Как правило, достижение цели игры происходит за счет выполнения заданий, объединенных сюжетной линией. Виртуальный мир компьютерной игры должен быть цельным и согласованным, но в то же время должен присутствовать элемент неопределенности, что делает игру более увлекательной.

4.2. Поскольку для обучения диалогической речи необходимо наличие ситуации, компьютерная игра должна воссоздавать проблемные ситуации, решение которых происходит путем коммуникации между игроками или игровыми персонажами. Таким образом, обучение будет происходить косвенно, через игру. Проблемная ситуация непременно должна отражать реальную действительность, в которой моделируется процесс выработки решений по выходу из этой ситуации. Это позволяет реализовать личностно-ориентиро-

ванный подход, поскольку студент становится активным участником учебного процесса. В неязыковом вузе в компьютерной игре должна воссоздаваться компьютерная модель звеньев будущей профессиональной деятельности студентов, в которой они будут использовать иностранный язык. Ситуации, ориентированные на будущую профессиональную деятельность, формируют устойчивый интерес к языку и помогают трансформации мотива в цель.

4.3. Игра должна быть привлекательной и подходящей для всех студентов независимо от их гендерной принадлежности.

5. Требования, относящиеся к дидактической стороне

5.1. Поскольку цель настоящего исследования заключается в развитии диалогической речи на английском языке, в компьютерной игре должен использоваться только англоязычный интерфейс. Кроме того, все взаимодействия с персонажами и другими участниками игры также должны происходить на английском языке.

5.2. Игровые механики должны максимально способствовать развитию диалогических умений. Это реализуется через речевую коммуникацию посредством интеракции «игрок-компьютер», где компьютер выполняет предусмотренную игрой роль, или посредством совместной деятельности участников игры. Последнее достигается либо путем многопользовательского онлайн-режима, когда одновременно в игре принимает участие несколько человек, либо такой организации игры, когда группа студентов может собираться вокруг одного игрока и комментировать, обсуждать и совместно принимать решения относительно дальнейших действий в игре.

5.3. Обучающая игра, по определению, должна содержать материал для изучения, при этом обучение должно быть интегрировано в игровой сценарий. В неязыковом вузе языковое образование подразумевает обучение языку для специальных целей, поэтому лексика, представленная в игре, должна соответствовать профилю факультета.

5.4. Наличие уровней. Игра должна состоять из нескольких связанных между собой уровней. При этом переход на следующий уровень должен быть возможным только после прохождения предыдущих. Это важно для последовательного развития умений и навыков.

5.5. Мгновенная обратная связь. Компьютерная игра, используемая для обучения, должна автоматически проверять знания игроков и демонстрировать их прогресс. Обратная связь должна мотивировать и поддерживать интерес игрока к дальнейшему прохождению игры.

В заключение следует отметить, что информационные технологии постоянно совершенствуются и появляется новое программное

обеспечение для создания компьютерных игр. Соответственно, данный список критериев отбора не является исчерпывающим и может быть расширен за счет включения новых свойств ИКТ и компьютерных игровых программ. Выделенные в статье критерии представляют практическую значимость в связи с возможностью их использования при отборе компьютерных игр для интегрирования в процесс обучения иностранным языкам в неязыковых вузах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аветисова А.А., Войскунский А.Е.* Игровая деятельность посредством компьютерных технологий: основные направления исследования // Вопросы информатизации образования. 2006. Вып. 4. URL: http://www.75npstoik.ru/vio/inside.php?ind=articles&article_key=107 (дата обращения: 21.12.2014).
2. *Капустина Л.В.* Применение видеоигр в методике обучения деловому иностранному языку // Концепт. 2013. № 3 (19). С. 1–6.
3. *Назаренко А.Л.* Метапредметные компетенции и «перевернутый класс»: один из вариантов решения задач, поставленных фгос? (опыт применения технологии в курсе «ИКТ в лингводидактике») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 119–125.
4. *Роберт И.В.* Основные направления развития информатизации образования в информационном обществе глобальных коммуникаций // Педагогика. 2015. № 10. С. 23–32.
5. *Рубин Ю.Б., Соболева Э.Ю.* Оценка качества применения ИКТ в образовании: мировой опыт и российские реалии // Открытое образование. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-kachestva-primeneniya-ikt-v-obrazovanii-mirovoy-opyt-i-rossiyskie-realii> (дата обращения: 25.05.2020).
6. *Сорока О.Г.* Определение критериев оценки качества дидактических компьютерных игр // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. 2010. С. 22–25.
7. *Шайхлисламова Л.Ф.* К вопросу о применении компьютерных игр в процессе развития иноязычной диалогической речи студентов неязыкового вуза // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 71–77.
8. *Шайхлисламова Л.Ф.* Совершенствование диалогических умений студентов на основе компьютерных игр в неязыковом вузе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2016. № 1 (24). С. 67–71.
9. *Anderson et al.* Video Games in the English as a Foreign Language Classroom // In The Second IEEE International Conference on Digital Game and Intelligent Toy Enhanced Learning. 2008. P. 188–192.
10. *Chen H.H.J., Yang C.* Investigating The Effects of Video Game on Foreign Language Learning // In Proceedings of The 6th International Conference on E-Learning And Games, Edutainment 2011. P. 168–175.
11. *Gunter G.A., Kenny R.F., Vick E.H.* Taking educational games seriously: using the RETAIN model to design endogenous fantasy into standalone educational games. Educational Technology Research and Development. 2008. № 56 (5). P. 511–537.
12. *Johnson W.L.* Serious Use of a Serious Game For Language Learning // Proceedings of the 2007 Conference on Artificial Intelligence in Education: Building Technology Rich Contexts that work. 2007. P. 64–74.

13. *Liang M.Y.* Foreign Ludicity in Online Role-Playing Games // Computer Assisted Language Learning. 2011. № 25 (5). P. 455–469.
14. *Miller M., Hegelheimer V.* The SIMs Meet ESL: Incorporating authentic computer simulation games into the language classroom // Interactive Technology and Smart Education. 2006. № 3(4). P. 311–328.
15. *O'Connor E.* Using Second Life (a virtual reality) in Language Instruction: Practical Advice on Getting Started // Информационно-коммуникационные технологии в лингвистике, лингводидактике и межкультурной коммуникации. 2004. С. 52–63.
16. *Piirainen-Marsh A., Tainio L.* Other-Repetition as a Resource for Participation in the Activity of Playing a Video Game // The Modern Language Journal. 2009. № 93 (2). P. 153–169.
17. *Rankin Y.A., Gold R., Gooch B.* 3D Role-playing Games As Language Learning Tools // Proceedings of Eurographics. 2006. P. 33–38.
18. *Reinders H., Wattana S.* Learn English or Die: The Effects of Digital Games on Interaction and Willingness to Communicate in A Foreign Language // Digital Education And Culture. URL: http://www.digitalcultureandeducation.com/cms/wp-content/uploads/2011/04/dce1049_reinders_2011.pdf (accessed: 15.01.2014).
19. *Suh S., Kim S.W., Kim N.J.* Effectiveness of MMORPG-Based Instruction in Elementary English Education In Korea // Journal of Computer Assisted Learning. 2010. № 26 (5). P. 370–378.
20. *Thorne S.L.* Transcultural Communication In Open Internet Environments And Massively Multiplayer Online Games // Mediating Discourse Online. 2008. P. 305–327.

Alla L. Nazarenko, Lilia F. Shaikhislamova

**COMPUTER GAMES SELECTION CRITERIA FOR
TEACHING DIALOGUE SKILLS IN A FOREIGN LANGUAGE
TO NON-HUMANITIES SPECIALISTS⁴**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

*Finanical University
49 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125993*

Dialogic speech is the most prevalent form of communication. Teaching English dialogic skills at the university without modelling special situations is not an easy task. Communication within the class is different from the real one, therefore, it is important to create communicative situations similar to authentic situations. Since information technology is being actively integrated into the learning process, implementing game-based learning together with the use of information and communication technologies enable teachers to create situations close to real ones and thus immerse the learners in the experience. The article addresses a topical issue of integrating computer games in the process of foreign language teaching in the

---

⁴ This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

context of digitalization and gamification of education. The question of determining the criteria according to which computer games should be selected is discussed. In particular, the criteria of choosing digital games for teaching English dialogic speech to non-humanities students is described. Among them are a genre of the game, technical and didactic requirements as well as requirements to the content of the game. The given criteria are of practical importance due to the possibility of using them to select computer games for integrating them into the process of foreign language teaching at non-linguistic universities.

Key words: gamification; ICT in FLT; computer games; dialogue; criteria; LSP.

About the authors: *Alla L. Nazarenko* – PhD in Philology, Professor, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: anazarenkoster@gmail.com); *Liliia F. Shaikhislamova* – Postgraduate Student of Department of Linguistics and Information Technologies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University, Associate Professor at Financial University (e-mail: lillie9@mail.ru).

REFERENCES

1. Avetisova A.A., Voiskunskiy A.E. 2006. Igrovaya deyatel'nost' posredstvom komp'yuternykh tekhnologiy: osnovnye napravleniya issledovaniya [Game activity with computer technologies: the main directions]. *Voprosy informati-zatsii obrazovaniya*, no. 4. URL: http://www.npstoik.ru/vio/inside.php?ind=articles&article_key=107 (accessed: 21.12.2014). (In Russ.)
2. Kapustina L.V. 2013. Primenenie videoigr v metodike obucheniya delovomu inostrannomu yazyku [Using videogames in the methodology of teaching foreign business language]. *Kontsept*, no. 3 (19), pp. 1–6. (In Russ.)
3. Nazarenko A.L. 2018. Metapredmetnye kompetentsii I “perevernutyy klass: odin iz variantov resheniya zadach, postavlennykh FGOS? (opyt primeneniya tehnologii v kurse «IKT v lingvodidaktike») [Meta-competences and “flipped classroom”: a way to meet the requirements of the russian federal education standard?]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 119–125. (In Russ.)
4. Robert I.V. 2015. Osnovnye napravleniya razvitiya informatizatsii obrazovaniya v informatsionnom obschestve globalnykh kommunikatsiy [Main directions of education informatization development]. *Russian Education and Society*, no. 10, pp. 23–32. (In Russ.)
5. Rubin Y.B., Soboleva E.Y. 2015. Otsenka kachestva primeneniya IKT v obrazovanii: mirovoy opyt i rossiyskie realii [Case of ICT usage in education quality assessment]. *Otkrytoe obrazovanie*, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-kachestva-primeneniya-ikt-v-obrazovanii-mirovoy-opyt-i-rossiyskie-realii> (accessed: 25.05.2020) (In Russ.)
6. Soroka O.G. 2010. Opredelenie kriteriev otsenki kachestva didakticheskikh kompyuternykh igr [The definition of the criteria of the quality's mark of the didactic computer's games]. *Bulletin of Polotsk State University. Series E*, pp. 22–25. (In Russ.)
7. Shaykhlislamova L.F. 2016. K voprosu o primenenii komp'yuternykh igr v protsesse razvitiya inoyazychnoi dialogicheskoi rechi studentov neyazykovogo vuza [The use of computer games in the process of improving dialogical skills of technical univer-

- sity students]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 71–77. (In Russ.)
8. Shaykhlislamova L.F. 2016. Sovershenstvovanie dialogicheskikh umeniy studentov na osnove kompyuternykh igr v neyazykovom vuze [Mastering dialogue skills of students by means of computer games at a non-language university]. *Vektor nauki TGU. Series: Pedagogy, psychology*, no. 1 (24), pp. 67–71. (In Russ.)
  9. Anderson et al. 2008. Video Games in the English as a Foreign Language Classroom. *The Second IEEE International Conference on Digital Game and Intelligent Toy Enhanced Learning*, pp. 188–192.
  10. Chen H.H.J., Yang C. 2011. Investigating the Effects of Video Game on Foreign Language Learning. *Proceedings of the 6th International Conference on E-Learning And Games, Edutainment*, pp. 168–175.
  11. Gunter GA, Kenny RF, Vick EH. 2008. Taking educational games seriously: using the RETAIN model to design endogenous fantasy into standalone educational games. *Educational Technology Research and Development*, no. 56(5), pp. 511–537.
  12. Johnson W.L. 2007. Serious Use of a Serious Game For Language Learning. *Proceedings of the 2007 Conference on Artificial Intelligence in Education: Building Technology Rich Contexts that work*, pp. 64–74.
  13. Liang M.Y. 2011. Foreign Ludicity in Online Role-Playing Games. *Computer Assisted Language Learning*, no. 25 (5), pp. 455–469.
  14. Miller M., Hegelheimer V. 2006. The SIMs Meet ESL: Incorporating authentic computer simulation games into the language classroom. *Interactive Technology and Smart Education*, no. 3 (4), pp. 311–328.
  15. O'Connor E. 2004. Using Second Life (a virtual reality) in Language Instruction: Practical Advice on Getting Started. *Информационно-коммуникационные технологии в лингвистике, лингводидактике и межкультурной коммуникации*, pp. 52–63.
  16. Piirainen-Marsh A., Tainio L. 2009. Other-Repetition as a Resource for Participation in the Activity of Playing a Video Game. *The Modern Language Journal*, no. 93 (2), pp. 153–169.
  17. Rankin Y.A., Gold R., Gooch B. 2006. 3D Role-playing Games As Language Learning Tools. *Proceedings of Eurographics*, pp. 33–38.
  18. Reinders H., Wattana S. 2011. Learn English or Die: The Effects of Digital Games on Interaction and Willingness to Communicate in A Foreign Language. *Digital Education And Culture*. URL: http://www.digitalcultureandeducation.com/cms/wp-content/uploads/2011/04/dce1049_reinders_2011.pdf (accessed: 15.01.2014).
  19. Suh S., Kim S.W., Kim N.J. 2010. Effectiveness of MMORPG-Based Instruction in Elementary English Education In Korea. *Journal of Computer Assisted Learning*, no. 26 (5), pp. 370–378.
  20. Thorne S.L. 2008. Transcultural Communication In Open Internet Environments And Massively Multiplayer Online Games. *Mediating Discourse Online*, pp. 305–327.

И.В. Харламенко, Л.В. Фролова

**ЭКЗАМЕН В ЭЛЕКТРОННОМ ФОРМАТЕ:
ПРЕИМУЩЕСТВА, НЕДОСТАТКИ,
ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматриваются перспективы проведения интернет-экзамена по иностранному языку на биологическом и биотехнологическом факультетах МГУ имени М.В. Ломоносова на базе электронной платформы «Университет без границ» (*LMS MOODLE*). Авторы обращаются к опыту проведения лицензированных центрами международных экзаменов по иностранному языку. На указанных факультетах был создан и пошагово введен собственный формат итогового экзамена по дисциплине «Иностранный язык» за курс бакалавриата на основе формата международных экзаменов. В условиях вынужденного перехода на дистанционное обучение в связи с распространением коронавирусной инфекции предлагается перевести экзамен в электронный формат. Платформа *LMS MOODLE* позволяет реализовать проверку всех типов заданий разделов Аудирование, Чтение, Лексико-грамматический тест в автоматизированном режиме, а заданий раздела Письмо – в ручном режиме. Авторы анализируют преимущества и недостатки экзамена в электронном формате. Среди основных преимуществ можно выделить одновременный охват большой аудитории экзаменуемых, высокую скорость, объективность оценивания и др. Выявленные недостатки включают различные технические сложности, а также психологические проблемы, возникающие в том числе из-за желания студентов нарушить правила экзаменационной этики. Предлагается использовать систему наблюдения (прокторинг) за процессом сдачи экзамена для предотвращения таких нарушений. Авторы приходят к выводу, что интернет-экзамен является достойной заменой традиционному, бумажному экзамену и позволяет успешно оценить полученные студентом знания.

Ключевые слова: экзамен; электронный формат; онлайн-экзамен; интернет-экзамен; тест; *MOODLE*; *LMS*.

Введение. Среди тенденций проведения международных экзаменов на уровень владения иностранным языком, например, в линей-

Харламенко Инна Владимировна – преподаватель факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ikharlamenko@yandex.ru).

Фролова Людмила Викторовна – доцент биотехнологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: frolovabiotech@gmail.com).

ке кембриджских экзаменов, *IELTS*, *TOEFL*, *GMAT*, *TKT* и др., можно назвать проведение тестирования в компьютерном формате. Такая форма имеет преимущества: ускоренная обработка результатов экзамена; сравнительная простота администрирования; большая мотивация для молодого поколения.

И традиционная, и компьютерная форма проведения международных экзаменов требуют личного присутствия в центре сдачи; как правило, это специализированные лицензированные центры, где необходимо пройти процесс идентификации личности сдающего экзамен. Третий возможный формат проведения экзаменов – это электронный формат, или интернет-экзамен, т.е. проведение экзамена на базе электронной платформы (например, *LMS MOODLE*) с удаленным доступом к экзаменационным материалам и частичной или полной автоматизированной проверкой заданий.

Сдача экзаменов в электронном формате – одна из прогрессивных и сложных с точки зрения реализации идей, особенно при большом охвате экзаменуемых. Примером служит федеральный интернет-экзамен для независимой оценки качества подготовки бакалавров [Болотов, Наводнов и др., 2015], разработанный в рамках реализации Распоряжения Правительства РФ от 30 декабря 2012 г. № 2620-р¹. Однако предполагаем, что электронный формат экзаменов будет более востребован для проведения локальных экзаменов, в том числе по иностранному языку, в рамках смешанного и дистанционного обучения в вузах, например как это происходит в Нижегородском государственном педагогическом университете им. К. Минина [Минеева, Даричева, 2016]. Интернет-экзамен может найти широкое применение и при проведении контрольных мероприятий в режиме удаленного взаимодействия в связи с распространением коронавирусной инфекции COVID-19, когда все учебные заведения вынужденно перешли на дистанционную форму обучения.

Цель данной статьи – проанализировать преимущества и недостатки сдачи итогового экзамена в формате интернет-экзамена, рассмотреть соответствие технических возможностей *LMS MOODLE* реализации поставленной задачи и представить перспективы внедрения экзамена по дисциплине «Иностранный язык» на специально-разработанном сайте на базе *LMS MOODLE* в условиях удаленного взаимодействия участников экзаменационной сессии.

---

¹ Распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2012 г. № 2620-р «Об утверждении плана мероприятий (“дорожной карты”) “Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки”». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70191846/> (дата обращения: 20.05.2020).

Практика проведения итогового экзамена за курс бакалавриата по дисциплине «Иностранный язык» в МГУ имени М.В. Ломоносова. В 2014 г. на биологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова на уровне бакалавриата разработан и введен новый формат экзамена по английскому языку на уровень B2 по общеевропейской шкале оценивания [Полубиченко, 2014], поскольку прежние формы контроля на неязыковых факультетах [Свириденко, 2013] перестали отвечать современным требованиям. В структуру нового экзамена включены следующие разделы: *Listening* (аудирование), *Use of English* (лексико-грамматический тест), *Reading* (чтение), *Writing* (письмо) и *Speaking* (говорение). С содержанием экзамена можно ознакомиться в статье [Харламенко, Нохрина, 2016]. Экзамен проводится на биологическом факультете с 2015 г., на биотехнологическом факультете – с 2018 г.

На помощь педагогам приходит специально созданный с целью проведения экзамена сайт на образовательной платформе МГУ имени М.В. Ломоносова «Университет без границ» <https://distant.msu.ru/>. Все необходимые типы заданий представлены в технических возможностях платформы. Разделы *Listening* (аудирование), *Use of English* (лексико-грамматический тест) и *Reading* (чтение) подлежат автоматизированной проверке, а раздел *Writing* (письмо) – проверке преподавателями в ручном режиме.

В условиях вынужденного перехода на дистанционную форму обучения в связи с опасной эпидемиологической обстановкой в 2019–2020 уч.г. устную часть экзамена также можно провести при помощи цифровых технологий, например в формате видеоконференцсвязи между комиссией преподавателей и студентами. Критерии оценивания устного ответа в традиционном формате [Харламенко, Нохрина, 2018] применимы и для электронного экзамена. В LMS MOODLE инструментом для общения в форме видеоконференцсвязи служит *BigBlueButton*, встроенный в оболочку сайта и позволяющий видеть и слышать сразу несколько собеседников, обмениваться файлами и даже при необходимости вести запись мероприятия.

Преимущества и недостатки сдачи экзамена в электронном формате. Сравнение сдачи экзамена в традиционном (бумажном) и в электронном формате позволяет выделить преимущества и недостатки последнего. Одно из главных преимуществ электронного формата – одновременный и одномоментный охват большой аудитории экзаменуемых, что, с одной стороны, позволяет провести контрольное мероприятие у значительного числа обучающихся, например, у студентов целого курса, а с другой стороны – препятствует возможному копированию экзаменационных заданий с целью передачи их сдающим экзамен в последующие дни. Для разработ-

чиков контрольно-измерительных материалов это большое подспорье, поскольку подготовка даже одного комплекта экзаменационных материалов требует значительных усилий и времени.

Второе бесспорное преимущество – это высокая скорость проверки заданий с автоматизированной проверкой и отсутствие необходимости привлекать штат сотрудников для осуществления проверки ответов закрытого типа. Высвобожденное время преподавателей может быть направлено на более внимательную проверку заданий с открытым ответом за счет оценивания каждой работы двумя специалистами. К тому же автоматизированная проверка позволяет повышать объективность оценивания, что связано с отсутствием «человеческого фактора» (усталость преподавателя, плохой почерк экзаменуемого и пр.).

Третье преимущество электронного формата состоит в том, что экзаменуемым нет необходимости вносить ответы в специальные бланки ответов, которые традиционно подлежат проверке. При традиционном экзамене во время перенесения ответов с черновика на «чистовик» обучающиеся часто допускают ошибки, в том числе связанные с правильностью заполнения бланков ответов. В условиях электронного формата обучающиеся либо выбирают ответы из представленных, либо впечатывают свои ответы в специальные окошки. Однако необходимо обратить внимание, что после подтверждения ответа студентом некоторые системы не позволяют вносить коррективы.

Наряду с преимуществами использования электронного формата экзамена имеются и недостатки, которые могут потенциально стать препятствием для широкого применения контрольно-проверочных мероприятий на базе цифровых платформ.

Во-первых, наличие технических трудностей может свести на нет все усилия педагога, например, отсутствие или плохое качество Интернета, когда невозможно установить стабильное соединение с платформой, а также перебои с электричеством, подверженность вирусным атакам и т.д. Зачастую педагог не обладает ИК-компетенцией на профессиональном уровне [Титова, Харламенко, 2018: 5], и для управления сайтом требуется системный администратор [Смолянинова, Трофимова и др., 2019: 117], который обеспечил бы размещение материалов в цифровой среде, а также поддержание работы сайта при регулярных обновлениях, например, в условиях изменения интерфейса, когда тест может приобрести новые и не всегда удобные для использования расположение и вид.

Во-вторых, возможны трудности психологического характера, связанные с неготовностью использовать ИКТ в образовании. С одной стороны, несмотря на приверженность современного молодого

поколения к цифровым технологиям, всегда находятся те, кто чувствуют себя более уверенно при работе с материалом на бумаге, поскольку в таком случае можно делать пометки на полях, подчеркивать основные мысли в тексте и т.д. С другой стороны, у некоторых преподавателей, привыкших работать по старинке, внедрение автоматизированной проверки может вызвать недоверие.

Нужно помнить и о возможном стремлении некоторых студентов обмануть систему либо попросить кого-то другого пройти экзамен под их учетной записью. Избежать подобной ситуации можно при помощи ряда настроек в системе *MOODLE*: сделать доступ к тесту по специальному персональному коду, задать точное время начала экзамена, настроить ограничение попыток и времени выполнения заданий, установить режим отложенного отзыва на выполнение заданий [Басев, 2015: 57–58].

Хорошую эффективность в борьбе с попыткой подлога показывает система наблюдения за действиями экзаменуемых и их окружения при помощи прокторинга. Проктор – это специально обученный человек, который следит за соблюдением экзаменуемыми академической этики, т.е. фиксирует и предотвращает попытки пройти испытание нечестным путем.

Виды прокторинга:

1. Проктор наблюдает за студентом в режиме реального времени (проверяет личность по паспорту или иному документу, осматривает рабочее место и пространство вокруг экзаменуемого до начала испытания, наблюдает за процессом сдачи экзамена и делает замечания, если заметит попытку воспользоваться дополнительными материалами, и т.д.);

2. Запись сдачи экзамена при помощи камеры на устройстве студента, которую после завершения экзамена просматривает проктор и пишет отчет о действиях студента во время экзамена на предмет нарушения экзаменационной этики;

3. Автоматизированный биометрический метод: система на основе заложенных в нее алгоритмов идентифицирует личность экзаменуемого и отслеживает изменения в поведении и окружающей обстановке, например, фиксирует отсутствие экзаменуемого на рабочем месте, появление посторонних в поле зрения, появление дополнительных звуков, выключение камеры/микрофона и т.д. На основе полученных данных система отмечает моменты подозрительного поведения, на основании которых проктор делает вывод о возможности/невозможности засчитать результаты экзамена [Добровинский, Ловецкий и др., 2018].

Возможные отрицательные черты прокторинга: излишнее эмоциональное и психологическое напряжение студентов во время

прохождения испытания; низкое качество изображения, обусловленное техническими характеристиками камеры на устройстве экзаменируемого; возможные перебои в работе Интернета; высокая загруженность проктора во время экзаменационных сессий и вытекающее из этого снижение уровня внимания.

Заключение. В условиях вынужденного перехода на дистанционную форму обучения экзамен в электронном формате может стать достойной заменой традиционному экзамену. Задания с закрытым ответом проверяются в автоматическом режиме, что обеспечивает высокую скорость и качество проверки, высвобождает время преподавателя для более тщательной проверки заданий с открытым ответом. Осознание отрицательных сторон проведения контрольных мероприятий в удаленном режиме поможет педагогу, совместно с технической поддержкой вуза и службой прокторинга, грамотно выстроить работу для успешной демонстрации студентом полученных в ходе изучения курса знаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Басев И.Н.* Проведение экзамена средствами MOODLE // Обучение и воспитание: методики и практика. 2015. № 18. С. 56–59.
2. *Болотов В.А., Наводнов В.Г., Пылин В.В., Порядина О.В., Чернова Е.П.* Новый федеральный интернет-экзамен – новая технология независимой оценки качества подготовки бакалавров // Высшее образование сегодня. 2015. № 3. С. 19–23.
3. *Добровинский Д.С., Ловецкий И.В., Попов М.А.* Прокторинг как инструмент развития дистанционного образования // Научно-техническое и социально-экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. 2018. Т. 2. С. 27–32.
4. *Минеева О.А., Даричева М.В.* Организация тестирования в системе MOODLE при обучении иностранному языку // Научно-педагогическое обозрение. 2016. № 3 (13). С. 81–86.
5. *Полубиченко Л.В.* Формирование единства иноязычной образовательной среды в российском классическом университете // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 42–51.
6. *Свириденко О.Ю.* Формирование системы контроля курса «Английский для академических целей» (на примере студентов III-V курсов механико-математического факультета МГУ) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 53–60.
7. *Смолянинова О.Г., Трофимова В.В., Мороз А.А., Матусевич Н.П.* Возможности совершенствования учебного процесса с использованием LMS MOODLE // Современный ученый. 2019. № 5. С. 116–121.
8. *Титова С.В., Харламенко И.В.* Информационно-коммуникационная компетенция учителей и преподавателей иностранных языков: структура, уровни, способы формирования // Иностранные языки в школе. 2018. № 8. С. 2–7.
9. *Харламенко И.В., Нохрина В.В.* Критерии оценивания устного ответа студентов-биологов на иностранном языке на уровне В2 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 102–109.
10. *Харламенко И.В., Нохрина В.В.* Опыт и результаты проведения итогового сертификационного экзамена за бакалавриат по английскому языку на уро-

Inna V. Kharlamenko, Lyudmila V. Frolova

**INTERNET-BASED EXAM:
ADVANTAGES, DISADVANTAGES,
POSSIBLE PROSPECTS FOR USE**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is devoted to the prospect of conducting a foreign language internet-based exam at the Department of Biology and the Faculty of biotechnology at Lomonosov Moscow State University on the e-learning platform “University without Borders” (LMS MOODLE). The authors refer to the experience of authorized international English language test centers. The above mentioned faculties designed and gradually introduced their self-established format of the final “Foreign Language” exam for undergraduate students based on the international standard. The structure of the exam includes the following sections: Listening, Reading, Use of English, Writing and Speaking. Under the conditions of the urgently required shift to distant learning due to the coronavirus pandemic, the ways to introduce the online exam are presented. The LMS MOODLE platform allows assessing all types of tasks in Listening, Reading and Use of English in the automated mode, and tasks in the Writing and Speaking – in the manual mode. The authors analyze the advantages and disadvantages of the exam in the electronic format. Immediate and simultaneous coverage of a large audience of examinees, high speed and objectivity of assessment are distinguished among the advantages. However, a number of drawbacks of the technical and psychological sort were identified including students’ desire to cheat. The authors suggest using proctoring to monitor the examination process to prevent violation of the rules when taking the test. The authors come to the conclusion that the Internet-based exam is a worthy substitute for the traditional paper one and it allows for a successful assessment of the knowledge acquired by students.

Key words: exam; online exam; Internet based exam; test; MOODLE; LMS.

About the authors: *Inna V. Kharlamenko* – Lecturer, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ikharlamenko@yandex.ru); *Lyudmila V. Frolova* – Associate Professor, Faculty of Biotechnology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: frolovabiotech@gmail.com).

REFERENCES

1. Basev I.N. 2015. Provedenie ekzamena sredstvami MOODLE [Exam on MOODLE]. *Training and Education: Methods and Practice*, no. 18, pp. 56–59. (In Russ.)
2. Bolotov V.A., Navodnov V.G., Pylin V.V., Poryadina O.V., Chernova E.P. 2015. Novyi federal’nyi internet-ekzamen – novaya tekhnologiya nezavisimoi otsenki kachestva

- podgotovki bakalavrov [New Federal Online Exam – new technology of independent quality bachelor training assessment]. *Higher Education Today*, no. 3, pp. 19–23. (In Russ.)
3. Dobrovinskij D.S., Loveckij I.V., Popov M.A. 2018. Proktoring kak instrument razvitiya distancionnogo obrazovanija [Proctoring as a Tool of Distance Education Development]. *Scientific, Technical and Socio-Economic Cooperation of the Asia-Pacific Countries in the 21st Century*, vol. 3, pp. 27–32. (In Russ.)
  4. Mineeva O.A., Daricheva M.V. 2016. Organizacija testirovanija v sisteme MOODLE pri obuchenii inostrannomu jazyku [The Organization of Testing in the Moodle System in Teaching Foreign Languages]. *Pedagogical Review*, no. 3 (13), pp. 81–86. (In Russ.)
  5. Polubichenko L.V. 2014. Formirovanie edinstva inoyazychnoi obrazovatel'noi sredy v rossiiskom klassicheskom universitete [Building the unity of foreign language learning environment in the Russian classical university]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 42–51. (In Russ.)
  6. Sviridenko O.Yu. 2013. Formirovanie sistemy kontrolya kursa “angliiskii dlya akademicheskikh tselei” (na primere studentov III–V kursov mekhaniko-matematicheskogo fakul'teta MGU) [The Formation of the System of Control of the Course “English for Academic Purposes” (Case Study of 3rd and 4th year Students of the Faculty of Mechanics and Mathematics at Moscow State University)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 53–60. (In Russ.)
  7. Smoljaninova O.G., Trofimova V.V., Moroz A.A., Matusевич N.P. 2019. Vozmozhnosti sovershenstvovanija uchebnogo processa s ispol'zovaniem LMS MOODLE [Possibilities of Improving the Educational Process Using LMS MOODLE]. *Modern Scientist*, no. 5, pp. 116–121. (In Russ.)
  8. Titova S.V., Kharlamenko I.V. 2018. Informacionno-kommunikacionnaja kompetencija uchitelej i prepodavatelej inostrannyh jazykov: struktura, urovni, sposoby formirovanija [Information and Communication Technology Competence of Foreign Language Teachers: Structure, Levels, Ways of Development]. *Foreign Languages at School*, no. 8, pp. 2–7. (In Russ.)
  9. Kharlamenko I.V., Nokhrina V.V. 2018. Kriterii otsenivaniya ustnogo otveta studentov-biologov na inostrannom yazyke na urovne B2 [Criteria for assessing oral English exam at B2 level (biology students)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 102–109. (In Russ.)
  10. Kharlamenko I.V., Nokhrina V.V. 2016. Opyt i rezul'taty provedeniya itogovogo sertifikatsionnogo ekzamina za bakalavriat po angliiskomu yazyku na uroven' b2 na Biologicheskomo fakul'tete MGU [Final English language assessment (CEFR level B2) for bachelor students of MSU Biological Faculty]. In *Lebedeva I.L. (ed.). Uchitel', uchenik, uchebnik: materialy VIII Mezhdunarodnoi nauch.-prakt. konf [Teacher, learner, textbook: Proceedings of the VIII conference]*, vol. 2, pp. 392–400. Moscow. KDU. (In Russ.)

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

А.А. Маслова, А.Н. Колесникова

ТРЕБОВАНИЯ К ПРОИЗНОШЕНИЮ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: НОРМАТИВНОСТЬ ИЛИ ФОНЕТИЧЕСКАЯ РАЗБОРЧИВОСТЬ?

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье представлены результаты исследования мнений студентов педагогического отделения факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова о произношении преподавателей английского языка. Целью работы было изучить взаимосвязь между понятиями фонетической разборчивости, простоты понимания речи и компетентности преподавателя английского языка, чтобы сделать выводы о необходимости модернизации преподавания практической фонетики английского языка на педагогических направлениях подготовки в языковых вузах в условиях распространения английского языка как лингва франка. С помощью опроса и полуструктурированного интервью были выявлены предпочтения будущих преподавателей. Результаты показали, что речь преподавателей, соблюдающих требования «ядра лингва франка», является значительно более фонетически разборчивой и простой для понимания. Данный результат подтверждает эффективность использования преподавания на основе методической модели «ядра лингва франка» для достижения фонетической разборчивости речи. Однако, преподаватели-носители были отмечены как значительно более профессионально компетентные, несмотря на более низкую фонетическую разборчивость и простоту понимания речи, что говорит о недостаточности использования «ядра лингва франка» в качестве модели преподавания фонетики в языковых вузах. Образ компетентного преподавателя прочно ассоциируется со схожестью произношения данного преподавателя с произношением носителя языка. Авторы делают вывод о том, что в данной ситуации упразднение модели носителя, предлагаемое международным сообществом для целей преподавания английского языка как лингва франка, не представ-

---

Маслова Алина Андреевна – преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: maslovalina@gmail.com).

Колесникова Александра Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: alex_wd@mail.ru).

ляется разумным, и предлагают в дальнейших исследованиях начать разработку новой модели, учитывающей международные требования к фонетической разборчивости речи и предпочтения обучающихся относительно нормативности речи преподавателя иностранного языка.

Ключевые слова: фонетика; произношение; педагогическое образование; преподаватель; английский язык.

Введение

В условиях распространения английского языка (АЯ) как лингва франка, главной целью обучения практической фонетике на современном этапе представляется уже не произносительная нормативность речи, а достижение объективной фонетической разборчивости речи (*intelligibility*), о чем говорят зарубежные исследователи в области обучения английскому языку как иностранному (EFL), языку международного общения (EIL) [Matsuda, 2012; Munro, Derwing, 1995; Seidlhofer, 2011], и о чем свидетельствует анализ динамики развития общеевропейских критериев оценки уровня владения иностранным языком (Common European Framework of Reference)¹, который выявил определенный переход от требований к подражанию носителям (*nativeness*) в продуцировании речи в сторону фонетической разборчивости устной речи. Данное изменение чаще всего объясняется именно особенностью использования АЯ в современном мире: сейчас это «глобальный язык» и «язык-посредник», значительная часть общения на котором происходит между *неносителями* [Прошина, 2018: 18]. В этих условиях выпускник языкового факультета сегодня должен быть готов к свободному общению в поликультурном академическом сообществе, не испытывая трудностей с восприятием иноязычной речи собеседника, демонстрируя уважительное отношение к иноязычному акценту как объективному социолингвистическому проявлению [Колесникова, Коренев, 2015; Сафонова, 2015].

Студенты педагогических направлений языковых вузов – будущие преподаватели – представляют собой уникальную группу изучающих иностранный язык, так как, с одной стороны, используют язык в профессиональном контексте, жестко регулируемом федеральными образовательными стандартами, которые декламируют нормативность в обучении иностранным языкам², а с другой – яв-

---

¹ Council of Europe. Common European Framework of Reference for languages: Learning, teaching, assessment. Companion Volume with New Descriptors. URL: <https://rm.coe.int/cefr-companion-volume-with-new-descriptors-2018/1680787989> (дата обращения: 20.03.2020).

² Образовательный стандарт Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по направлению «Лингвистика». 2015. URL: <http://www.>

ляются полноправными членами международного сообщества, характеризующегося широчайшим разнообразием произносительных вариантов и отсутствием единой *верной* произносительной нормы [Seidlhofer, 2011]. Возникает важный вопрос о том, насколько возможно и желательно трансформировать сложившуюся традиционную модель обучения фонетике АЯ студентов педагогических программ подготовки в языковых вузах с учетом распространения АЯ как лингва франка, которое уже привело к изменению требований к владению иностранным языком в европейских образовательных документах³.

С целью ответить на данный вопрос и разрешить противоречие стоит обратиться к мнению участников образовательного процесса, т.е. самим студентам педагогических специальностей языковых вузов. Изучение взаимосвязи между понятиями фонетической разборчивости, простоты понимания речи и компетентности преподавателя АЯ позволит сделать выводы о необходимости и возможности модернизации преподавания практической фонетики АЯ в условиях распространения АЯ как лингва франка.

Описание исследования

Преподаватели. Восемь носителей АЯ и восемь русских участников, владеющих АЯ на уровне не ниже С1, были привлечены к исследованию (N=16). С целью минимизировать вокальные различия, участники были отобраны с учетом возраста и пола (M=22.7, SD=1.1; 10 женщин, 6 мужчин). Участники выступали в качестве «преподавателей» и записывали на аудио предложения из 18 слов с учетом определенных критериев: 1) запись каждого преподавателя длилась от 4.7 до 5.5 секунд и соответствовала скорости чтения 200 слов в минуту, так как именно данная скорость считается оптимальной для восприятия [Blau, 1990]; 2) все слова в записи входили в список 3500 самых популярных слов согласно The Corpus of Contemporary American English (COCA)⁴, так как именно данный порог соответствует уровню B2; 3) все слова содержали фонемы из «ядра лингва франка» – на данный момент самого эмпирически обоснованного списка фонем, правильное произнесение которых необходимо для достижения разборчивости речи (The Lingua Franca Core, LFC) [Jenkins, 2000]. Пример одной из записей можно видеть на рис. 1:

---

fl.msu.ru/students/035700_lingvistika_1.pdf (дата обращения: 20.03.2020).

³ Council of Europe. Common European Framework of Reference for languages: Learning, teaching, assessment. Companion Volume with New Descriptors. URL: <https://rm.coe.int/cefr-companion-volume-with-new-descriptors-2018/1680787989>

⁴ The Corpus of Contemporary American English (COCA), URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>

Put your answer sheets on this table. Don't forget to sign them. You will receive your marks tomorrow.

/put/, /table/, /to/, /tomorrow/ – no aspiration of plosives

/put/ - vowel substitution - Russian [u] sound

/sheets/, /will/, /receive/ – vowel length confusion - [i] and [i:]

Рис. 1. Пример текста записи преподавателя

Участники-преподаватели были разделены на 4 группы для сравнения.

Группа 1 (NS, Non-LFC): преподаватели-носители, специально нарушающие пункты ядра лингва франка для достижения фонетической неразборчивой речи.

Группа 2 (NS, LFC): преподаватели-носители, следующие пунктам ядра лингва франка для достижения фонетической разборчивой речи.

Группа 3 (Rus, Non-LFC): русские преподаватели, специально нарушающие пункты ядра лингва франка для достижения фонетической неразборчивой речи.

Группа 4 (Rus, LFC): русские преподаватели, следующие пунктам ядра лингва франка для достижения фонетической разборчивой речи.

Респонденты. Целевой аудиторией данного исследования стали студенты бакалавриата педагогического отделения факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова. Для участия был отобран 51 студент (1–4 курс, $M=19.4$; $SD=1.2$; 94,2% женщины; 5,8% мужчины). Неравное гендерное распределение объясняется особенностью выбранной специальности. Минимальный уровень владения АЯ – В2 по шкале CEFR, так как именно данный уровень требуется от студентов для успешного поступления на факультет. Все участники эксперимента либо уже проходили, либо находились в процессе прохождения годового курса по практической фонетике на основе произносительной нормы Received Pronunciation.

Респондентам было предложено прослушать 16 описанных выше аудиозаписей и оценить речь преподавателей с использованием опросного листа (рис. 2). После первого прослушивания студентам предлагалось оценить, по шкале от 1 до 8, насколько профессионально компетентным является каждый из преподавателей в зависимости от их произношения. В инструкции к заданию уточнялось, что при ответе на данный вопрос следует руководствоваться исключительно особенностями произношения, а не другими профессиональными и личными характеристиками говорящих. После повторного прослушивания респонденты отвечали на второй вопрос о том, насколько легко было понять речь преподавателя. Третье

прослушивание представляло собой фрагмент уже дважды прослушанной записи, состоящий из 6 слов. Студентам предлагалось записать услышанный фрагмент.

Teacher 1

How would you rate this teacher's professional competence?

1   -   2   -   3   -   4   -   5   -   6   -   7   -   8
not   very little   little   satisfactory   fairly good   good   very good   excellent
competent

How easy or difficult was it to understand the teacher?

1   -   2   -   3   -   4   -   5   -   6   -   7   -   8
extremely   very easy   easy   quite easy   slightly difficult   difficult   very difficult   not understandable
easy

What did the teacher say? Please write down the sentence that you heard.

Рис. 2. Пример опросного листа для респондентов

Подготовка опросного листа была основана на достижениях зарубежных ученых в области качественных и количественных исследований [Cohen, Manion, Morriss, 2018; Schwarz, Knauper, Hippler, Noelle-Neumann, Clark, 1991], поэтому респондентам была предложена шкала из 8 пунктов, так как шкалы из 7 пунктов являются оптимальными с точки зрения длины [Guest, Bunce, Johnson, 2006], но в шкалах с нечетным количеством пунктов существует тенденция выбирать центральный пункт [Cohen, Manion, Morriss, 2018], что в нашем случае могло бы повлиять на надежность и валидность полученных результатов.

Для участия в интервью, из общего числа студентов 13 были выбраны случайным образом, так как минимальный размер выборки в 12 человек удовлетворяет критериям качественного исследования, основанного на интервью [Guest, Bunce, Johnson, 2006]. Выбранным студентам были заданы следующие вопросы:

1. На каком курсе и по какой программе вы обучаетесь?
2. У вас был курс по практической фонетике? Если да, то какую фонетическую норму вам преподавали?
3. Совпадает ли она с нормой, которую вы хотели бы изучать?
4. Как будущий преподаватель, вы бы хотели овладеть произношением, близким к произношению носителя языка? Почему?
5. Когда вы оценивали речь преподавателей в рамках первого вопроса о профессиональной компетентности, чем вы руководствовались?
6. По вашему мнению, должен ли преподаватель владеть произношением на уровне носителя?
7. Как бы вы отнеслись к преподавателю с разборчивым, но русским акцентом?

8. По вашему мнению, должен ли преподаватель избавиться от русского акцента, чтобы считаться компетентным преподавателем?

9. По вашему мнению, проще понимать речь носителя языка или русского преподавателя, говорящего на АЯ?

Результаты эксперимента

Полученные в ходе эксперимента данные были проанализированы с использованием программного обеспечения IBM SPSS v.25⁵. Переменные «компетентность» (competence) и «простота понимания» (comprehensibility) были рассмотрены как непрерывные. Переменная «фонетическая разборчивость» (intelligibility) могла принимать целые значения от 1 до 6 в зависимости от количества правильно транскрибированных участников слов. Верные ответы с орфографическими ошибками, не нарушающими понимания, были все равно засчитаны, как правильные. Результаты двух участников были исключены из анализа из-за неполноты данных. Итоговая группа участников, чьи ответы были проанализированы, составила 49 человек. Данные, полученные в ходе интервью, были транскрибированы на русском языке и кодированы на основе исходных вопросов, а также общих тем, выявленных исследователями в ответах. Так как интервью в данном исследовании являлось комплиментарным методом, только ответы, имеющие непосредственную важность для подтверждения количественных данных, будут описаны в данной статье.

Влияние фактора «носитель/неноситель языка» на компетентность, простоту понимания и фонетическую разборчивость

1) *Компетентность.* Для изучения влияния фактора «носитель/неноситель языка» на компетентность преподавателя с точки зрения респондентов, средний показатель «компетентности», данный каждым участником всем носителям языка (NS, $n_1=8$) был сравнен со средним показателем «компетентности», данным этим участником всем неносителям (преподавателям с русским акцентом разной степени выраженности) (Rus, $n_2=8$). Deskриптивные данные (табл. 1) и результаты критерия Шапиро-Уилка ($p=0.948$ (NS) и $p=0.398$ (Rus)), указали на нормальное распределение переменной «компетентности» для обеих групп, участвующих в сравнении, что позволило проведение t-теста Стьюдента.

Одновыборочный t-тест Стьюдента был использован, так как данные для обеих групп (NS и Rus) были предоставлены одной группой респондентов. Результаты t-теста показали, что оценки

⁵ IBM SPSS Statistics. URL: <https://www.ibm.com/support/pages/downloading-ibm-spss-statistics-25> (дата обращения: 20.03.2020)

«компетентности», данные группе носителей ($M=5.56$, $SD=1.01$), были значительно выше оценок, данных группе неносителей ($M=4.47$, $SD=0.93$); $t(48)=9.3$, $p<0.001$ (табл. 2).

Таблица 1

Дескриптивные данные по переменной «компетентность» для групп NS и Rus

	N	Min	Max	Mean	Std. Dev.	Skewness		Kurtosis	
						Stat.	Std. E.	Stat.	Std. E.
Comp_NS	49	3.13	7.88	5.56	1.01	-.104	.34	-.289	.668
Comp_Rus	49	2.63	6.75	4.47	0.93	-.101	.34	-.189	.668
Valid N	49								

Таблица 2

Результаты t-теста по переменной «компетентность» для групп NS и Rus

Pair 1	Comp_NS – Comp_Rus	Mean	Std. Dev.	Std. E. M	95% Conf. Int.		t	df	Sig. (2-tailed)
					Lower	Upper			
		1.09	.82	.11	.85	1.32	9.3	48	.000

Данные результаты были подтверждены развернутыми мнениями студентов, полученными в ходе интервью. Все участники интервью отметили, что следование модели носителя необходимо для получения статуса «компетентного» преподавателя, потому что «преподаватель должен владеть языком на высшем уровне» (инт. 3), произношение носителя является «правильным» или «стандартным» (инт. 1, 3, 5, 8, 11), русский акцент «неприятен» или «отвлекает» (инт. 6, 8, 12). Многие участники также отметили, что преподаватель является образцом для студентов, и именно поэтому его речь должна быть похожа на речь носителя (инт. 1, 3, 5, 6, 7, 8, 12). Некоторые студенты также отмечали, что произношение «как у носителя» им нужно для того, чтобы «выделяться среди других» и «быть конкурентоспособным» (инт. 4, 8). Модель Received Pronunciation была отмечена, как предпочтительная, 12 из 13 студентов, потому что «ее преподавали в школе» (инт. 1, 2, 11) она «стандартная» (инт. 1, 3, 6, 7, 8, 11) и «красиво звучит» (2, 7, 12, 13). Таким образом, результаты в данном разделе четко указали на связь произношения, близкого к произношению носителя, с восприятием компетентности, что было подтверждено и количественными, и качественными данными.

2) **Простота понимания.** С целью определения влияния фактора «носитель/неноситель языка» на простоту понимания речи,

средний показатель «простоты понимания», данный каждым участником всем носителям языка, был сравнен со средним показателем «простоты понимания», данным этим участником всем неносителям (русским преподавателям). Deskриптивные данные (табл. 3) и результаты критерия Шапиро-Уилка ($p=0.714$ (NS) и $p=0.103$ (Rus)), так же, как и в первом тесте, указали на нормальное распределение переменной «простота понимания» для обеих групп, участвующих в сравнении, что позволило проведение t-теста Стьюдента.

Таблица 3

Deskриптивные данные по переменной «простота понимания» для групп NS и Rus

	N	Min	Max	Mean	Std. Dev.	Skewness		Kurtosis	
						Stat.	Std. E.	Stat.	Std. E.
Compreh_NS	49	1.00	5.75	3.49	1.00	-.048	.340	.19	.66
Compreh_Rus	49	1.00	4.50	2.52	.89	.479	.340	-.05	.66
Valid N	49								

Было установлено, что речь группы носителей ($M=3.49$, $SD=1.00$), была значительно сложнее для понимания, чем группа неносителей ($M=2.52$, $SD=0.89$); $t(48)=9.11$, $p<0.001$ (табл. 4).

Таблица 4

Результаты t-теста по переменной «простота понимания» для групп NS и Rus

		Mean	Std. Dev.	Std. E. M.	95% Conf. Int.		t	df	Sig. (2-tailed)
					Lower	Upper			
					Pair 1	Compreh_NS – Compreh_Rus			

Количественные данные были подтверждены результатами интервью. 9 из 13 опрошенных студентов отметили, что понимать русских преподавателей проще, чем носителей. Следующие причины были отмечены:

Инт. 3: *“Я думаю, что русских преподавателей проще понимать, так как мы привыкли к их акценту”*.

Инт. 6: *“Преподавателей с русским акцентом проще понимать, потому что они стараются, чтобы их поняли. Носители часто глотают звуки и смазывают слова”*.

Инт. 12: “Русских преподавателей проще понимать, потому что они делают те же ошибки, что и все русские люди”.

Не все опрошенные согласились с данной позицией. Двумя участниками было отмечено, что носителей понимать проще, так как русский акцент их «отвлекает» (инт. 8, 13). Один участник отметил, что то, кого проще понимать, зависит от предыдущего образования и ознакомленности с существующими акцентами (инт. 1).

Фонетическая разборчивость речи. Как было отмечено выше, «фонетическая разборчивость» речи оценивалась от 1 до 6 в зависимости от количества верно записанных слов после прослушивания отрывка аудиозаписи. Для каждого респондента было выявлено среднее количество слов, записанных правильно из записей носителей языка и неносителей языка (русских преподавателей). Данные по переменной «фонетической разборчивости» не были представлены нормальным распределением (критерий Шапиро-Уилка: $p=0.006(NS)$ и $p=0.000(Rus)$), поэтому t-тест Стьюдента был заменен критерием Уилкоксона, результаты которого представлены в табл. 6. Согласно результатам для участников данного эксперимента речь русских преподавателей ($M=5.62$; $SD=0.35$) была значительно более фонетически разборчивой ($Z=-6.09$; $p<0.001$), чем речь носителей языка ($M=4.57$; $SD=0.60$).

Таблица 5

Дескриптивные данные по переменной «фонетическая разборчивость» для групп NS и Rus

	N	Min	Max	Mean	Std. Dev.	Skewness		Kurtosis	
						Stat.	Std. E.	Stat.	Std. E.
Intel_NS	49	2.88	5.63	4.57	.60	-.92	.34	.63	.66
Intel_Rus	49	4.63	6.00	5.62	.35	-.84	.34	.08	.66
Valid N	49								

Таблица 6

Результаты критерия Уилкоксона по переменной «фонетическая разборчивость» для групп NS и Rus

Test Statistics ^a	
	Intel_Rus – Intel_NS
Z	-6.097 ^b
Asymp. Sig. (2-tailed)	.000
a. Wilcoxon Signed Ranks Test	
b. Based on negative ranks	

Влияние фактора соблюдения LFC на компетентность, простоту понимания и фонетическую разборчивость

1) **Компетентность.** Для изучения влияния фактора соблюдения LFC на компетентность преподавателя в глазах респондентов, средний показатель «компетентности», данный каждым участником всем LFC-говорящим (*LFC*, $n_1=8$) был сравнен со средним показателем «компетентности», данным этим участником всем не-LFC-говорящим (*Non-LFC*, $n_2=8$). Deskриптивные данные (табл. 7) и результаты критерия Шапиро-Уилка ($p=0.074$ (*LFC*) и $p=0.127$ (*Non-LFC*)), указали на нормальное распределение переменной «компетентность» для обеих групп, участвующих в сравнении, что позволило проведение t-теста Стьюдента.

Таблица 7

Deskриптивные данные по переменной «компетентность» для групп LFC и Non-LFC

	N	Min	Max	Mean	Std. Dev.	Skewness		Kurtosis	
						Stat.	Std. E.	Stat.	Std. E.
Comp_LFC	49	4.00	7.75	5.90	.98	-.33	.34	-.60	.66
Comp_non_LFC	49	2.38	6.50	4.17	.92	.43	.34	-.20	.66
Valid N	49								

Результаты t-теста показали, что оценки «компетентности», данные группе LFC-говорящих ($M=5.90$, $SD=0.98$), были значительно выше оценок, данных группе не-LFC-говорящих ($M=4.17$, $SD=0.92$); $t(48)=15.2$, $p<0.001$ (табл. 8).

Таблица 8

Результаты t-теста по переменной «компетентность» для групп LFC и Non-LFC

Pair 1	Mean	Std. Dev.	Std. E. M.	95% Conf. Int.		t	df	Sig. (2-tailed)
				Lower	Upper			
				Comp_LFC – Comp_non_LFC	1.73			

2) **Простота понимания.** Для определения влияния соблюдения LFC на простоту понимания речи, средний показатель «простоты понимания», данный каждым участником всем LFC-говорящим (*LFC*, $n_1=8$) был сравнен со средним показателем «простоты понимания», данным этим участником всем не-LFC-говорящим (*Non-LFC*, $n_2=8$). Deskриптивные данные (табл. 9) и результаты критерия Ша-

пиро-Уилка ($p=0.299$ (LFC) и $p=0.936$ (Non-LFC)) указали на возможность проведения t-теста Стьюдента.

Таблица 9

Дескриптивные данные по переменной «простота понимания»

	N	Min	Max	Mean	Std. D.	Skewness		Kurtosis	
						Stat.	Std. E.	Stat.	Std. E.
Compreh_LFC	49	1.00	4.25	2.50	.81	.30	.34	-.43	.66
Compreh_non_LFC	49	1.00	5.88	3.50	1.04	-.01	.34	.01	.66
Valid N (listwise)	49								

Было установлено, что речь группы LFC-говорящих ($M=2.50$, $SD=0.81$), была гораздо проще для понимания, чем речь группы не-LFC-говорящих ($M=3.50$, $SD=1.04$); $t(48)=-10.1$, $p<0.001$ (табл. 10).

Таблица 10

Результаты t-теста Стьюдента для переменной «простота понимания»

		Mean	Std. D.	Std. E. M.	95% Conf. Int.		t	df	Sig. (2-tailed)
					Lower	Upper			
					Pair 1	Compreh_LFC - Compreh_non_LFC			

3) **Фонетическая разборчивость речи.** Данные по переменной «фонетической разборчивости» не были представлены нормальным распределением (критерий Шапиро-Уилка: $p=0.000$ (LFC) и $p=0.418$ (Non-LFC)), поэтому t-тест Стьюдента был заменен критерием Уилкоксона, результаты которого представлены в табл. 12.

Таблица 11

Дескриптивные данные по переменной «фонетическая разборчивость»

	N	Min	Max	Mean	Std. D.	Skewness		Kurtosis	
						Sta	Std. E.	Stat	Std. E.
Intel_LFC	49	4.25	6.00	5.56	.46	-1.30	.34	1.22	.66
Intel_non_LFC	49	3.25	5.63	4.64	.49	-.46	.34	.61	.66
Valid N	49								

Результаты показали, что следование ядру лингва франка (LFC) привело к появлению статистически значимой разницы ($Z=-6.07$; $p<0.001$): речь LFC-говорящих ($M=5.56$; $SD=0.46$) была найдена значительно более фонетически разборчивой, чем речь не-LFC-говорящих ($M=4.64$; $SD=0.49$).

Результаты критерия Уилкоксона по переменной «фонетическая разборчивость» для групп LFC и Non-LFC

Test Statistics ^a	
	Intel_LFC - Intel_non_LFC
Z	-6.069 ^b
Asymp. Sig. (2-tailed)	.000
a. Wilcoxon Signed Ranks Test	
b. Based on negative ranks.	

Таким образом, было отмечено, что соблюдение LFC («ядра лингва франка») делает речь преподавателей более объективно разборчивой и простой для понимания, что подтверждает результаты предыдущих исследований данного вопроса [Osimk, 2009; Rahimi, Ruzrokh, 2018; Zoghbor, 2018]. Кроме того, полученные результаты представляют собой эмпирическое доказательство теории Дж. Дженкинс [Jenkins, 2000]. Следование LFC сделало речь преподавателей более разборчивой и простой для понимания, что говорит о возможности использования LFC в качестве необходимой «базы» для преподавания фонетики АЯ как иностранного. Ранее использование LFC критиковалось из-за отсутствия конкретных эмпирических данных [Walkinshaw, Oanh, 2014], однако результаты данного исследования очевидно указывают на преимущества преподавания фонетики на основе LFC.

Заключение

В соответствии с результатами данного исследования преподавание фонетики АЯ на основе модели ядра лингва франка (LFC) является достаточным для достижения фонетической разборчивости речи, необходимой для эффективного общения в международном академическом сообществе. Данная модель может быть использована в качестве основной для преподавания АЯ студентам нелингвистических специальностей, перед которыми не стоит цели овладения произносительной нормой иностранного языка. Однако результаты интервью и количественного анализа шкал компетентности указывают на необходимость использования модели *носителя* в преподавании фонетики студентам педагогических направлений подготовки. Преподавание на основе LFC отвечает *потребностям* будущих педагогов, но не их *предпочтениям* (иерархия потребностей, нужд и предпочтений И. Нэйшена и Д. Макалистера [Nation, Macalister, 2010]). По данным нашего исследования, образ компетентного преподавателя прочно ассоциируется со схожестью про-

изношения данного преподавателя с произношением носителя языка. В данной ситуации упразднение модели носителя не представляется разумным, так как это будет противоречить желаниям студентов, соблюдение которых является основой для устойчивой мотивации и достижения академического успеха [Brown, 2008].

Таким образом, в дальнейших исследованиях следует предложить новую комбинированную модель для подражания, объединяющую преимущества модели LFC и модели носителя, и удовлетворяющую как *потребностям* студентов педагогических специальностей, так и их *предпочтениям*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесникова А.Н., Корнев А.А. Воспитание толерантности к акцентам иноязычной речи на уроках по фонетике в языковом вузе // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 138–147.
2. Прошина З.Г. Концепции глобализации английского языка // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. № 1–2. С. 12–30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-globalizatsii-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 20.03.2020).
3. Сафонова В.В. Полезные уроки общеевропейской международной интеграции и профессионального межкультурного общения в условиях исследовательской кооперации в журнале // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 9–22.
4. Blau E. The effect of syntax, speed, and pauses on listening comprehension. TESOL Quarterly. 1990. Vol. 24. № 4. P. 746–753.
5. Brown A. Pronunciation and good language learners. In C. Griffiths (Ed.), *Lessons from good language learners* (P. 197–207). Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
6. Cohen L., Manion L., Morriss K. *Research methods in education* (eighth ed.). L., England; N.Y., 2018.
7. Derwing T.M., Munro M.J. Second language accent and pronunciation teaching: A research-based approach // TESOL Quarterly. 2005. Vol. 39. № 3. P. 379–398.
8. Guest G., Bunce A., Johnson L. How many interviews are enough? An experiment with data saturation and variability // *Field Method*. 2006. Vol. 18. № 1. P. 59–82.
9. Jenkins J. *The phonology of English as an international language: New models, new norms, new goals*. Oxford, 2000.
10. Matsuda A. *Principles and practices of teaching English as an international language*. Bristol; Buffalo, 2012.
11. Munro M., Derwing T. Foreign accent, comprehensibility, and intelligibility in the speech of second language learners // *Language Learning*. 1995. Vol. 45. № 1. P. 73–97.
12. Nation I., Macalister J. *Language curriculum design (ESL and applied linguistics professional series)*. N.Y.; L., 2010.
13. Osimk R. Decoding sounds: An experimental approach to intelligibility in ELF // *Vienna English Working Papers*. 2009. Vol. 18. № 1. P. 64–89.
14. Rahimi M., Ruzrokh S. The impact of teaching Lingua Franca Core on English as a foreign language learners' intelligibility and attitudes towards English pronunciation // *Asian Englishes*. 2018. Vol. 18. № 2. P. 141–156.

15. Schwarz N., Knauper B., Hippler H., Noelle-Neumann E., Clark L. Rating scales: Numeric values may change the meaning of scale labels // *Public Opinion Quarterly*. 1991. Vol. 55. № 4. P. 570.
16. Seidlhofer B. *Understanding English as a lingua franca*. Oxford, 2011.
17. Wach A. Native-speaker and English as a lingua franca pronunciation norms: English majors' views // *Studies in Second Language Learning and Teaching*. 2001. Vol. 1. № 2. P. 247–266.
18. Walkinshaw I., Oanh, D.H. Native and non-native English language teachers: Student perceptions in Vietnam and Japan // *SAGE Open*. 2014.
19. Zoghbor W. Teaching English pronunciation to multi-dialect first language learners: The revival of the Lingua Franca Core (LFC) // *System*. 2018. Vol. 78. P. 1–14.

Alina A. Maslova, Aleksandra A. Kolesnikova

PRONUNCIATION STANDARDS FOR THE TEACHER OF ENGLISH: NEAR-NATIVENESS OR INTELLIGIBILITY?

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article presents an experiment which was aimed at determining the English Language Teaching (ELT) majors' views on the pronunciation of a competent English teacher. The relationship among intelligibility, comprehensibility and competence was explored in order to evaluate the necessity and possibility of updating the recommendations for teaching practical phonetics as a consequence of the spread of English as a lingua franca. A questionnaire and a semi-structured interview were used in order to collect quantitative and qualitative data respectively. The results revealed that English teachers who followed the Lingua Franca Core (LFC) were judged as significantly more intelligible and comprehensible to Russian ELT majors. This result proves the efficiency of LFC-based instruction if the goal is intelligibility. Native-sounding English teachers were rated as significantly more professionally competent despite their low intelligibility and comprehensibility, which supports the native-speaker bias previously described in scientific literature. The authors conclude that it is necessary to develop a new pronunciation model for the purposes of teaching phonetics to ELT majors, which would satisfy both their needs and desires by combining the LFC basis indispensable for intelligibility, with the features of native-speaker pronunciation, linked to the image of a competent professional.

Key words: phonetics; pronunciation; teacher education; teacher; English; language.

About the authors: *Alina A. Maslova* – Lecturer, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: maslovalina@gmail.com); *Aleksandra A. Kolesnikova* – PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: alex_wd@mail.ru).

REFERENCES

1. Kolesnikova A.N., Korenev A.A. 2015. Teaching Tolerance to Foreign Accents at Phonetics Lessons in Language Colleges. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 138–147. (In Russ.)
2. Proshina Z.G. 2018. Conceptions of the English Language Globalisation. *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*, no. 1–2, pp. 32–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-globalizatsii-angliyskogo-yazyka> (accessed: 20.03.2020) (In Russ., abstract in Eng.)
3. Safonova V.V. 2015. Useful Lessons in Pan-European International Integration and Professional Intercultural Communication in the Context of Research Cooperation. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–22. (In Russ.)
4. Blau E. 1990. The effect of syntax, speed, and pauses on listening comprehension. *TESOL Quarterly*, vol. 24, no. 4, pp. 746–753.
5. Brown A. 2008. *Pronunciation and good language learners*. In C. Griffiths (Ed.), *Lessons from good language learners* (pp. 197–207). Cambridge, Cambridge University Press.
6. Cohen L., Manion L., Morrison K. 2018. *Research Methods in Education* (Eighth ed.). L., England; N.Y.
7. Derwing T.M., Munro M.J. 2005. Second Language Accent and Pronunciation Teaching: A Research-based Approach. *TESOL Quarterly*, vol. 39, no. 3, pp. 379–398.
8. Guest G., Bunce A., Johnson L. 2006. How Many Interviews Are Enough? An Experiment with Data Saturation and Variability. *Field Method*, vol. 18, no. 1, pp. 59–82.
9. Jenkins J. 2000. *The Phonology of English as an International Language: New models, new norms, new goals*. Oxford, Oxford University Press.
10. Matsuda A. 2012. *Principles and Practices of Teaching English as an International Language*. Bristol; Buffalo, Multilingual Matters.
11. Munro M., Derwing T. 1995. Foreign Accent, Comprehensibility, and Intelligibility in the Speech of Second Language Learners. *Language Learning*, vol. 45, no. 1, pp. 73–97.
12. Nation I., Macalister J. 2010. *Language Curriculum Design (ESL and Applied Linguistics Professional Series)*. N.Y.; L.
13. Osimk R. 2009. Decoding Sounds: An Experimental Approach to Intelligibility in ELF. *Vienna English Working Papers*, vol. 18, no. 1, pp. 64–89.
14. Rahimi M., Ruzrokh S. 2018. The Impact of Teaching Lingua Franca Core on English as a Foreign Language Learners' Intelligibility and Attitudes towards English Pronunciation. *Asian Englishes*, vol. 18, no. 2, pp. 141–156.
15. Schwarz N., Knauper B., Hippler H., Noelle-Neumann E., Clark L. 1991. Rating Scales: Numeric Values May Change the Meaning of Scale Labels. *Public Opinion Quarterly*, vol. 55, no. 4, p. 570.
16. Seidlhofer B. 2011. *Understanding English as a Lingua Franca*. Oxford, Oxford University Press.
17. Wach A. 2001. Native-Speaker and English as a Lingua Franca Pronunciation Norms: English Majors' Views. *Studies in Second Language Learning and Teaching*, vol. 1, no. 2, pp. 247–266.
18. Walkinshaw I., Oanh D.H. 2014. Native and Non-Native English Language Teachers: Student Perceptions in Vietnam and Japan. *SAGE Open*.
19. Zoghbor W. 2018. Teaching English Pronunciation to Multi-Dialect First Language Learners: The Revival of the Lingua Franca Core (LFC). *System*, vol. 78, pp. 1–14.

Ю.А. Гущина

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В настоящее время четко прослеживается несоответствие между предъявляемым социальным заказом на подготовку высококвалифицированных специалистов в области преподавания иностранных языков и реализуемым процессом обучения будущих педагогических кадров, в котором профессионально-ориентированному лексическому аспекту речи уделяется крайне мало внимания. Соответственно, в статье рассматривается вопрос определения и содержания лексической компетенции в отечественной и зарубежной традиции, а также происходит переосмысление понятия «профессиональная лексическая компетенция преподавателя иностранного языка». Анализ существующих дефиниций понятия «лексическая компетенция», позволил выделить концептуальные положения данного феномена, а также уточнить и дополнить определение термина «профессиональная лексическая компетенция учителя/преподавателя иностранного языка». Помимо этого, в статье освещается роль понятий «лексическая компетенция» и «профессиональная лексическая компетенция» в структуре коммуникативной и, соответственно, профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции учителей и преподавателей иностранного языка. На основании проанализированных источников, сделан вывод о том, что профессиональную лексическую компетенцию можно рассматривать в качестве ключевого компонента языковой подготовки будущих педагогов. Наконец, перечисляются шаги для создания модели обучения профессионально-ориентированной лексике студентов лингводидактических специальностей.

Ключевые слова: лексическая компетенция; профессиональная лексическая компетенция; профессиональная подготовка преподавателей иностранного языка.

Введение. Проблема обучения лексическому аспекту иноязычной речи на протяжении многих лет привлекала внимание как отечественных, так и зарубежных лингвистов, психологов и преподавателей (И.Л. Бим, В.А. Бухбиндер, Н.И. Гез, Б.А. Лапидус, Е.И. Пассов,

---

Гущина Юлия Александровна – аспирант факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: gushchina.msu@gmail.com).

И.В. Рахманов, А.Н. Шамов, С.В. Шатилов, R. Carter, M. McCarthy, N. Schmitt, J. Richards, M. Lewis, R. Oxford). Тем не менее до сих пор остается нерешенным вопрос, связанный с обучением профессионально-ориентированной лексике будущих учителей и преподавателей английского языка.

Без должного внимания остается подъязык специальности, который используется учителями и преподавателями непосредственно для проведения занятий, и является одной из разновидностей ESP (English for Specific Purposes) – «английского языка для специальных целей». Иными словами, вне фокуса остается особая лексика, специализированный набор языковых и речевых навыков и умений, которые требуются для решения самых разных профессионально-педагогических задач.

Вариативность определений понятия «лексическая компетенция». Одним из условий успешного осуществления языковыми педагогами их профессиональной деятельности является знание и использование объемных пластов лексики, что говорит о том, что в процессе обучения будущих учителей и преподавателей английского языка следует уделять особое внимание развитию и совершенствованию лексической компетенции. Последние исследования подтверждают тот факт, что в профессиональном дискурсе учителей английского языка довольно часто присутствуют грамматические и лексические ошибки, что также свидетельствует о том, что процесс формирования лексической компетенции требует более тщательного отношения [Корнев, Семина, 2018]. Однако прежде, чем обратиться к профессиональной лексической компетенции, необходимо ознакомиться с ее первоосновой – лексической компетенцией, и проследить ее взаимоотношения с коммуникативной компетенцией.

Несмотря на то что некоторые авторы не выделяют лексическую компетенцию и не дают ей какого-либо определения, в одном из главных дескриптивных документов в сфере языковой политики и образования Совета Европы под названием “Common European Framework of Reference: Learning, Teaching, Assessment” (CEFR), понятие «лексическая компетенция» хотя весьма лаконично, но все же закреплено в терминологическом поле, где под ней подразумевается знание словарного состава языка, состоящего из лексических и грамматических элементов, и способность использовать их в речи [Council of Europe, 2001].

У истоков понятия «лексическая компетенция» стоит профессор Д. Ричардз, который рассматривал ее в виде некоторой совокупности знаний о слове, куда вошли: семантическая ценность, синтаксическое поведение, возможные коллокации, ассоциативные сети, частота/ситуации употребления данного слова и др. [Richards, 1976]. Его

работа послужила своеобразным импульсом, который стимулировал интерес других ученых. Так, И. Нейшн выступил последователем идей Д. Ричардза, добавил к этим пунктам акустическую форму слова и выделил три главных составляющих лексической компетенции:

- 1) знание формы слова;
- 2) знание значения слова;
- 3) знание об употреблении слова [Nation, 2001].

Из отечественных определений лексической компетенции наиболее близким нам является определение, данное А.А. Фетисовой, которая говорит о ней, затрагивая интересующую нас целевую аудиторию – «...способность и готовность учителя иностранного языка на основе совокупности приобретенных лексических знаний, навыков и умений, языкового и речевого опыта осуществлять корректное межличностное и межкультурное иноязычное общение в профессиональной деятельности в соответствии с языковыми, стилистическими и социокультурными нормами языка» [Фетисова, 2011: 11].

Профессиональная лексическая компетенция учителя/преподавателя иностранного языка. Нас также интересует позиция и роль лексической компетенции в составе коммуникативной компетенции, а также роль профессиональной лексической компетенции относительно профессионально-коммуникативной компетенции. Учитывая взаимообусловленность и созависимость лексической и коммуникативной компетенций, таким же образом, профессиональная лексическая компетенция будет выступать в качестве лингвистического «каркаса» для формирования профессионально-коммуникативной компетенции преподавателей и учителей иностранного языка.

Наиболее ценным для нас представляется определение, данное Т.Н. Андреенко, где она рассматривает профессиональную лексическую компетенцию учителя иностранного языка. Под ней она понимает следующее: «...профессионально значимое интегративное качество языковой личности, лингвистическая основа иноязычной коммуникативной компетенции, образованная на основе теоретических знаний, практических умений и навыков, сформированной способности и готовности использовать словарный состав изучаемого иностранного языка в процессе выполнения педагогической деятельности» [Андреенко, 2012: 28].

Мы соглашаемся с тем, что она является основой иноязычной коммуникативной компетенции и состоит из теоретических знаний, практических умений и навыков, однако способность и готовность использовать словарный состав изучаемого иностранного языка мы отнесем скорее к сфере лексической компетенции, т.е. к общему владению лексиконом.

Как нам кажется, именно для данного определения нужно подчеркнуть особый контекст протекания коммуникации, многоаспектный характер учебно-педагогической деятельности, который включает множество подзадач (причем, как коммуникативных, так и экстралингвистических), также следует выделить факт оперирования специальной лексикой, и нахождение внутри особого дискурса, который регламентирован своими правилами и нормами. Помимо этого невозможно игнорировать значение социокультурного компонента, без которого немислимо межкультурное профессиональное общение и взаимодействие с международным научным сообществом для решения актуальных профессиональных проблем и вызовов, обмена методическим опытом, эффективного представления отечественных исследовательских достижений на иностранном языке за рубежом [Сафонова, 2018].

Кроме того, мы ведем речь о студентах лингводидактических направлений, поэтому стоит подчеркнуть, что они находятся в амбивалентной позиции: с одной стороны, они обучающиеся, с другой – во время прохождения педагогической практики, они де-факто являются теми, кто обучает иностранному языку, поэтому для формирования у них профессиональной лексической компетенции важен любой опыт, который они приобретают.

Данную компетенцию не следует замыкать исключительно на типичных задачах, которые педагогу приходится ежедневно решать внутри класса (объяснение материала, формулировка заданий, управление аудиторией и т.п.). Часто педагогам приходится осуществлять и иные задачи, но вне аудитории [Ершова, Коренев, 2016]. Например, разработка курсов и тестов, составление отчетов, общение с родителями и т.п. Более того, чтобы стать хорошим специалистом, подразумевается, что нужно участвовать в конференциях, читать иностранную методическую литературу, контактировать с зарубежными коллегами и т.д. Все это также требует знания особого пласта профессионально-ориентированной лексики и свободного оперирования им.

С учетом проанализированных дефиниций и неучтенных в них концептуально значимых моментов (выделение особого лексического пласта и конкретных действий, совершаемых с ним, добавление педагогического опыта, уточнение формы взаимодействия, двойственность позиции будущих педагогов, вариативность профессионально-педагогических задач, учет контекста, а также расширение характера деятельности), мы предлагаем свое определение данного феномена. *Профессиональная лексическая компетенция (будущего) учителя/преподавателя иностранного языка* – лингвистическая основа коммуникативной компетенции, способность и готовность

(потенциального) языкового педагога на основании комплекса знаний, навыков, умений, личных качеств и приобретаемого (языкового, речевого, педагогического) опыта к восприятию, усвоению и употреблению профессионально-ориентированной лексики при устно-речевом/письменном межличностном и межкультурном взаимодействии в процессе осуществления учебно-педагогической деятельности, а также для решения типичных коммуникативных задач и иных потребностей, свойственных данной профессии и обусловленных контекстом, в соответствии с принятыми языковыми, стилистическими и социокультурными нормами.

Заключение. Перспективу дальнейшего исследования проблемы мы видим в теоретическом построении и эмпирической проверке модели обучения профессионально-ориентированной лексике студентов лингводидактических направлений. Для этого планируется провести следующие действия: во-первых, определить критерии отбора профессионально-ориентированных лексических единиц и фраз, присущих классному обиходу. Во-вторых, после методического и методологического отбора данных лексических единиц, провести их систематизацию. В-третьих, полученные результаты помогут разработать научно-обоснованный комплекс заданий для формирования у студентов профессиональной лексической компетенции. Перечисленные шаги позволят теоретически обосновать, построить и экспериментально проверить предлагаемую модель обучения профессионально-ориентированной лексике студентов лингводидактических специальностей, что и является нашей главной целью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреевко Т.Н.* Дефиниция понятия «профессиональная лексическая компетенция учителя иностранного языка» // Психология образования в поликультурном пространстве. 2012. № 2. С. 22–30.
2. *Ершова Т.А., Корнев А.А.* Использование интегрированных заданий на чтение и письменную речь для развития профессионально-коммуникативных и когнитивных умений студентов педагогических специальностей // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 159–168.
3. *Корнев А.А., Семина Н.В.* Методика классификации ошибок в педагогической речи российских учителей английского языка (на материале видеозаписей уроков) // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: Сборник научных трудов. 2018. № 2. С. 166–172.
4. *Сафонова В.В.* Основопологающие принципы моделирования учебной литературы по теории и методике обучения межкультурному общению в высшей школе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 65–75.
5. *Фетисова А.А.* Структура иноязычной лексической компетенции студентов, будущих учителей иностранного языка // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2011. №. 5. С. 11.

6. *Council of Europe*. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. 2001. URL: <https://rm.coe.int/1680459f97> (дата обращения: 19.05.2020).
7. *Nation I*. Learning vocabulary in another language. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
8. *Richards J*. The role of vocabulary teaching // *TESOL Quarterly*. 1976. Vol. 10. No. 1. P. 77–89.

Yuliya A. Gushchina

“PROFESSIONAL LEXICAL COMPETENCE OF A LANGUAGE TEACHER”: REVISING THE CONCEPT

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Although lexical competence is a part of communicative competence, it has not always been regarded as a priority in the field of language teaching and, therefore, it has failed to receive all the attention that it deserves. Moreover, the urgent need for training highly qualified specialists in language pedagogy places increasing demands on language teachers and their professional training. While a great amount of effort has concentrated on improving teachers' language proficiency, little has been said and done on developing their skills in terms of professionally-oriented vocabulary. This article examines conceptual features of notions “lexical competence” and “professional lexical competence” concerning the process of training pre-service language teachers. The article also analyzes their actual definitions. Thus, a revised term “professional lexical competence of a language teacher” is introduced. Besides, the article depicts the content of lexical competence and its position within communicative competence of prospective language teachers. As a result of the analysis made, one can consider lexical competence and professional lexical competence regarding the process of training future language teachers as core, interdependent elements that contribute to the ongoing development of professional communicative competence and communicative competence respectively. Finally, steps for designing a training model for pre-service language teachers are enumerated.

Key words: lexical competence; professional lexical competence; professional lexical competence of a language teacher; pre-service language teacher training.

About the author: *Yuliya A. Gushchina* – Postgraduate Student at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: gushchina.msu@gmail.com).

REFERENCES

1. Andreenko T.N. 2012. Definititsiya ponyatiya “professional'naya leksicheskaya kompetentsiya uchitelya inostrannogo yazyka” [Definition of the notion “professional lexical competence of a language teacher”]. *Educational Psychology in Polycultural Space*, no. 2, pp. 22–30. (In Russ.)

2. Ershova T.A., Korenev A.A. 2016. Ispol'zovanie integrirovannykh zadaniy na chtenie i pis'mennuyu rech' dlya razvitiya professional'no-kommunikativnykh i kognitivnykh umenii studentov pedagogicheskikh spetsial'nostei [Integrated reading into writing tasks for the development of trainee teachers' professional communicative and cognitive skills]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 159–168. (In Russ.)
3. Korenev A.A., Semina N.V. 2018. Metodika klassifikatsii oshibok v pedagogicheskoi rechi rossiiskikh uchitelei angliiskogo yazyka (na materiale videozapisei urokov) [Classification of errors methodology in the Russian foreign language teachers' classroom speaking (a study of video recorded English language lessons)]. *Language. Culture. Translation. Communication: collection of research papers*, no. 2, pp. 166–172. (In Russ.)
4. Safonova V.V. 2018. Osnovopolagayushchie printsipy modelirovaniya uchebnoi literatury po teorii i metodike obucheniya mezhhkul'turnomu obshcheniyu v vysshei shkole [Fundamental principles for designing pedagogical literature on the methodology of teaching intercultural communication in higher education]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 65–75. (In Russ.)
5. Fetisova A.A. 2011. Struktura inoyazychnoi leksicheskoi kompetentsii studentov, budushchikh uchitelei inostrannogo yazyka [The structure of lexical competence of future EFL teachers]. *Topical issues of philology and language methodology*, no. 5, pp. 225–234. (In Russ.)
6. Council of Europe. 2001. *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment*. URL: <https://rm.coe.int/1680459f97> (accessed: 19.05.2020)
7. Nation I. 2001. *Learning vocabulary in another language*. Cambridge, Cambridge University Press.
8. Richards J. 1976. The role of vocabulary teaching. *TESOL Quarterly*, vol. 10, no. 1, pp. 77–89.

НАША НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Г.Г. Молчанова, В.В. Робустова

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФОРУМ ФИЯР-2020¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Настоящая статья посвящена обзору научных тематик и докладов, представленных на III Международной междисциплинарной научно-практической конференции «Язык. Культура. Перевод. Коммуникация», которая прошла 26–27 октября 2020 г. на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова. Обсуждался широкий круг вопросов, связанных с функционированием архитипических мифологем в современном дискурсе, представленности системообразующих концептов в языковой картине мира, феномене производности в культуре и языке, методах корпусной лингвистики в изучении иностранного языка, рассмотрении когнитивных основ контакта двух культур, проявлении кросс-модальной иконичности в разных типах дискурса, коммуникативным характеристикам абсурда. Широкое освещение проблем изучения межкультурной коммуникации, регионоведения и лингвистики было дано в тематических секциях, которые проходили два дня и стали наиболее многочисленными по количеству докладчиков. Вопросы теории, истории и методологии традиционно легли в основу оживленной секционной дискуссии. Участники поделились результатами в области современной лингвистики, традиционными и инновационными подходами к изучению языковых проблем. Отдельная секционная дискуссия была связана с традициями и новаторством в современных концепциях обучения иностранным языкам и русскому языку как иностранному. Мастер-классы позволили участникам повысить компетенцию в области использования информационно-коммуникационных технологий в обучении иностранным языкам.

Молчанова Галина Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, декан факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dean@fl.msu.ru).

Робустова Вероника Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: nikarbs@yandex.ru).

¹ Форум проходил при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Ключевые слова: международная междисциплинарная конференция «Язык. Культура. Перевод. Коммуникация».

Самым важным направлением современной научной деятельности является феномен междисциплинарности, лежащий в основе разнообразных современных исследований как отечественных, так и зарубежных ученых, фокусирующих свое внимание на преодолении усложняющихся вызовов современности и сохранении гуманистических ценностей. Все возрастающая роль искусственного интеллекта в жизнедеятельности человека и общества требуют пристального внимания и разностороннего осмысления, с привлечением смежных наук, для приращения междисциплинарных гуманитарных знаний, их качественного совершенствования, а также практического применения для обеспечения развития общества и его безопасности в ситуации нарастания многоуровневых вызовов современности. Исследование коммуникативных кодов как средства формирования общегуманитарных компетенций человека нового поколения, новой когнитивной поликодовой модели порождения знания, что особенно актуально для факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.

Обсуждению указанных вопросов была посвящена III Международная междисциплинарная научно-практическая конференция «Язык. Культура. Перевод. Коммуникация» (председатель оргкомитета – ректор Московского университета, академик В.А. Садовничий, заместитель председателя – декан факультета иностранных языков и регионоведения, профессор Г.Г. Молчанова) при поддержке Российской ассоциации лингвистов-когнитологов (РАЛК). В Конференции приняли участие более 200 ученых из различных вузов и исследовательских центров России (11 регионов России представляли 29 ведущих вузов РФ), а также ученые Белоруссии, Болгарии, Германии, Казахстана, Китая, Мьянмы, Польши и Чехии. Среди зарубежных гостей были представители Цзилиньского университета, Университета Санья, Государственной экономической академии Германии, Университета гуманитарных и естественных наук имени Яна Длугоша, Янгонского университета иностранных языков, Медицинского университета в Пловдиве, Белорусского национального технического университета, Казахского национального педагогического университета имени Абая и Постоянного представительства РФ при международных организациях в Вене.

К наиболее активно представленным российским вузам относятся МГУ имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Дипломатическая академия МИД РФ, МГИМО, Финансовый университет при Правительстве РФ, Санкт-

Петербургский государственный экономический университет, Сибирский федеральный университет, МГЛУ, РГГУ, РУДН, НИУ ВШЭ, Национально-исследовательский технологический университет «МИСиС», Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, МПГУ имени В.Л. Ленина, Северный Арктический Федеральный университет, Санкт-Петербургский институт искусств и реставрации, Тюменский государственный университет, Европейский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, ГИТИС, Кемеровский государственный университет, НИУ Московский институт электронной техники, ГМПИ им. М.М. Ипполитова-Иванова, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Российский государственный гидрометеорологический университет.

Высокая актуальность, свежий взгляд, фундаментальный подход и глубина проработки научной проблемы характеризуют пленарные выступления, посвященные междисциплинарным подходам в изучении языка, когнитии и коммуникации: декан факультета иностранных языков и регионоведения МГУ, профессор *Г.Г. Молчанова* «Архетипическая мифологема в современном дискурсе», заместитель декана по научной работе филологического факультета МГУ, профессор *О.А. Александрова* «Системообразующие концепты в языковой картине мира», профессор Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, почетный президент общероссийской общественной организации «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов» *Н.Н. Болдырев* «Феномен производности в культуре и языке», профессор, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, главный научный сотрудник Института языкознания РАН *В.З. Демьянков* «Об усвоении неродного языка и корпусной лингвистике: что такое *хайли лайкли*», проректор по инновационным международным проектам РГГУ, профессор *В.И. Заботкина* «К вопросу о когнитивных основах контакта двух культур», проректор по науке МГЛУ, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН, профессор *О.К. Ирисханова* «Проявления кросс-модальной иконичности в разных типах дискурса», член-корреспондент Международной академии педагогических наук, профессор Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина *В.И. Карасик* «Коммуникативные характеристики абсурда».

Практическое применение нового знания в области обучения иностранным языкам и межкультурному общению дали творческие мастер-классы профессора *С.В. Титовой* «Видеоприложения и видеоресурсы для создания интерактивных полифункциональных речевых заданий», профессора *М.К. Голованивской* «Политические

технологии в социальных сетях», доцента *А.П. Авраменко* «Микро-обучение иностранным языкам: методика, технологии и форматы заданий», доцента *А.А. Коренева* “The Golden Rules of Classroom Communication”, доцента *И.В. Петросян* «Обучающий и исследовательский потенциал словарей английского языка», ст. преподавателя *А.Ю. Калинина* «Современные ИКТ в обучении устному переводу» и ст. преподавателя *В.А. Фадеевой* «Использование виртуальной доски *Miro* в смешанном и дистанционном обучении иностранному языку». Отметим широкое обсуждение, которое вызвали проведенные мастер-классы, среди отечественных и зарубежных ученых.

Тематика пленарных докладов легла в основу круга проблем, обсужденных в ходе работы 13 научных секций. Были рассмотрены актуальные вопросы исследований в русле межкультурной коммуникации, культурологии и регионоведения; проблемы теории, истории и методологии перевода, традиционные и инновационные подходы к лингвистическим исследованиям, традиции и новаторство в современных концепциях обучения иностранным языкам и русскому языку как иностранному. Широкое обсуждение получили новые подходы к обучению иностранным языкам для профессиональной коммуникации, в сфере делового и корпоративного общения с учетом новых цифровых систем коммуникации. Современным подходам к обучению русскому языку в разных культурах и применению онлайн обучающих платформ были посвящены доклады зарубежных ученых. Возможность проектирования программ на иностранных языках и вопросы их имплементации в образовательный процесс вызвали особую дискуссию.

В конференции участвовали ученые, представляющие различные исследовательские школы, преподаватели-практики, а также начинающие свой путь в науке аспиранты и студенты. В рамках молодежного Круглого стола студенты бакалавриата и магистратуры поделились результатами научных поисков, живо и творчески обсудили вопросы перевода реалий в художественном тексте, аспекты изучения функционирования имен собственных в разных типах дискурса, особенности деловой межкультурной коммуникации и вопросы адаптации художественного текста при экранизации произведения.

На заключительном пленарном заседании с докладами выступили профессор Московского государственного областного педагогического университета *Г.Т. Хухуни* «Референция или прагматика (о возможных стратегиях переводов Библии)», профессор, зав. кафедрой немецкого языка и культуры *В.В. Захаров* «Военные переводчики в годы войны и мира», профессор кафедры сопоставительного изучения языков *Л.И. Богданова* «Оценочные характеристики

лексики в грамматическом преломлении», профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации *В.В. Сафонова* «Переводческая образованность как неотъемлемое качество преподавателя университета XXI века», профессор, зав. кафедрой итальянского языка *Д.А. Шевлякова* «Международный день итальянской “*commedia dell’ arte*”: механизмы сохранения культурного кода нации и трансляция нематериального культурного наследия» и доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации *В.В. Робустова* «Ономастический кавер или использование имен-символов для создания новых историй». В заключительной части были подведены итоги работы конференции и приняты практические рекомендации для совершенствования преподавания иностранного языка, культуры, межкультурной коммуникации и перевода в вузовской аудитории; отмечены прорывные и наиболее актуальные аспекты изучения языковых и дискурсивных практик, путей развития межкультурной компетенции в школе и вузе; подчеркнута новизна тематик научных исследований в рамках культурологии, региональных исследований и перевода в современной гуманитарной науке в целом.

III Международная междисциплинарная конференция «Язык. Перевод. Культура. Коммуникация» стала широкой площадкой для плодотворного обсуждения как теоретических вопросов лингвистики, межкультурной коммуникации, теории обучения иностранным языкам, регионоведения и культурологии, так и способов внедрения нового знания в академические и научно-исследовательские практики. Междисциплинарный подход к изучению заявленных проблем открывает новые возможности для исследования и решения как классических, так и новых вопросов, вызовов современности, на новом уровне, исходя из новых ситуаций, выходя за конкретные предметные пределы. Международная междисциплинарная научно-практическая конференция «Язык. Культура. Перевод. Коммуникация» с 2021 г. будет проводиться ежегодно в рамках научно-образовательной школы МГУ «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александрова О.В.* Дискурс и текст: общее и различное // Когнитивные исследования языка. 2018. Т. 33. С. 28–32.
2. *Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М., 2019.
3. *Демьянков В.З.* Предвидеть и предсказать: дискурс о предзнании и прекогниция // Когнитивные исследования языка. 2020. Т. 41. С. 65–72.
4. *Заботкина В.И.* Язык и идентичность: изменения в русскоязычной и англоязычной картинах мира // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2020. № 1 (105). С. 72–75.

5. *Ирисханова О.К.* Когнитивная поэтика жестов: к постановке проблемы // Когнитивные исследования языка. 2019. Т. 36. С. 72–86.
6. *Карасик В.И.* Языковые картины бытия. М., 2020.
7. *Молчанова Г.Г.* Когнитивные подходы к изменению дискурса нового поколения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 9–18.

Galina G. Molchanova, Veronika V. Robustova

INTERDISCIPLINARY LINGUISTICS FORUM FFLR-2020²

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article is devoted to a review of academic topics and reports presented at the international interdisciplinary academic and practical conference “Language. Culture. Translation. Communication”, which took place on October 26–27, 2020 at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University. During the conference a wide range of issues was discussed: the functioning of archetypical mythologemes in modern discourse, the representation of system-forming concepts in the linguistic picture of the world, the phenomenon of productivity in culture and language, methods of corpus linguistics in the study of a foreign language, consideration of the cognitive foundations of contact between two cultures, the manifestation of cross-modal iconicity in different types of discourse, communicative characteristics of the absurd. A wide coverage of the problems of studying intercultural communication, area and cultural studies was given in thematic sections, which took two days and became the most numerous in terms of the number of speakers. Questions of theory, history and methodology traditionally formed the basis of a heated sectional discussion. The participants shared their scientific research results in the field of modern linguistics, traditional and innovative approaches to the study of language problems. A separate sectional discussion was related to traditions and innovation in modern concepts of teaching foreign languages and Russian as a foreign language. The workshops allowed the participants to improve their competence in the use of information and communication technologies in teaching foreign languages.

Key words: international interdisciplinary conference “Language. Culture. Translation. Communication”.

About the author: *Galina G. Molchanova* – Dr. habil. in Philology, Professor, Head of the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Dean of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: dean@ffl.msu.ru); *Veronika V. Robustova* – PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: nikarbs@yandex.ru).

---

² This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

REFERENCES

1. Aleksandrova O.V. 2018. Diskurs i tekst: obshchee i razlichnoe [Discourse and text: general and different]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Vol. 33, pp. 28–32. (In Russ.)
2. Boldyrev N.N. 2019. *Yazyk i sistema znanii. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and knowledge system. Cognitive theory of language]. 2nd ed. Moscow, Izdatel'skii Dom YaSK. (In Russ.)
3. Dem'yankov V.Z. 2020. Predvidet' i predskazat': diskurs o predznanii i prekognitsiya [Anticipate and Predict: Discourse on Prediction and Precognition]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Vol. 41, pp. 65–72. (In Russ.)
4. Zabotkina V.I. 2020. Yazyk i identichnost': izmeneniya v russkoyazychnoi i angloyazychnoi kartinakh mira [Language and identity: changes in the Russian-speaking and English-speaking worldviews]. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy*, no. 1 (105), pp. 72–75. (In Russ.)
5. Iriskhanova O.K. 2019. Kognitivnaya poetika zhestov: k postanovke problemy [Cognitive Poetics of Gestures: Towards a Problem Statement]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Vol. 36, pp. 72–86. (In Russ.)
6. Karasik V.I. 2020. *Yazykovye kartiny bytiya* [Language pictures of being]. Moscow, Gos. in-t russkogo yazyka im. A.S. Pushkina. (In Russ.)
7. Molchanova G.G. 2019. Cognitive approaches to the new generation worldview. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 9–18. (In Russ.)

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ 19.
ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ» в 2020 г.**

	№	С.
<i>Avetisyan N.G.</i> The Process of Democratization in the Contemporary Language of Mass Media	1	38
<i>Афинская З.Н., Алтухов А.В.</i> Номадические термины в процессе циркуляции знания	1	146
<i>Анастасьева И.Л.</i> Феномен игры в шар как опыт мистической практики движения души к себе (Николай Кузанский)	4	108
<i>Анисимова Е.Е., Финк Т.Е.</i> Лингвопрагматический аспект публицистического дискурса о здоровом образе жизни (На примере немецкоязычных журналов “Women’s Health” и “Stern. Gesundleben”)	4	87
<i>Бахтиозина М.Г., Хачатрян Г.С.</i> Языковое образование как фактор развития межкультурной коммуникации в контексте современной деловой поликультурной парадигмы	1	164
<i>Брыгина А.В.</i> О проблеме адаптации художественных текстов для учебных целей	3	179
<i>Бубнова Г.И.</i> Лингво-когнитивные стратегии, определяющие трансформации письменного текста в ситуации чтения и говорения	4	9
<i>Выродова М.В.</i> Роль семьи в процессе трансформации женских жизненных стратегий во Франции середины XIX – начала XX в.	1	97
<i>Глазова Е.А.</i> Французская идентичность в современной французской рекламе: язык и культура	3	124
<i>Головановская М.К.</i> Культурологические особенности русского любовного признания	2	66
<i>Горбачевская С.И., Меркиш Т.А.</i> Уровни переводческого анализа текста короткого рассказа (из опыта перевода рассказов В. Борхерта на русский язык)	3	97
<i>Греция С.С.</i> Когнитивно-функциональное конструирование поликультурной идентичности в художественном тексте	3	106
<i>Gorodetskaya L.A., Kozhevnikova L.A.</i> Persuasiveness in Academic and Business Writing	4	39
<i>Гринчук Н.Л.</i> Традиции католической культуры в построении ценностной системы итальянского фашизма	1	104
<i>Грушевская Е.Г.</i> Влияние массовой культуры на элитарную (на примере итальянского футуристического театра)	3	154

	№	С.
<i>Гущина Ю.А.</i> Профессиональная лексическая компетенция преподавателя иностранного языка: переосмысление понятия	4	191
<i>Деревцова Е.Ю.</i> Событие как онтологическая категория в художественной структуре античной трагедии	3	162
<i>Добросклонская Т.Г.</i> Медиалингвистика: актуальные направления изучения медиаречи	4	26
<i>Доржиева Г.С., Ткачева О.А.</i> Эргонимы в туристическом дискурсе: типологический и функциональный аспекты (на примере эргонимов Республики Бурятия)	3	39
<i>Едличко А.И.</i> Орфоэпические нормы немецкого языка: проблемы систематизации и кодификации	3	72
<i>Едличко А.И.</i> Плюрицентричность немецкого языка как лингводиактическая проблема	1	154
<i>Загряжкина Т.Ю.</i> «Вехи идентичности» в межкультурном и языковом аспектах (от Прованса к Окситании)	3	24
<i>Загряжкина Т.Ю.</i> Конструкт идентичности в творчестве трубадуров, или «Другая Франция» сквозь призму языка	1	22
<i>Зинчук Д.А.</i> Методологические особенности изучения социокультурной деятельности Советской военной администрации в Германии	1	90
<i>Зинчук Д.А.</i> О роли социокультурного аспекта в демократизации Германии в американской и советской оккупационных зонах	4	151
<i>Изволенская А.С.</i> “The Catcher in the Rye”: голос, потерянный в переводе	1	82
<i>Илсон Р.</i> The Lexicography of Concepts: the Crusades	4	22
<i>Ilson R.</i> What makes a good translation equivalent?	2	23
<i>Исаева А.Ю.</i> Лингвистические способы поэтизации образа Парижа XIX в. в нефикциональном повествовании	3	50
<i>Исаева А.Ю.</i> Метафоризация образа Парижа в мемуарах Ж.-Э. Османа	2	164
<i>Калинин А.Ю.</i> Прагматически детерминированные приемы аудиовизуального медиаперевода	2	41
<i>Калуцков В.Н.</i> Концептуализация географического пространства: ономастические аспекты	1	57
<i>Карташева Н.В., Романова А.А.</i> Творческие принципы режиссуры Б.А. Покровского	3	116
<i>Комарова А.И.</i> Мотивированные vs немотивированные термины географии	3	61
<i>Комков О.А.</i> К вопросу об экзистенциальном статусе культуры в философии истории Карла Ясперса	4	118
<i>Крюкова О.А.</i> Культурная память сквозь призму документального фильма (на материале языка «прямого кино» Квебека)	2	111
<i>Левецкий А.Э., Никольшина Т.Н.</i> Номинация онтологического пространства в русских и английских народных сказках: сопоставительный аспект	3	9

	№	С.
<i>Маринин О.В.</i> Социокультурный аспект изучения деятельности Советской военной администрации в Германии как актуальная проблема регионоведения	4	143
<i>Маслова А.А., Колесникова А.Н.</i> Требования к произношению преподавателя английского языка: нормативность или фонетическая разборчивость?	4	176
<i>Медведева Е.В.</i> Семантика достопримечательностей и ее роль в формировании текста города	4	134
<i>Миньяр-Белоручева А.П.</i> Роль национальной культурной картины мира в изучении иностранных языков	2	182
<i>Моклецова И.В.</i> Традиция милосердия в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»	2	76
<i>Молчанов Д.В., Шадрин Д.В.</i> Новые коммуникативные функции культуры во время пандемии COVID-19	4	99
<i>Молчанова Г.Г.</i> Типы и техники мемов как механизма формирования нового знания	2	9
<i>Молчанова Г.Г., Робустова В.В.</i> Междисциплинарный лингвистический форум ФИЯР-2020	4	198
<i>Морозова М.М.</i> Зарубежная литературная география: основные направления исследований	2	150
<i>Назаренко А.Л., Шайхлисламова Л.Ф.</i> Критерии отбора компьютерных игр для обучения диалогической речи на иностранном языке специалистов негуманитарного профиля	4	157
<i>Невежина Е.А.</i> Взаимодействие культур в полилингвальном пространстве: франко-фламандский конфликт от истоков до наших дней	2	118
<i>Невежина Е.А.</i> Французский язык в Юго-Восточной Азии: проблемы и тенденции современной языковой политики	4	65
<i>Никитина Л.В.</i> Культура питания современной Японии – единение традиций и новаций	3	144
<i>Овчинникова Ю.С.</i> Программа лекционного курса «Традиционная музыка в культуре народов мира»	3	135
<i>Павловская А.В.</i> Глобальное vs региональное: к вопросу о проблемах межкультурной коммуникации в глобальном мире	1	9
<i>Павловская А.В.</i> Взаимодействие культур в международном образовании: к вопросу о проблемах межкультурной коммуникации в глобальном мире	2	52
<i>Перетьяко А.В.</i> Стилистические особенности испанского футбольного онлайн-комментария	1	130
<i>Полубиченко Л.В.</i> Диминутивы как лингвистически релевантные личностные индексы в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и их передача в переводе	3	83
<i>Полубиченко Л.В., Фурсова А.А.</i> Учебный словарь цитат: предпосылки и первые результаты	1	47

	№	С.
<i>Раевская М.М.</i> Язык и пространство: тема руины в испанской поэзии . . .	2	86
<i>Раевская М.М., Селиванова И.В.</i> Прагматический потенциал метафоры в публичном выступлении (На материале рождественских речей испанского монарха Хуана Карлоса I)	4	57
<i>Робустова В.В.</i> К юбилею Галины Георгиевны Молчановой	3	188
<i>Розина М.С., Соловьева М.В.</i> Проблемы интеграции студентов из стран Азии в российскую академическую среду и пути их решения	2	131
<i>Руцинская И.И.</i> От «жития» к «иконе»: письменные источники живописной сталинианы	1	70
<i>Смирнова В.Е.</i> Динамика смыслового содержания этнонимов России в дискурсе французов XVII–XVIII вв.	4	80
<i>Соколова Н.В.</i> Текстовые категории англоязычного патента	1	137
<i>Соловьева Ю.О.</i> Герой или злодей: образ адвоката в современной американской популярной культуре	1	81
<i>Соловьева Ю.О.</i> Современные методы атрибуции текста в англосаксонской практике автороведческой экспертизы	4	48
<i>Столярова А.О.</i> Доминантные речевые акты в коммуникативной ситуации деловых переговоров	2	157
<i>Сысоев П.В.</i> Этапы разработки учебных материалов для предметно-языкового интегрированного обучения	3	169
<i>Товбин К.М., Аторин Р.Ю., Кожурин К.Я.</i> Культурологические проблемы старообрядоведения	2	100
<i>Толстова Т.В.</i> Корпусный анализ жанровых конвенций в российских и зарубежных аннотациях к научным статьям	1	118
<i>Харламенко И.В.</i> Особенности подготовки студентов нефилологического профиля к устному экзамену по иностранному языку	1	174
<i>Харламенко И.В., Фролова Л.В.</i> Экзамен в электронном формате: преимущества, недостатки, возможные перспективы использования	4	168
<i>Хлебникова В.Б.</i> Роль военно-политических мифов в развитии черноморской государственности в XIX – начале XX в.	2	141
<i>Хухуни Г.Т., Валуицева И.И., Осипова А.А.</i> Артемиды или Дианы? (Репрезентация персонажей античной мифологии в переводах Нового Завета)	2	30
<i>Шевлякова Д.А., Лентовская А.В.</i> Акциональные характеристики русских и итальянских глаголов	2	172
<i>Шелехов Д.М.</i> Развитие социофонетических исследований в Германии в конце XX в.	1	110
<i>Шолохова Я.П.</i> Человек и пространство в автодокументальном наследии К.С. Петрова-Водкина	4	127